

Baccano!

1933 – РАЗРЕЗ – От тучи до дождя

Автор: Нарита Рёро (Narita Ryohgo)

Иллюстрации: Энами Кацуми (Enami Katsumi)

Перевод на английский: Spore (<http://anonspore.blogspot.com>)

Перевод с английского: Kai Ender

Оглавление

Цветные страницы.....	4
Пролог Восемь лет назад	14
Глава 0 Бочка	40
Глава 1 Цветы и Домино	51
Глава 2 Копье, катана и ножи	74
Связующая глава Дождь и письма, и ножницы, и любовь, и... ..	122

Цветные страницы

Разговор Братья

Эй, Тик.

– Да?

Почему ты вечно таскаешься с ножницами?

Ты чудной.

Это странно.

– М-м... Я сам не знаю. Наверно, потому же, почему ты такой умный.

Не меняй тему.

Ха-ха. А знаешь, мама говорила, что некоторым не нужны причины чтобы что-то любить.

...

– Так и получилось, что мне нравятся ножницы.

Никогда не могу понять, о чём ты говоришь.

– Прости... Это потому что я тупой.

Да, ты прав.

Люди говорят, что ты не так умён, как я.

Они говорят, что я – гений, а ты просто обычный человек. Говорят, что своим рождением я украл у тебя всё хорошее.

– А... Ну да. Пожалуй, ты прав.

...Ты не сердишься?

– Нет. С чего бы?

Твой младший брат называет себя гением, а тебя – тупицей.

– Но ведь это правда, верно? Ты гораздо умнее меня. Всё так и есть.

...Я действительно не могу тебя понять.

Ты считаешь себя дураком. Ты правда в это веришь..

Так как ты можешь быть таким счастливым?

Если честно, я тебе завидую.

Кажется, что у тебя есть всё, чего не хватает мне...

Поэтому... я ненавижу тебя, братец.

Разговор Старик и внучка

Нет.

Нет, ты не можешь.

Ты не можешь умереть, дедушка...

– Мария... это... ты?

Да, дедушка.

– Ха... Почему ты плачешь, дитя?

Я не хочу, чтобы ты умирал.

– Ха... Думаешь... я хочу? Но однажды... все должны уйти...

Нет, ты не можешь.

Я... я не смогла...

Я ещё не смогла тебя сразить!

– Ха-ха... ха-ха-ха-ха...

Что такое, дедушка? Почему ты смеёшься? Тебе стало лучше?!

– Ты хорошая девочка, Мария... Даже сейчас думаешь о том, чтобы убить меня...

Верно! Я собираюсь сразить тебя и забрать твою жизнь, дедуля!

Так что ты не можешь умереть, пока я этого не сделаю!

– Хватит... Достаточно, Мария.

Дедушка?

– У тебя... самые ясные глаза. Глаза того, кто может убить... без малейшего колебания...

...Дедушка, нет! Не говори больше! Доктор сказал, тебе надо отдыхать...

– Но всё равно в твоих глазах... могут стоять слезы. Ты ещё можешь выразить скорбь потери... своими глазами убийцы. Ха-ха... ха-ха-ха... Мария. Ты будешь... отличным... убийцей...

Дедушка?..

Дедушка!

Не-е-ет!

...Я не смогла зарубить тебя.

Не смогла сразить тебя.

Дедушка... Я пыталась изо всех сил.

Ты ведь говорил мне, дедушка...

Ты говорил, что Мурасамой¹ я могу разрубить даже то, чего не вижу!

И я пыталась поразить Мрачного Жнеца и духов, что пришли, чтобы забрать тебя!

Но мой меч... не мог даже коснуться их...

Потому что я слаба.

Я слаба, поэтому не смогла сразить их.

Я хочу быть сильнее.

Я хочу быть сильнее...

¹ 村雨 (ливень). Произносится как «Мурасаме».

Разговор Отец и дочь

Шейн.

– Да, отец.

Хорошая девочка. Ты сделаешь всё, что я скажу, а с другой стороны – увильнешь от исполнения чужих приказов.

К счастью, круг твоего общения достаточно ограничен, чтобы это не являлось проблемой. Даже если учесть твою мать.

– ...

Ты моя дочь, мой хранитель, мой эксперимент, страж моих знаний. Ради этого ты создана.

Поэтому я позволю тебе, и только тебе, одним глазком взглянуть на знания, которыми обладаю только я.

Но только взглянуть. Тебе позволено только слушать и запоминать.

Ты не можешь кому-то рассказать или использовать ради себя.

Можешь пообещать мне?

– Да, отец.

Ни секунды колебаний. Отлично, Шейн.

Тогда... я покажу тебе. Всё, что запрещено. Мою цель. Мир, каким вижу его я.

Понимаю. Я практически навязал это тебе, да? Что ж, если хочешь чего-то взамен – скажи мне.

– Мой голос...

Твой голос?

– Забери мой голос.

...

О, воистину, Шейн, ты – хорошая девочка.

Как твой отец я выполню любое твоё желание. Забрать у тебя голос – секундное дело.

И впрямь, мне ничего не стоит навеки отобрать голос у собственной дочери...

Ха.

Ха-ха...

Вот поэтому я не в состоянии прекратить эксперименты.

Элмер, о Элмер. Что бы ты сказал, если бы увидел меня сейчас?

Даже подопытные кролики иногда удивляют своим поведением. Поэтому я должен продолжать исследования.

Я сказал ей: «Ты никому не сможешь рассказать», и смотри. Шейн, моя дочь, выбрала лишиться голоса только ради того, чтобы показать мне свою решимость.

Воистину, высочайшая верность!

Ну, Элмер? Улыбочный Нарик, мистер Хэппи-Энд. Думаешь, этот жалкий образец тоже сможет обрести счастье?

Нет, пожалуй, я сам прослежу за ответом на этот вопрос.

Всё-таки, это моя обязанность, как исследователя...

Разговор Брат и сестра

Проклятье, я ненавижу эти чертовы фотосъёмки.
– Даллас... Ты снова подрался?
Да. Ну и что? Тебе-то что с того?
Кстати, откуда ты знаешь? Я не поранился.
– Конечно, я знаю. Ты всё время держишь левую руку в кармане... На ней кровь, да?

...Она чужая. Не волнуйся.

– Я не о том! Почему ты постоянно дерёшься?..

Я уже говорил, это не твоё собачье дело! Или ты теперь пререкаешься со старшим братом?

– ...

...Ой, да ладно. Я пошутил. Не смотри на меня так.

– Обещай мне, что не будешь больше драться.

Ага, ага, обещаю.

– Честно, Даллас, ты уже тринадцатый раз это обещаешь.

Правда? Мог бы поклясться, что сегодня впервые.

Эй, что тут смешного?

– На самом деле, я рада, что ты победил, брат.

...

– И я верю, что однажды ты сдержишь своё обещание!

О чем ты говоришь? Продолжишь так лепетать, и над тобой будет смеяться вся местная малышня.

– Тогда ты придёшь и поможешь мне, правда?

Подразумеваешь, я смогу подраться?

– М-м... Тогда я сама о себе позабочусь!

Не откуси больше, чем сможешь прожевать, Ева. Ладно, я понял.

Я обещаю тебе. Я никогда не позволю никому и пальцем тебя тронуть. И это обещание я сдержу.

– Ха-ха... Этого достаточно, чтобы осчастливить меня, пусть даже я и знаю, что это ложь. Спасибо, Даллас!

...Замолкни и улыбнись чертовой камере.

Действующие лица

Тик Джефферсон

Специалист по пыткам в Семье Гандор. Всегда жизнерадостный опытный пользователь пары ножниц.

Так Джефферсон

Младший брат Тика.

Мария Барселито

Незванный гость Семьи Гандор. На первый взгляд – наивная мексиканка, а на самом деле – наёмная убийца с катаной.

Лак Гандор

Самый младший из трех братьев Гандоров. Не слишком годится в гангстеры. Бессмертен.

Айзек Дин и Мирия Харвент

Почти один человек в двух телах. Бессмертны. И хватит.

Фиро Проченцо

Молодой капитан Семьи Мартилло. Бессмертен. Смертоносен с ножом.

Эннис

Девушка, которая живет с Фиро и является его частью.

Майза Аваро

Счетовод Семьи Мартилло. Всегда мягкий и спокойный симпатичный человек. Бессмертен. Изначально алхимик.

Ронни Скиатто

Секретарь Семьи Мартилло. Самый опасный человек в организации. Уровень навыков неизвестен. Демон.

Пеццо

Сотрудник Семьи Мартилло. Толстый. Кличка «Фрикаделька». Бессмертен.

Рэнди

Сотрудник Семьи Мартилло. Тощий. Кличка «Призрак». Бессмертен.

Даллас Дженоард

Отброс.

Ева Дженоард

Младшая сестра Далласа. Совершенно непохожа на брата.

Джакуззи Слот

Глава пёстрой шайки шпаны. Несмотря на татуировку на пол-лица, он на самом деле очень застенчив.

Нис Холистоун

Товарищ и подруга Джакуззи. Теряет голову от всего, что взрывается. Носит очки и повязку на глазу. Вежлива со всеми, кроме Джакуззи.

Джон и Фан

Товарищи Джакуззи. Бармен-ирландец и повар-китаец соответственно.

Донни

Товарищ Джакуззи. Чудовищно сильный мексиканец.

Шейн Лафорет

Товарищ Джакуззи. Немая. Мастерски управляет с ножом. Изначально террористка.

Хью Лафорет

Известный на всю страну террорист. На данный момент в тюрьме. Бессмертен. Изначально алхимик.

Тим

Лидер Лярвы, организации под руководством Хью Лафорета.

Адель

Член Лярвы. Тихая и замкнутая девушка. Смертоносна с острым копьем.

Вино

Убийца, выбравший Манхэттен своим домом. Чудовище. Кличка «Путевой Обходчик».

Пролог
Восемь лет назад

PROLOGUE

Старший брат

Чики-чик, чики-чик.

Пляшут ножницы в руках мальчишки.

Безумно.

Безумно пляшут.

Сентябрь 1925

Где-то в Нью-Йорке

– Может я и молод... но уверяю, моё дело здесь – не детская игра.

– О, конечно, сэр. И не мечтал вам возражать! Нет, сэр!

В вечернем воздухе ещё оставалась дневная жара.

А в магазинчике звучали два совершенно разных голоса.

Там на морёном прилавке царил большой кассовый аппарат.

Деревянной стойке полагалось производить впечатление массивной солидности, но из-за сильной потрепанности она выглядела дешёво, а не величаво.

С двух сторон от неё стояли и смотрели друг на друга два человека.

– Ладно, перейду к делу. Ты должен вернуть нам деньги, – сказал юноша, внешности которого противоречили острый взгляд и неожиданно взрослые интонации.

– Ну ладно... Ой! Н-но-ну пожалуйста, молодой господин! Господи, помилуй, вы меня до смерти напугали! Я даже думать нормально не могу!

Мужчина выглядел раза в три старше юноши, но тем не менее чуть ли ниц перед ним не падал. Он носил плотную куртку совершенно не по сезону, и по его лицу катились крупные капли пота.

Одежда юноши, в свою очередь, тоже выглядела не слишком подходящей к погоде. На дворе стояла ранняя осень, а он носил просторный тренкот и низко надвинутую на глаза серую федору.

Он не обратил внимания на подобострастную улыбку мужчины и по-прежнему спокойным голосом продолжил:

– Меня ставит в тупик, что ты не можешь заплатить всего две тысячи двадцать пять долларов и пятьдесят центов. Подумать только, ты говорил, что сможешь, всего двадцать три дня четырнадцать часов тридцать четыре минуты и девятнадцать секунд назад. Конечно, предполагая, что в этом магазине часы идут точно.

Юноша замолчал, вперив острый взгляд в мужчину.

Тот пристыженно склонил голову, и тишину в комнате нарушало только глухое тиканье часов.

Тик-так.

Тик-так, тик-так, тик-так-тик-так-тик-так-тик-так.

Маятники слаженно стучали вразнобой.

По множеству часов в полутемном помещении сразу было понятно, что хозяин – часовщик. Они беспорядочно располагались по комнате, но всё равно нельзя сказать, чтоб отличались разнообразием.

Все до единого были обычными коричневыми напольными часами, вроде тех, что стоят в семейных гостиных. Ни одни не выделялись характерными особенностями и отличались друг от друга только размером.

Снова заговорил юноша, Лак Гандор, стоявший в часовой лавке.

– ...Судя по твоим словам, у тебя, очевидно, нет денег, чтобы расплатиться с нами. И что ты собираешься с этим делать?

Он мог понять, но не сжалиться.

Часовщик, пригвожденный к месту холодным взглядом, задрожал.

Обильно потея, он попытался выдавить улыбку.

– Я... я бы... Ну, э...

– Во-первых, – заявил Лак, обрывая извинения мужчины прежде, чем они начались, – две тысячи долларов – это двухмесячный заработок банкира. Думаю, продажа этого магазина покроет сумму. Хорошо бы ещё и часы продать, но опять-таки, полагаю, ты оказался в долгах потому, что они не продаются. Тогда, учитывая бесполезность часов, цена за саму землю составит...

– Се-се-секундочку, молодой господин! Пожалуйста!

– Я предпочел бы, чтобы ты меня так не называл, – прищурившись, сказал Лак. Часовщик помотал головой и залепетал:

– П-простите, молодой – ой! Мистер Гандор! Больше не повторится! Но погодите секундочку! Я живу здесь, поэтому, если продам магазин, останусь без крыши над головой! Сжальтесь, сэр!

– Мне искренне любопытно. Ты серьезно веришь, что подобные извинения сработают с людьми вроде нас, особенно если ты нам денег должен? Нам, которых обычные люди называют мафией? Ты ждешь, что мы пожалеем должников, которых выкинули на улицу?

Лак, самый младший из боссов Семьи Гандор, с явным недоверием во взгляде склонился к часовщику.

В его глазах не было юношеского энтузиазма. Только холодная, пробирающая до костей, безжалостность.

Семья Гандор.

Маленькая организация, которая контролировала такую же малую часть земли на острове Манхэттен. Хотя их число и территория были смешны, в других аспектах Семья более чем соответствовала титулу мафии, и её признавали прочие организации в округе.

Возглавляли Семью старшие братья Лака – Кит и Берга. А ещё юный Лак был младшим офицером в организации.

В его, пусть и молодых, глазах не было колебаний, потому что он уже побывал в бессчётных передрягах и выбрался из них ещё крепче. Если

часовщик посмеет несерьёзно отнестись к Семье, юноша более чем готов заставить его за это заплатить.

Часовщик неосознанно отшатнулся от юноши, почуяв человека, который скрывается в потемках общества, но, несмотря на ужас, его губы продолжали двигаться:

– Нет, нет-нет, конечно, нет! Ой! Не в смысле, что вы хладнокровны, сэр! Я, э-э, я никогда и мысли не допускал, чтобы не заплатить!

А потом часовщик сделал предложение, которого Лак не предвидел:

– Я, я расплачусь своим телом!

– Что?..

Лак медленно моргнул, целую секунду не понимая, о чём говорит мужчина. Видимо, почувствовав сомнения юноши, часовщик быстро поднял руки в отрицании.

– Ах! Пожалуйста, не поймите меня неправильно! Я не предлагаю попробовать стать жиголом, в моем-то возрасте. Видите ли, я просто слышал, что Семья Гандор нанимает людей!

– ...Может и так, но мы ещё не настолько низко пали, чтобы принять тебя в наши ряды.

Как ни посмотри, жестокие слова, но часовщик, казалось, не обиделся.

– Конечно нет, сэр! Какая вам польза со старика вроде меня? Слова про тело были всего лишь фигурой речи. На самом деле я надеюсь продать вам своего сына!

– Что?

Лак чуть приоткрыл рот, впервые за все время на его лице открыто проявилось удивление. Он оторопел, совершенно не понимая значения слов мужчины. Но быстро сообразил, как выглядит, и плотно сжал губы.

Хотя часовщик даже не заметил быстрой смены выражения лица и заторопился в угол магазина, выкрикивая:

– Тик! Ти-ик!

Имя отдалённо похожее на его собственное. Лак всмотрелся в пыльные глубины магазина.

И только сейчас понял, что в холле, украшенном только длинными рядами часов, со звуком тикающих маятников смешивался ещё один.

Чики...

Чик...

Слегка хрустящий звук металла, мягко скользящего по металлу.

Вскоре Лак понял, что это.

И в то же время удивился, почему слышит его в магазине часов.

Ритмичная песня хорошо наточенных лезвий приблизилась...

И в дальнем углу комнаты появилось нечто маленькое и серебристое.

– В чем дело, отец?

Вышедший из-за угла мальчик сам был как живая пара ножниц.

Он всего лишь открывал и закрывал серебряные портняжные ножницы в обеих руках, будто под какой-то неслышный ритм. Вот и всё.

Просто он производил такое впечатление.

В темном углу магазина поблескивали ножницы мальчика, создавая иллюзию, что это они управляют его пальцами и телом, а не наоборот.

Более того, Лак обнаружил, что его взгляд прикован к серебристым лезвиям, а не к держащему их пареньку, на вид всего на пару-тройку лет младше него самого.

– Ох? У нас покупатель?

Голос мальчика, расслабленный настолько, что почти таял в воздухе, заметно отличался от резкого металлического лязга его инструментов.

От его звука Лак вынырнул из забытья и сосредоточился на лице мальчишки.

Гибкое тело не давало с первого взгляда оценить силу. А прищуренные в улыбке глаза придавали дружелюбный вид.

В мальчике не было ничего особенного, поэтому взгляд притягивали ножницы в его руках.

Если бы его заставили выразить свои чувства, Лак бы сказал, что ножницы – истинная форма мальчишки, а тело – лишь дополнение.

– О, привет... – сказал мальчик и показался ещё моложе из-за протяжного выговора. Но, учитывая ножницы в руках, впечатление создалось не кроткое, а скорее отчасти тревожное.

– И это?..

– Ах, мистер Гандор! Это мой сын Тик! У него золотые руки! Уверен, он вам очень пригодится, сэр! Так, ну, я имею в виду, может вы примете его в качестве залога?

– Ты должно быть шутишь...

Обычно Лак бы впал в ярость от несерьезного отношения, но на этот раз не смог.

Причудливое предложение часовщика честно захватило его врасплох, но ещё больше он заинтересовался Тиком.

А точнее, ножницами в руках Тика.

Приняв молчание Лака за согласие, часовщик с облегчением на лице разразился потоком слов:

– Понимаете, мистер Гандор, я просто вспомнил, что вы мне говорили, когда я брал у вас в долг. Вы сказали, что если я не смогу вернуть вам деньги, то должен быть готов продать собственную семью, чтобы расплатиться!

– Это была просто...

– Всё равно! Всего на день! Испытайте его! Если он вам не угодит, ну, я же человек слова, сэр! Я продам магазин и землю, вот увидите!

– Я слишком мягок... – со вздохом пробормотал Лак, выходя из магазина. В отличие от прежней холодной манеры это прозвучало по-мальчишески, под стать его внешности.

Небо заволочло тучами, будто в любой момент мог пойти дождь. В конце улицы виднелась башня Манхэттенского моста. Построенная в 1905 году, она была относительно новой, но тщательная отделка фестономы создавала у зрителя впечатление величавой истории.

Учитывая, что собственность должника располагалась близко от туристической достопримечательности вроде моста, будет несложно привлечь посетителей. На самом деле, сложно найти место лучше. Лак отметил, что часовщик был то ли исключительно плох в управлении бизнесом, то ли невероятно неудачлив, раз, несмотря на удобные условия, ему пришлось занимать деньги у мафии.

Он знал, сколько стоит здесь земля, и пришел в магазин с твердым намерением заставить хозяина продать его, но...

– Так почему ты носишь с собой ножницы?

– Это хобби.

– Я... ясно.

Как так вышло? Лак покосился на идущего рядом мальчишку и снова вздохнул.

– Что случилось, мистер Лак? Что-то не так? – невинно улыбаясь спросил Тик.

Глядя в эти странно добродушные глаза, Лак снова страдальчески вздохнул.

«Ну и что прикажете мне с ним делать?..»

Действительно, ножницы в руках слегка нервировали, но кроме них в мальчишке не было ничего особенного. Он выглядел симпатичным, не слишком умным пареньком, и Лак поклялся бы, что и не слишком сильным. Не сильнее самого Лака.

Так Лак оценил Тика.

– Тебя зовут... Тик, правильно?

– Ага.

– Ты понимаешь, в какой ситуации оказался? – спросил Лак улыбающегося мальчишку, чтобы убедиться.

– М-м, полагаю, отец взял денег в долг и не смог их вернуть... Поэтому он продал меня вам, мистер Лак, как залог.

– Достаточно...

Лак решил, что Тик понимает слова, но не их значение. Борясь со своими сомнениями, он повернулся и направился к штаб-квартире Семьи.

«В любом случае, если мальчишка окажется бесполезным, то часовщик никуда не денется. Магазин продадут, и Семья получит свои деньги.»

Честно говоря, Лак мог бы прямо сейчас объявить, что толка из Тика не вышло, и запугать часовщика, чтобы тот продал магазин, но почему-то Тик его заинтересовал. Да, дело в ножницах, но и похвальба часовщика тоже привлекла внимание. «Золотые руки», да? А ещё и «он вам очень пригодится».

– Слушай, Тик. Если я решу, что ты нам не подходишь, я нацеплю на тебя долговое уведомление и снова оставлю перед магазином твоего отца.

– Хорошо. Я буду стараться, – по-прежнему беззаботно ответил Тик, и Лак взволнованно повысил голос:

– Ты действительно понимаешь, что значит помогать людям вроде нас? Неважно насколько «золотые» у тебя руки. Важно, что тебе придется их запачкать. Понимаешь, что это значит? Ты к этому готов?

Спохватившись, Лак перешел к конкретным вопросам:

– Например, если я прикажу тебе убить кого-то. Ты сможешь это сделать? – холодно спросил он. Теперь у Тика не останется выбора, кроме как признать...

– Если прикажете, мистер Лак, – без малейшего колебания ответил Тик и снова щёлкнул ножницами.

На это Лаку было нечего сказать.

«Что за чёрт. У пацана в голове винтиков не хватает».

Приоткрыв рот, Лак пытался придумать возражение, но сдался и перевёл взгляд на людей на улице.

Наверно из-за дождя пешеходов было мало, и по дороге цокали только конные экипажи.

Когда один из них проехал перед Лаком, он заметил на другой стороне улицы двух человек.

Тощего, как скелет, и очень толстого.

Лак знал их лица.

Они принадлежали к Семье Мартилло, маленькой организации, которая занималась тем же, что и Гандоры.

– Гляньте-ка, это же малыш Гандор, – поддразнил тощий Рэнди, заметив Лака.

– Закончил собирать долги для братцев, а? – добавил толстяк Пеццо.

– Да, закончил. Доброго дня, господа.

Очевидно, что из-за молодости они не воспринимали его всерьёз, но Лак не возражал.

Он сам прекрасно знал, что в его возрасте странно быть действующим членом мафиозной семьи, и более того, очевидно же, что Рэнди и Пеццо на самом деле не высмеивали его.

Парочка пошла своей дорогой, и Лак повернулся, чтобы уйти...

– О, похоже, у этих людей тоже дела с отцом.

Тик оглянулся, и после его внезапного комментария Лак тоже обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как люди Мартилло пинком распахивают дверь часовщика.

Страшный грохот затих, и раздался ужасный рык Рэнди и Пеццо:

– Эй ты, ублюдок! Надеюсь, ты приготовил наши деньги! А то...

– Тебе придется продать магазин, чтобы вернуть двенадцать тысяч долга, которые числятся за тобой в нашем казино!

Осознанно рассчитывалось, что их вопли услышат все вокруг, и Лак оказался самым шокированным из прохожих.

– Чт...

Он хлопнул ладонью себе по губам, чтобы остановить крик, который угрожал вырваться наружу.

«Двенадцать тысяч долларов?! Это же в шесть раз больше, чем он должен нам!»

Значит, в итоге часовщик нагрузил его мальчишкой с ножницами, а сам набрал долгов у другой организации.

Может, он умудрился наскрести только на уплату долга Мартилло? И отдал мальчика потому, что для Гандоров денег не хватило...

Лак мысленно это представил. Он развернулся, готовясь лично показать часовщику, как ужасна может быть Семья Гандор...

– Пожалуйста, не надо.

Его остановил тягучий голос, обладатель которого будто прочел его мысли.

– Отец уже обречён.

– В смысле?..

– У него никогда и не было денег, чтобы заплатить. Ни вам, ни им. Он брал и брал в долг, ещё у восьми человек. Он не смог бы расплатиться, даже если бы продал магазин, – спокойно пояснил Тик, с лица которого не сходила улыбка, несмотря на то, что он говорил о финансовых затруднениях собственной семьи.

Лак притормозил, потом остановился, и теперь они неподвижно стояли на краю дороги лицом друг к другу.

– Поэтому сейчас для отца всё кончено. Теперь все люди, которые придут, будут ему угрожать, а может даже убьют. Поэтому...

Ножницы снова разрезали воздух, но выражение лица Тика не изменилось.

– Думаю, отец сбежит сегодня ночью.

До сих пор Лак молча слушал, но от последних слов тихо вздохнул и посмотрел на Тика, как на что-то необычное.

– Сбежит?.. И бросит семью?

– У меня есть младший брат, – невпопад ответил Тик. Лак удивился, о чём он, но не успел спросить, как Тик продолжил:

– Его зовут Так, и он очень, очень умный. Не как я. Люди называют его гением, и у него получается всё, за что он ни возьмется. От него больше помощи, чем от большинства взрослых. Поэтому отец, наверно, думает, что всё будет хорошо пока Так с ним.

Лак не нашелся, что ответить.

– Я только мешаю, так что отец все равно думал избавиться от меня. У него нет денег меня кормить. Поэтому он сказал мне идти с вами, мистер Лак, чтобы не путаться под ногами.

Лака осенило, что мальчик куда лучше понимал ситуацию, чем ему сперва показалось.

– Как ты можешь по-прежнему улыбаться, зная, что происходит? Не говоря уж о твоём отце. Брата ты тоже ненавидишь?

– Что? Вообще-то я люблю их обоих. Почему вы так подумали?

– Почему?.. Нет, неважно. Теперь, зная, что задумал твой отец, я не позволю этому случиться, – коротко сказал Лак, направляясь к магазину часов.

Но... узкая ладонь Тика схватила его за руку.

Ножницы сухо лязгнули, упав на тротуар.

– В чём дело?..

– Вы же ещё не знаете, да?

– Не знаю чего?

– Мистер Лак, вы не знаете, чего я стою. Вы знаете только, что меня можно оценить в долг моего отца. Вы сами так сказали. Вы обещали отцу, что день будете меня проверять. Вы сказали, что посмотрите, смогу ли я отработать отцовский долг вашей семье.

Малая доля беззаботности исчезла из голоса Тика, сменившись волнением.

Но его глаза все равно не потеряли блеска.

«Ладно, значит, он не совсем идиот».

С некоторой степенью облегчения Лак понял, что у мальчишки всё-таки есть чувства.

«Он полностью понимает ситуацию, в которой оказался, и давно смирился с тем, что ему придется делать».

– Если ты окажешься бесполезным, а твой отец сбежит... Долг повиснет на тебе, – сказал Лак, выражая невольное уважение решимости Тика. Снова заинтересовавшись мальчиком, самый младший из Гандоров отвернулся от магазина.

– Я действительно слишком мягок...

Лак позволил себе горькую улыбку и повел мальчика в офис Семьи. Он шёл прямо к цели и не оглядывался на магазин часов.

Что до вышеупомянутого мальчика, которого продали за жалкую месячную ставку... Его пальцы, продетые в колечки ножниц, танцевали.

И металлические лезвия, в свою очередь, открывались и закрывались по велению этих длинных бледных пальцев.

Он весело сводил их вместе, и металл ритмично щелкал о металл, будто музыкальный инструмент.

Лак покосился на Тика и невольно почувствовал проблеск жалости к его будущему.

Он ни за что не станет членом Семьи. Мальчишка выглядел слишком добрым, чтобы стать частью преступной организации.

Всё ещё воображая будущее мальчика, Лак спросил, будто пытаясь последний раз убедиться:

– Но... Ты точно в порядке? Ты даже не попрощался с семьёй, которую пытаешься защитить.

– Лучше не бывает, мистер Лак. Поэтому не думаю, что пожалею. Да и связи между людьми так легко не оборвать. У них нет формы, как у воздуха, поэтому их нельзя обрезать, как ни старайся.

Лак обнаружил, что улыбается вместе с мальчишкой, его спокойное хорошее настроение в итоге оказалось заразным.

Но...

– Но это значит, что, с другой стороны, людей резать легко. Ты же можешь их потрогать. И мои ножницы могут легко их порезать. И мне становится грустно и радостно.

Тик расплылся в улыбке, а по спине Лака пробежала внезапная дрожь.

Скоро он поймёт значение этих слов.

Ножницы в руках мальчишки пели, лязг металла разносился по улице.

Звук не смешивался с обычным шумом дороги, а ясно звенел до конца пыльной вечерней улицы.

Будто предрекая грядущий путь мальчишки.

Восемь лет спустя

Подвал штаб-квартиры Семьи Гандор

– Поэтому мне нужно убедиться, – промурлыкал Тик, широко улыбаясь мужчине перед собой.

Тот ответил...

– А-А-А-А-А-А!

...криком.

Мучительный визг, будто рвут шелк, отдавался эхом в маленькой серой комнате.

Тик только что рассказал историю своей жизни дергающемуся человеку, хотя большая её часть потерялась в воплях мужчины.

Тик даже не знал его имени. Они были вдвоём в уединённом подвале, и он просто стриг его плоть.

Разверзлся сочный персиковый, брызгал из ран малиновый.

– Я просто хотел увидеть, сколько боли может выдержать человеческий разум. Сколько выдержат людские связи. Невидимые узы. Я правда хотел знать, поэтому пытаюсь выяснить у стольких многих разных людей...

Тик печально улыбнулся, щелкнув ножницами.

– Люди очень странные. Некоторые ни за что не предадут друзей под пыткой, а некоторые начинают говорить ещё до того, как я их коснусь. Думаю, ты из тех, кто не говорит. Это поразительно. Моё искреннее уважение.

В следующий миг снова блеснули лезвия, распарывая кожу человека.

Тик резал параллельно предыдущей ране – два разреза бежали рядом на расстоянии доли дюйма – превращая рану в нечто куда более жестокое, чем раньше.

– А-а-а-а!

Когда вопль человека взлетел на октаву, открылась единственная дверь в комнату, и через порог шагнул молодой человек с глазами, узкими и острыми, как нож. Лак Гандор.

– Мистер Тик... Может, небольшой перерыв, прежде чем продолжить?

– Да, мистер Лак, – защёлкнув ножницы, послушно ответил Тик и вышел из комнаты.

Лак проводил его взглядом, потом прошёл дальше и остановился перед беспомощным и ободренным человеком.

– Хотя, насколько коротким будет перерыв, всецело зависит от того, что ты можешь сказать, – непринужденно заметил Лак.

Мужчина тяжело хрипел, лишившись сил хотя бы кричать, но от слов Лака он поднял глаза и заставил себя заговорить, произвольно клацая зубами:

– П-по-пожалуйста, н-не надо больше. Я, я скажу! Я в-всё вам расскажу! Только не подпускайте ко мне снова этого психа-а-а!

Боль превратила его слова в пронзительный крик, но Лак без труда расшифровал смысл.

Он вздохнул и с хрустом покрутил шейю, ожидая, пока человек придет в чувство... Но внезапно голос мужчины сорвался на ужасный визг.

– О Боже, не-е-ет!

– ?

Проследив за взглядом человека, Лак увидел, что Тик вернулся и заглядывает в открытую дверь.

– О? Что-то не так, мистер Тик?

– Ну... Если вы быстро не приведёте доктора, боюсь, он умрет.

Молодой человек с тревогой взглянул на раненого, и на секунду его улыбка погасла.

– Хорошо, хорошо. Я об этом позабочусь. Ты пока можешь подняться наверх и перекусить.

– Ух ты! Спасибо, мистер Лак, – снова улыбаясь, сказал Тик, повернулся и, напевая, двинулся вверх по лестнице.

Он исчез из виду, ножницы бессильно свисали в руках. Лак подождал, убедился, что Тик ушел, потом повернулся и улыбнулся окровавленному мужчине на полу.

– Мистер Тик – добрый человек, не правда ли? – сказал Лак и сильно пнул мужчину.

Тот беззвучно дернулся, когда из легких внезапно выбили воздух, необходимый для крика.

– Но я – нет. Надеюсь, ты понимаешь.

Тик был добрым человеком.

В высшей степени невинным. У которого не было дел, связанных с мафией.

Но был один талант.

Тик был очень, очень хорош в увечьях и пытках людей.

Возможно, этот талант брал начало в его невинности, или же, как поговаривали некоторые, его ножницы были прокляты.

Всего за год он стал известен, как палач Семьи Гандор.

Чики-чик, чики-чик.

Каждый раз, когда заговаривали ножницы мальчишки, им, словно в хоре, вторили крики.

А он улыбался.

Невинно улыбался.

Чики-чик, чики-чик.

Пляшут ножницы в руках мальчишки.

Безумно.

Безумно пляшут.

Младший брат

Сентябрь 1925

Доки

Плотные облака покрывали небо, пряча из виду не только звезды, но и луну.

Но облака не предвещали шторма, и во тьме царила тишина.

Сюда не добирались ни неоновые огни города, ни бурлящий шум кабаков. Мальчик взглянул на текущую в темноте реку и тихо пробормотал сам себе: «Мир действительно велик».

Он поднял глаза от тёмной воды и посмотрел в беззвёздное небо.

Он не изменился в лице, вглядываясь в чернильную тьму, что заполняла всё поле зрения.

– Кажется, она собирается меня поглотить. Нет, уверен, она уже это сделала.

«Я знаю.

Я знаю, что отец планирует завтра продать Тика.

Он хочет продать его мафиози, Гандорам или как их там, чтобы покрыть долг всего в две тысячи долларов.

А потом он собирается взять меня и сбежать. Только меня. Нет, в самом худшем случае, он думает и меня продать Семье Мартилло, гораздо дороже, чем Тика.

Мне нравится думать, что я умён.

Я не дуюсь, ничего подобного. Это объективный факт.

Меня называют вундеркиндом. Я могу понять, чему учат в школе, просто читая книги, и не дожидаясь, пока учитель откроет рот. На самом деле, я могу продвинуться дальше, экстраполируя выводы, которые не найти в учебниках.

Просто не вижу в этом смысла.

Что толку с моего таланта, если он не может дать мне то, чего я действительно хочу?

Я просто хотел быть счастливым.

Мне это чуждо. С тех самых пор как умер мой биологический отец.

Мы с Тиком в итоге переехали в новый район, потому что мама нашла нового мужа – этого жалкого часовщика. Новая жизнь, новые люди, новая атмосфера.

Мне полагалось создать новые семейные связи с отчимом и обрести новое счастье.

Но округа Нью-Йорка оказалась слишком большой.

Слишком, слишком большой.

Мама умерла от туберкулёза раньше, чем мы обустроились.

Отчим о нас не заботился.

Фактически, он считал нас обузой.

Но всё изменилось, как только он услышал слухи обо мне.

Видите ли, он решил, что я буду ему неплохим источником денег.

Не такую семью я хотел.

Ненавижу отчима.

Он думает только о деньгах. Как я не люблю его, так и он не питает ко мне привязанности.

А Тик, наоборот, считает нового отца семьёй.

А его новый папаша, в свою очередь, считает Тика инструментом.

Все мы одинаковы.

Заботится он о нас или нет, наши отношения с ним строго односторонние.

Тика я тоже ненавижу.

Мой старший братец действительно наивен. Поэтому у него ничего никогда хорошо не заканчивается.

Как моя ручная мышь.

Он убил моего первого и единственного питомца, мою мышь Джимми. Я сам его вырастил и правда его любил.

А Тик воткнул в спину Джимми ножницы, которые всегда таскал с собой.

Я не знаю, зачем он это сделал.

Да и не хочу знать.

Я ему ни слова с тех пор не сказал, и не собираюсь никогда его за это прощать.

Мне просто любопытно... Что он думает обо мне? Я знаю, что он считает часовщика семьёй. Но я не способен постичь, кем он считает меня.

Тик со всеми так обращается, поэтому нельзя знать наверняка.

Все равно. Я не простил его за содеянное, но все равно хочу верить, что между нами что-то есть, какая-то братская связь. Семейные узы. Поэтому, несмотря на ненависть, я хотел остаться с ним, как семья.

Но и это кончилось сегодня.

Часовщик собирается швырнуть Тика волкам и сбежать завтра ночью. Я не хочу жить вместе с ним и быть гусыней, несущей ради него золотые яйца.

Я не самонадеянный. Я просто уверен в своей способности заработать деньги – уж во всяком случае больше, чем мой отчим, который умудрился накопить столько долгов в подпольном казино, что надо продать магазин, и все равно не хватит. Может, мои способы будут и не совсем законны, но это неважно.

Я не хочу жить с отчимом.

Иначе, неважно сколько денег я заработаю, я никогда не буду счастлив.

Я вообразил наше совместное будущее, будто экстраполируя уравнение из ответов в учебнике.

И увидел перед собой только скучные дни. Уверен, моё пророчество окажется верным.

Поэтому я сбежал.

Не скажу, что в погоне за счастьем. Избитое выражение.

Это эксперимент.

Я ставлю на себе эксперимент: как далеко я смогу самостоятельно убежать от того, что ненавижу, от неудач, что неизбежно меня настигнут.

Поэтому я не пожалею о результатах, какими бы они ни были. Нужно будет только подкорректировать методику и попробовать ещё раз. Снова и снова, пока не получу желаемый результат.

Но...

Кое на что я чуточку, но смею надеяться.

Прошло уже два часа с моего побега, но в груди ещё теплилась крохотная надежда, что Тик придет меня искать.

Надежда, что я услышу его голос, зовущий меня издали.

Да, эгоистично, но понимаете, мне интересно.

Существуют ли на самом деле семейные узы?

Более того, распространяются ли они на ничтожество вроде меня, который способен проверять их ради возможной личной выгоды?

Поэтому я позволяю себе надеяться.

Надеюсь, мой эксперимент быстро закончится, когда кое-кто окликнет меня из-за спины.

Если так и будет, я планирую сбежать вместе с Тиком.

Да, я его ненавижу, но по сравнению с часовщиком он куда более...»

И позади мальчика раздался голос:

– Так Джефферсон. Двенадцать лет. Один.

Естественно, голос не принадлежал ни его брату, ни отцу.

– Кто здесь?!

Взгляд Така вернулся с небес на землю и сфокусировался на слабом свете.

– Хм. Возможно часть про «один» была лишней. Нет, заявляю, я должен убедиться. Каждое явление в мире достойно наблюдения.

Колеблющийся свет озарял человека.

– Хм, «заявляю»... Возникает вопрос, как дела у Нила... Ах, я же просто сам с собой разговариваю. Не обращать внимания.

Свет исходил из круглой штуки, которую держал незнакомец, непохожей ни на одну из виденных Таким ламп.

Размером с человеческую голову и формой вроде кокона бабочки. Поверхность вытянутой по вертикали сферы покрывала плотная белая бумага. Так присмотрелся внимательней и увидел, что форму под бумагой создают витки проволоки.

Судя по мерцанию света, внутри бумажного шара находилась свеча или лампа.

Все эти мысли мгновенно пронеслись в голове Така. Сейчас было неподходящее для них время, но внезапно охвативший его ужас не давал взглянуть прямо в лицо незнакомцу.

– Хотя это может показаться глуповатым, но я должен спросить. Ты один? – пренебрегая тревогами Така, спокойно спросил незнакомец, и тот только теперь сумел поднять глаза.

Пляшущий огонек освещал... прекрасное и совершенное лицо, с каким представляют ангелов.

Так осторожно решил, что это мужчина.

Его вывод основывался только на манере речи незнакомца. Сам голос был андрогинным, а миловидное лицо можно было принять за женское. Выражение его было взрослым, но в целом незнакомец казался юным.

Свет в его руке странно отражался от белых одежд, заставляя их чуть ли не сиять в ночи.

– Полагаю, внезапно столкнуться с вопросами пугающе. Мои извинения. Ах, твое внимание привлёк светильник? Он называется «чочин». Я сделал его сам, по описанию моего друга из Японии. Но так как я опирался только на слухи, а сам никогда ни одного не видел, то не представляю, насколько точно удалось его воспроизвести.

Говоря, мужчина мягко улыбался, будто пытаюсь успокоить волнение мальчика.

Таку хотелось спросить, но он не мог подобрать слов. Ему мешало заговорить некое странное давление, исходящее от мужчины.

Пока Так искал слова, незнакомец, продолжая улыбаться, сделал ещё шаг.

– Прежде всего я должен кое-что прояснить. Наша встреча здесь не случайна.

– Что...

Так непроизвольно отступил назад, потому что не мог расшифровать намерения мужчины.

Он не мог набраться мужества и подойти ближе. Но и смелости развернуться и убежать ему не хватало, поэтому он прирос к месту и шелохнуться не мог. Человека окружала странная аура: Так никак не мог понять, обаяние ли это или угроза.

– Нет, не случайна. Мне кажется, это важнее всего. Да, я ждал твоего прихода. Я знаю, какие трудности сейчас испытывает твоя семья, и моих способностей к предвидению хватило, чтобы предсказать, что ты уйдешь из дома сегодня. Видишь ли – и за это я должен извиниться – последний месяц я наблюдал за каждым твоим шагом. И мои наблюдения принесли плоды: именно благодаря им мы сегодня встретились.

«О чём он говорит?»

Пока Так изо всех сил пытался осознать ситуацию, незнакомец продолжал. Казалось, он разговаривает не с Таким, а сам с собой, пытаясь подтвердить, почему пришел.

– Ты гораздо блистательней, чем может вообразить твоё окружение. Я приехал сюда, потому что услышал о гении по имени Клэр Стэнфилд, но похоже он уже уехал... Вместо него я решил изучить тебя и должен сказать, что ты, возможно, окажешься куда замечательнее нежели юный Стэнфилд.

Незнакомец сделал ещё шаг. Ещё шаг к Таку.

Между ними ещё оставалось несколько метров, но мужской голос сочился в мысли Така, будто он шептал ему на ухо.

– Должен сказать, мне нравится адекватный уровень твоих невзгод. И я одобряю, что ты без колебаний бросил свою жизнь раньше, чем вкусил отчаяния. Воистину, ты – восхитительный подопытный.

– Вы... кто?

Так сумел определиться с единственным вопросом, да и то, чтобы выдавить его, пришлось собрать все остатки быстро тающей смелости.

Он дал повод, и теперь в ответ наверняка хлынет поток слов. Возможно, умнее было бы сбежать, но кажется, его любопытство к таинственному человеку перевесило любые соображения про собственную безопасность.

– Кто я?

Мужчина свернул оболочку чочина... и поднес палец к пламени большой свечи внутри.

– Я... чудовище.

Правой рукой он поддерживал низ фонаря, а левую окунул в огонь.

Обычно Так развенчал бы этот простой фокус. Кто угодно может сделать подобное, если сначала хорошенько охладит руку чем-нибудь вроде льда, а потом ловко использует слой жидкости или воздуха, чтобы мгновенно отвести тепло.

Но как только огонь охватил руку мужчины, плоть радостно загорелась.

А потом... кожа, которая должна была облезть с принесённой в жертву руки, скользнула обратно на место и начала прямо на глазах исцеляться.

Пламя обвивало руку, но сколько бы Так ни смотрел, плоть никогда полностью не исчезала.

Очарованный картиной регенерации в огне мальчик сглотнул, но его взгляд отвердел, когда он начал анализировать феномен.

– Трюк? Нет, но...

Поразмыслив секунду, Так решил использовать самый быстрый способ, какой только мог придумать, чтобы прояснить ситуацию.

Другими словами, он решил спросить самого человека.

– Позвольте спросить ещё раз... Вы что?

– О? Я весьма впечатлён. Не ожидал, что ты сохранишь спокойствие, столкнувшись с такими вещами. Видишь ли, большинство подопытных, которым я

это показывал, лишались чувств. Даже Гус проявил больше реакции чем ты. Правда тогда я воздержался от мягкой демонстрации и вскрыл себе яремную вену.

Он полностью срезал Така, но продолжил, от волнения повышая голос:

– Знаешь, ты мог бы сбежать, решив, что я тебе мешаю. Подобное действие входит в ожидаемые шаблоны человеческого поведения, и я бы даже не слишком разочаровался... Хотя я не намеревался позволять тебе уйти.

Мужчина перевёл взгляд с Така на точку позади него.

Так, как зачарованный, повернулся следом и обнаружил, что позади него стоит новая фигура.

Девочка примерно его лет одетая в черное.

Она стояла всего в метре от него, уставившись золотыми глазами из-под завесы чёрных волос.

В этих глазах не было ни следа эмоций. Она просто молча пялилась, как кукла.

– Шейн, похоже наш гость не будет пытаться сбежать, так что ты можешь идти.

Девочка кивнула и исчезла, беззвучно бросившись во тьму.

Их окутала абсолютная тишина, будто говоря, что здесь никогда не было никого кроме них двоих. Свет фонаря показывал только тень Така там, где только что была девочка.

«Мне это снится?»

Цепь странных событий заставила Така подумать, что всё это какая-то разновидность галлюцинаций. Он терял связь с реальностью.

Забавно, что обратно в реальность его вернула самая фантастическая часть ситуации – голос мужчины.

– Теперь, полагаю, я должен представиться. Моя цель – понять пределы материалов, известных в целом как человечество. Для этого я собираю различные образцы. Например, подопытных вроде тебя...

Он умолк, будто только что вспомнил нечто забытое.

И его рука, и фонарь снова выглядели точно такими же как и до жестокой демонстрации, почти заставляя Така поверить, что ему всё приснилось.

– Ой-ой. Я совершенно забыл самое важное.

Усмешка исчезла с лица мужчины, сменившись обычным смущением, и он помотал головой.

Движения были так естественны и сердечны, так успокаивающи и абсолютно дружелюбны, что не могли быть никакими другими кроме холодно просчитанных.

– Хью. Меня... М-м, меня зовут Хью Лафорет.

Мужчина наконец назвал своё имя и в то же время объяснил причину своего прихода.

Будто они только что встретились, а всё, что было раньше, оказалось фантастическим сном.

– Я хочу забрать тебя с собой. Я пришел из счастливого мира, куда ты так страстно стремишься.

Единственная дочь

Сентябрь 1925

Город в северной Мексике

Далеко на юг от Нью-Йорка рядом с границей между Соединенными Штатами и Мексикой стоял городок.

Там почти село солнце, и на дома пали глубокие сумерки.

Обычно искристое ночное небо освещали прекрасные звёзды, но сегодня толстая пелена облаков превратила ночь в однотонный оттенок черного.

По землям вокруг городка были разбросаны фермы, и с приходом ночи деревенский воздух окрасился в приглушенные тона.

Одинокий домик, стоящий на окраине поселка, идеально соответствовал мирной атмосфере.

Перед погасшим камином разговаривали старик и девочка. Они полностью погрузились в жаркое обсуждение, не обращая внимания на накрытый к обеду стол рядом.

Обычный, если не задушевный вид, но той ночью, в том доме, реальность отличалась от ожидаемой.

– Слушай внимательно, Мария. Это не игрушка.

Старик присел перед девочкой на корточки, топорща громадные усы.

При свете лампы они на первый взгляд казались семьей, а на второй – абсолютными незнакомцами.

– Понимаешь, это и оружие, и душа, и простой кусок железа.

Старик поднял длинную вещь, которую держал в правой руке, и ласково улыбнулся ребенку.

Несмотря на ободряющую улыбку, девочка готова была расплакаться, но постаралась сосредоточиться на его словах.

– Это не то, с чем можно просто позабавиться.

– Про... прости, бабушка... я, я не знала, что так получится, – бормотала девочка, Мария, запинаясь от сотрясающих тело рыданий.

– Я не специально! Я не хотела никого поранить! Я, я никогда... никогда не думала, что так получится!

Левую руку старика обматывала повязка... И вместо первоначальной белизны больше половины ткани уже окрасилось темно-красным.

Он спокойно слушал, но на последнем выкрике Марии взмахнул длинным предметом в правой руке и шлепнул им по раненой левой.

– Мария, дитя моё. Если ты действительно это подразумевала, то это худшая вещь, какую ты только могла сказать.

– Что?..

По-прежнему шмыгая, девочка встревоженно подняла глаза. Старик улыбнулся шире прежнего.

Не мягкой улыбкой. Скорее чистым и простодушным оскалом, вроде того, что ждут от ребенка, когда он находит с чем интересным поиграть.

Старик расхохотался и ухватился за край палки, зажав второй конец в сгибе локтя. А потом, прямо на глазах у девочки, выдернул из палки – нет, из ножен – катану.

Сверкающий свет отлезвия и на секунду чуть не ослепил девочку. Опасливо приоткрыв зажмуренные глаза, она обнаружила, что кончик меча упирается ей прямо в переносицу.

– Ай...

Девочка могла только замороженно смотреть на живое серебро перед собой.

Острое лезвие прямо между глаз загораживало обзор, заставляя скашивать глаза, чтоб взглянуть.

Но в итоге смотрела она не на кончик меча, а на ржавое красно-коричневое пятно, размазанное в середине клинка.

Это был меч, которым она так беспечно размахивала.

Это был меч, который разрубил левую руку дедушки, когда он попытался её остановить.

Нетронутая кровь засохла на клинке. И небрежно расплзлась по сияющему серебру, будто браня её. По крайней мере, девочка так считала.

Но...

– Смотри сюда. Используя клинок, ты никогда не должна говорить «Я никого не хотела ранить!» Взмахивая им... Нет, когда достаёшь его из его дома, в твоём разуме должна быть единственная мысль. «Я разрублю тебя напополам!» – воскликнул старик. Совершенно не те слова, которые сказал бы любой здравомыслящий опекун.

– Смотри, Мария! Это моя собственная кровь запеклась на этом клинке! Моя кровь, из моей руки, которую ты поранила! Ты понимаешь, насколько это потрясает?

Девочка с любопытством смотрела на деда.

– Тогда я действительно намеревался тебя остановить, но смотри! Даже хотя я был настроен серьёзно, а ты всего лишь играла, тебе удалось избежать моего захвата и порезать меня!

Старик расхохотался так, что плечи затряслись от веселья, и вытер засохшую кровь тряпкой, свисающей с соседнего кресла. Клинок уже вкладывали в ножны, поэтому такой меры и близко не хватило бы, чтобы полностью очистить лезвие. Запёкшаяся внутри ножен кровь наверняка повредит и ножны и меч внутри них.

Но казалось, это соображение меньше всего занимало мысли старика.

– Я думал, что легко отберу у тебя меч. Ты всего лишь ребёнок. Но ты двигалась гораздо проворней, чем я представлял, и вот! Девчушка вроде тебя! Наверно, это и называют гением... и я этому рад!

Он умело вложил клинок в ножны, хотя вытер лезвие всего лишь тряпкой, и поднес их к широко раскрытым глазам девочки.

– Запомни, катаной можно порезать всего нескольких человек подряд. Человеческие кровь и жир мгновенно затупят лезвие, – серьёзно сказал он, придвигаясь ближе к девочке.

Но потом его лицо расплылось в широкую улыбку:

– Я докажу тебе, что это ложь!

Старик сунул меч Марии, поднялся на ноги и разразился длинной и несвязной, как у пьяного, речью, громовым голосом высказывая свои мысли:

– Тебе нужна только вера! Если ты веришь и обладаешь силой и умением, ты сможешь разрубить человека хоть палкой, хоть бумажкой. Думаешь, немного крови и жира смогут помешать катане сделать то, на что способны доска или труба?!

Нелепая теория, но старик ни капли не казался пьяным. Он, очевидно, был в здравом уме, а румянец на щеках появился из-за возбуждения, а не алкоголя.

Если бы понадобилось дать определение, то старика назвали бы фантазёром, опьянённым собственными мечтами.

– Если кто-то скажет, что ты не можешь что-либо разрезать, – считай это ложью. Если ты веришь, ты можешь разрубить столько людей, сколько захочешь! Ты сможешь продолжать вечно. Десятки, сотни, тысячи, миллионы людей. Ты сможешь зарубить всех в этом огромном мире, кроме себя – нет, даже себя!

Взгляд старика сосредоточился на чем-то далеком, и он продолжил объяснять свою причудливую мечту:

– Нет, Мария, не только людей. Ты сможешь разрубить всё, что захочешь! Если твоё умение будет поспевать за твоей верой! Меч позволит тебе это сделать!

Он широко раскинул руки, а потом опустил их на детские плечи.

– Попробуй! Экспериментируй! Неважно что, просто режь и руби, секи и строгай, кромсай и круши, и кроши, и кроши, и кроши, и кроши!

Старик сбился и закашлялся, но маниакальная улыбка быстро вернулась на его лицо, и он снова завел свой речитатив:

– И кроши, и кроши, и кроши, и кроши, и кроши, и кроши, и кроши... руби всё, что попадет на пути!

Тогда девочка не понимала, о чём говорит её дед.

Но глядя в его глаза и видя горящую там яростную решимость, она неосознанно всё крепче сжимала рукоять меча.

Её слезы высохли. Её горе давно исчезло, как и сожаления, и ужас. В её уме остался лишь трепет – трепет от бурной речи деда.

– В мире нет ничего, чего не смог бы рассечь меч! Он может разрубить даже то, чего ты не видишь! Пока ты веришь! Воду, воздух и вакуум, души и кости, ненависть, сожаления и надежду. Ты можешь всё это разрубить!

Старик внезапно задохнулся и тяжело опустился на стул.

– Мария, ты имеешь право носить этот клинок.

– Право?..

– Твои родители были умелыми убийцами. Но они поддались обаянию огнестрельного оружия и отложили свои мечи. Поэтому твои мама и папа погибли. Я сам их убил, этим самым клинком!

История старика шокировала бы кого угодно. Но девочка не изменилась в лице, и её голос остался по-прежнему спокойным, когда она сказала:

– Угу. Я тогда была ещё маленькой, да? Я ничего не помню, но *abuelita*² постоянно рассказывала.

– И она говорила правду. Я собирался унести этот клинок с собой в могилу, но увидел тебя и передумал, – сказал старик, откидываясь назад и утопая в плюшевом кресле. Он улыбался, как человек, получивший от жизни всё, о чем мечтал.

– Когда ты увидела кровь на моей руке, то плакала от страха, так?

– Прости...

– Я же сказал, это неважно! Важно с каким лицом ты это делала.

Старик умолк и улыбнулся, оскалив зубы.

– Мария. Когда ты играла с мечом, и даже в тот момент, когда рубила мне руку, знаешь, как ты выглядела? Видела выражение своего лица? Ты казалась счастливой, дитя моё! Итак, Мария. Обнажи клинок, который переходит от человека к человеку, невзирая на связь учителя и ученика, родителя и ребенка! Обнажи Мурасаму!

– Да!

Девочка вытащила меч из ножен, следуя инструкциям деда. Клинок вынулся так плавно, что сложно было поверить, что короткие детские ручки на это способны.

² «бабушка» по-испански. Мужская форма: «abuelito» – «дедуля»

Свет лампы на секунду отразился от металла и осветил невинную улыбку ребенка.

Старик невольно присвистнул от уважения к идеальному сочетанию девочки и катаны.

– Вот так, Мария! Обнажив клинок, не думай больше ни о чём. Просто верь в силу рубить. Тебе нужно просто наслаждаться рубкой.

– Хорошо, *abuelito!*

С этими словами девочка привстала с кресла...

...и ни секунды не колеблясь направила меч на старика напротив.

– Ха!.. Как я и думал! Мария, воистину, ты восхитительно безумный маленький ангел!

Старик крепко держал в руке взятую с обеденного стола вилку и улыбался внучке в лицо.

Он парировал удар зубцами вилки. Острое и смертельное лезвие остановилось на волосок от его головы.

– Чтобы достать меня, тебе хватает веры, но не умения. То есть, пока не хватает. Неважно! Технике можно обучить! Когда ты станешь достаточно хороша, я дам тебе второй меч. Двумя клинками ты сможешь в два раза лучше накромять в два раза больше!

Девочка широко распахнула глаза и склонила голову, будто упивалась абсурдной и безумной тирадой деда. Может, уголки её губ приподняла улыбка, а может – гнев.

– Ой... Что я только что...

– Ты сама не понимаешь, почему попыталась ударить меня, правда? Отлично! Обнажив клинок, ты должна рубить! Рубить что угодно! А спрашивать «почему?» надо потом! Вот так вы с мечом засияете ярче всего! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Дед запрокинул голову и дико расхохотался, и постепенно Мария тоже последовала его примеру и тихонько засмеялась.

– Ага.

На её детском личике расцвело невинное сумасшествие.

Дед – нет, убийца – удовлетворённо кивнул, слушая безумный смех внучки.

– Повторю ещё раз. Это не игрушка.

– Меч – это твой *compañero*³.

Несколько лет спустя Где-то на Манхэттене

– Да что с тобой не так, детка?!

³ «товарищ» по-испански

В уголках большого города сгущались тени.

В тускло освещённом проулке зазвенел крик мужчины.

Вокруг него валялось несколько человек. И никто из них не шевелился.

– Какого черта? Эй, чего ты хочешь?!

Облака даже луне не давали осветить узкий проход.

С отдалённой улицы сочился слабый свет и позволял мужчине разглядеть, что перед ним молодая девушка, совсем юная, почти подросток.

А в руках у неё – два меча. Слабо блестящие в тусклом свете.

– Привет, амиго! Я Мария, подающая надежды убийца! Вообще-то, именно поэтому я здесь! Видишь ли, забавный парень хотел, чтобы я вас зарезала!

Она дружелюбно представилась и двинулась вперед. Шаг за шагом, не производя шума, даже когда наступала в лужицы крови вокруг.

– И теперь, амиго, остался только ты!

– Ты... сучка! С кем по-твоему...

Мужчина вытащил пистолет и прицелился, напрягая палец на спусковом крючке. В тот же миг девушка словно под землю провалилась, а потом резко метнулась вправо.

– ...ты связалась?!

Выстрел.

И одновременно с ним – лязг стали о сталь.

От резкого звука у мужчины зазвенело в ушах, а когда он пришёл в себя, то понял, что в руке больше нет пистолета.

– Чт...

Катана оказалась куда ближе, чем он думал, и ударила в момент выстрела, снеся дуло.

Он набрал воздуха, чтобы завопить, и внезапно вспомнил, что у девушки было два клинка.

Следом пришло понимание.

Один меч попал по пистолету.

Тогда где же второй?..

Мужчина не успел осознать незамедлительный ответ, потому что он уже торчал у него в горле.

Через секунду на стены проулка брызнул фонтан свежей крови.

Но ни капли не попало на девушку, которая остановилась позади умирающего. На него она не обращала внимания, вместо этого уставившись на чёрный предмет на земле.

Это был пистолет, который пару секунд назад она выбила из руки мужчины. Недолго посмотрев на него, она перешагнула через труп и углубилась в переулок.

– Ох... Мне всё ещё не хватает умения, чтобы перерубить пистолет пополам, – пробормотала искренне разочарованная девушка, тихо исчезая в городской тьме.

Её обнажённые клинки, почти не испачканные кровью или жиром, отражали огни города и успокаивающе блестели.

Дрожали, вечно дрожали.

Девичье сердце и острота лезвий, и всё остальное, таяли в этом свете, тонули в тенях улиц...

Глава 0
Бочка

**CHAPTER 0
THE BARREL**

Сентябрь 1933

Стройка на берегу реки Гудзон

Остров Манхэттен уютно расположился меж двух рек.

Ист-Ривер на востоке и Гудзон на западе.

Гудзон – одна из великих рек, которая практически олицетворяла Нью-Йорк. Сейчас казалось, что на её отмелях развернулась какая-то огромная стройка, потому что вдоль берега стояла всевозможная инженерная техника. Наверно, она понадобилась для укрепления речных насыпей, потому что тут и там виднелись машины для углубления речного дна.

И здесь же, на берегу реки Гудзон, была девушка.

Ева Дженоард стояла под светло-серым пасмурным небом и тщетно старалась сохранять спокойствие, потому что в её душе было поровну надежды и отчаяния.

Свинцовое небо идеально сочеталось со старой стройтехникой, разброшенной по окрестностям. Белоснежная одежда девушки вписывалась не настолько хорошо, но она не обращала внимания и жадно всматривалась в идущие работы.

Если бы дорогой одежды не хватило для подсказки, то достаточно и одного взгляда на то, как девушка держится, чтобы понять, что она из богатой семьи. И, словно для подтверждения, позади неё раздался взволнованный голос:

– Мисс Ева! Вам вреден морской воздух! – сказал дворецкий, заботясь о хозяйке.

Но девушка только покачала головой и не двинулась с места.

– Извини, Беньямин... Всё в порядке... Я просто... просто хочу постоять здесь ещё немного.

Дворецкий замолчал и, шагнув назад, продолжил свое молчаливое бдение, вдыхая соленый морской ветерок и наблюдая за юной подопечной.

Стройка была всего лишь одной из многих, обычная административная мера для поддержания города, но для Евы она была личным делом, касающимся судьбы члена её семьи.

...Её бессмертного брата заживо похоронили где-то в реке.

Она приходила, стояла и ждала на речном берегу, потому что поверила словам, которые любой другой мгновенно принял бы за нелепый полет фантазии.

Она ухватилась за единственную ниточку к местонахождению старшего брата, которого объявили мертвым. Потом её подхватил головокружительный поток событий, она узнала правду и, всем сердцем в неё поверив, проявила настойчивость.

С тех пор как она узнала, где похоронен её брат, прошло уже полтора года. Эти восемнадцать месяцев показались ей вечностью, но время было потра-

чено не зря, учитывая, что она успела начать внеплановую стройку, ссылаясь на необходимость укрепить берега реки.

Неважно, насколько богата была когда-то её семья, девушка никак не могла себе позволить самостоятельно раскапывать Гудзон.

Вместо этого она предпочла вложить деньги в текущее речное строительство, замаскировав желание найти брата якобы заботой о городе.

В обмен на финансовую поддержку она потребовала от рабочих прочесать речное дно и вытащить всё, что попадется. Одна из многих предпринятых мер, которые привели к сегодняшнему дню.

Конечно, оставалась реальная возможность, что стальную бочку с её братом унесло течением вниз по реке вплоть до огромного Атлантического океана.

Но пока оставалась хоть малейшая надежда его спасти, девушка была готова поставить всё, чем владела, на этот крохотный шанс.

Они снова встретятся. Храня в сердце мечту об этом моменте, она наблюдала за работой машин.

И на третий день прочёсывания перед началом основных работ к ней внезапно прибежал, задыхаясь, один из рабочих:

– Э-э, в-вы же мисс Дженоард, верно?

Чтобы увидеть её, он явно бежал всю дорогу от площадки. Ева почувствовала, как заколотилось сердце, и кивнула.

– Мы, мы нашли те бочки! Как вы и сказали!

В голосе и поведении работника сквозило не только удивление, но и нотки страха, видимо, он увидел нечто необычное.

– Вы их нашли!

– Н-н-н-но там, там, там были люди! Внутри! В них! В бочках! Дышат! Ещё живые!

Он явно был потрясён до глубины души. Его слова было трудно разобрать, но Ева прекрасно всё поняла.

С некоторым трудом, но она выудила у рабочего, где сейчас бочки, и, невзирая на взволнованные возгласы дворецкого, немедленно отправилась туда.

«...Даллас!»

Она своими глазами видела, что означает быть бессмертным.

Он провел под водой годы, и было бы очень оптимистично с её стороны надеяться на целый труп, будь он обычным человеком. Но она знала лучше. Если поверить словам мафиози, который ей всё рассказал, её брат окажется невредим.

Нет, даже если он ранен, даже если превратился в жалкий мешок костей и гниющей плоти, пока он жив...

Храня в сердце надежду, она бежала к складу, где хранили выловленные вещи.

Но...

Там она увидела совсем не то, чего ожидала.

– Ой?

Глазам Евы предстали лежащий на полу один из горстки рабочих и три стальных цилиндра в центре.

В углах просторного склада скопился разнообразный мусор. Чуть поодаль беспорядочно валялись люди, будто их тоже выловили со дна реки.

– Что такое...

Застигнутая врасплох неожиданным видом Ева подбежала к одному из рабочих и медленно потрясла его. Она знала, что не должна к ним прикасаться, но он казался невредимым, поэтому легонько потормошила... Никакой реакции. Он ещё дышал, но, кажется, был без сознания.

– Что здесь случилось?

Она оставила человека лежать дальше и медленно зашагала к бочкам в центре склада.

«...В одной из них Даллас?»

Она неосознанно сглотнула, потому что в горле пересохло, и осмотрелась. Один из цилиндров лежал на боку, и внутри не было ничего похожего на человека. Кажется, вместо него там почему-то лежали книги, шахматные фигуры и игральные карты вперемешку с битым цементом.

От странной картины храбрость Евы пошатнулась, но она не колебалась и медленно приближалась, не сводя с бочек глаз.

Она подошла достаточно близко, чтобы заглянуть в одну из стоявших бочек и заметила нечто, похожее на человеческие волосы.

– О-ох... – донеслось из цилиндра, когда она шагнула ближе.

– Даллас?!

Стон словно послужил сигналом, и Ева мгновенно преодолела оставшееся до бочки расстояние. Не обращая внимания на речную грязь на руках и одежде, она ухватилась за край и заглянула внутрь.

Там съёжился крупный мужчина.

В его волосах безнадежно спутались комья ила и морских водорослей, одежда давно сгнила, но кожа была просто мокрой, ничуть не испорченной. Время от времени он стонал и выкашливал из носа и рта грязную воду.

Конечно, она об этом слышала, но на самом деле увидеть доказательство человека, который пережил такое испытание, оказалось шоком. Не зная она заранее, никогда бы не поверила, что его вытащили со дна реки.

Несмотря на толстый слой грязи, она легко различила его черты.

Ева присмотрелась к лицу мужчины и опешила.

– Ты... не Даллас?

Она слышала, что вместе с братом похоронили и двух его дружков, значит, это один из них.

На складе было три бочки. Число совпадало.

Но её беспокоило, что одна из них уже пустовала.

Она тут же заторопилась ко второй из стоявших бочек и заглянула внутрь. Конечно, там был ещё один мужчина, в таком же жалком состоянии, что и первый, и, конечно, он тоже не был её братом.

– Этого... этого не может быть...

Она смотрела на последнюю пустую бочку и не могла скрыть потрясения.

Может, рабочие его уже вытащили, и он лежал без сознания среди остальных людей вокруг.

Она развернулась и бросилась на поиски, даже не переведя дух, но нигде не нашла брата.

– Мисс Ева! Что здесь происходит?

Беньямин наконец добрался до хозяйки и не мог сдержать удивления.

Возглас дворецкого эхом разнесся по складу... и, словно в ответ, зашуршала одна из груд мусора в углу.

– Даллас?!

Ева метнулась туда, презрев собственную безопасность. Она углубилась в лес балок и деталей машин и заметила единственный силуэт, который присел за кучей отбросов и яростно дрожал.

Однако, это был не её брат, а молодой рабочий из тех, кто тралил дно.

– А-ай!

Заметив Еву, паренек коротко вскрикнул, но довольно быстро понял, что перед ним обычная девушка, и постепенно взял себя в руки.

– Пожалуйста, успокойся... Ты в порядке? Что тут случилось?

Сначала он только безмолвно разевал рот. Но, наконец, успокаивающий голос Евы немного его ободрил, и он потихоньку начал рассказывать, что произошло.

– С-сразу после того как один из наших пошел позвать вас, мисс... Пришли какие-то странные люди и вытащили одного из парней в бочках... мы пытались их остановить, но они мгновенно всех вырубали! Без труда! К-кто они были такие?! С-с ними была ещё девушка. Это, это было как магия, когда она вытащила свою длинную штуку, и та превратилась в копье, или что-то такое, а потом она шлепала и тыкала в людей тупым концом...

В этот момент паренёк сбежал и спрятался, поэтому и не знал, что было дальше.

Ева и дворецкий хмуро слушали. Скоро пришли привлечённые шумом рабочие с других частей стройки, и склад превратился в хаос.

Девушка выскользнула наружу и с явной скорбью на лице обернулась к дворецкому.

– Беньямин, я искренне верила, что смогу наконец с ним встретиться.

– Мисс Ева...

– Но я не сдаюсь. Я не знаю, кто похитил Далласа... Но по крайней мере я знаю, что он действительно жив!

Дворецкий знал, что его хозяйка просто храбрится.

Но он лишь склонил голову, добавил в голос столько фальшивой бодрости, сколько сумел, и согласился:

– Конечно, мисс Ева!

Ева решительно кивнула и шагнула вперед. Это первый шаг в её новом поиске пропавшего брата. У неё не было никаких ниточек к таинственной группе, похитившей его, так что, очевидно, ей придется потрудиться.

Но она высоко держала голову и не несла ни сожалений ни колебаний.

– Но... Зачем они забрали Далласа? Кто знал о нем, кроме меня и мистера Гандора?

* * *

Вода.

Затопила.

Всё случилось мгновенно.

И кончилось так же быстро.

Меня вытащили в ночь и бросили в реку, и вода хлынула в дырки бочки.

Когда я почувствовал холод, бочка уже была наполовину полной.

Когда я догадался позвать на помощь, меня слышала только река.

Вода.

Это вода.

Вода заполнила весь мой мир, выдавила воздух из лёгких, из желудка, из горла, изо рта, мало-помалу, мало-помалу, сколько бы я ни сопротивлялся.

Я до сих пор помню первый вкус воды, хлынувшей в нос.

Не могу перестать дрожать. Вода течет мне в нос, и чёрт! я её пробую.

На вкус она как соль и грязь. Но даже это заканчивается в мгновение ока.

Вкус в носу, в глазах и в горле меняется. Меняется на вкус моей собственной крови.

Когда он добирается до лёгких, я начинаю кашлять. Я правда выкашливаю остатки воздуха прямо в речную воду. А когда пытаюсь снова вдохнуть, разумеется не остается ничего, кроме жидкости.

Это больно.

Это всё, о чём я могу думать. Каждый раз, когда я думаю, что хуже быть не может, становится ещё больнее.

Больно, больно, больно, больно, бо, бо, бо...

Потом всё чернеет.

Вся испытанная боль нахлынула разом, заглушила собой все другие ощущения. Всё стало черным.

Но не так, как когда засыпаешь или теряешь сознание. Видите ли, чернота никуда не девается.

И в этой тьме осталась лишь боль.

Ох, интересно, через сколько же времени я наконец отключился?

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Почему я до сих пор всё так хорошо помню?

Не хочу помнить подобную дрянь.

Черт подери, как я могу спокойно об этом думать?

Хотел бы я всё забыть.

Каждый раз когда вспоминаю, возвращаются пережитые ужас и боль.

Я больше не хочу это помнить. А кто бы хотел? Катитесь к чёрту, воспоминания.

Мне нужно что-то другое. Подумать о чем-то другом.

Да. И сначала я подумаю о том...

...Где я, чёрт подери, оказался?

– Ты знал, что стальные бочки изобрела женщина? – спрашивает кто-то.

Кто это? Незнакомый голос.

– Её звали Нелли Блай. Про неё есть песня, так что ты должен узнать имя. Она совершила жюльверновское путешествие «Вокруг света за 80 дней» всего за 72 дня. Впечатляет, правда?

Я осматриваю комнату в поисках того, кто трещит, как сломанное радио.

Я лежу на кровати. Вижу дешёвую лампу, свисающую с деревянного потолка.

Больше в комнате ничего нет. Ни шкафа, ни комода. Кажется, самый минимум – стол, стул, кровать. Ничего, что имело бы какую-то цену.

– А ты провел годы в изобретённой ею бочке. Тебе решать, сочтешь ли это за честь или за повод для проклятия.

Господи, да кто же это говорит, и почему он не заткнется к чёрту?

Нашел. Сидит на стуле, как хозяин. Развернул его, оседлал и положил руки на спинку. И смотрит на меня.

Он в очках, а волосы прикрыты черной банданой. Нет, забудь, он небось лысый. Вижу вычурную татуировку, которая спускается от виска и тянется на затылок. Ненормальный. Только посмотрите на глаза, бегающие за очками, как у дохлой рыбы.

– Забавно, наверно, ты выглядел. Ты не мог даже умереть в реке. Наверно, только задышался, захлёбывался и хотел, чтобы всё закончилось.

Да кем ты, чёрт подери, себя считаешь? Проклятье, меня тело не слушается. Хотел бы я встать и выбить дурь из шутника. Чёрт.

– Не волнуйся чересчур. Не вижу, с чего ты так меня ненавидишь. В конце концов, я тебя спас.

Меня? Спас? Выловил и... Стоп, а правда, где я? Это не Небеса?

Я ещё жив? И мне больше не надо снова и снова подышать в проклятой речке?

Держись. Погоди. Успокойся. Отпраздную, когда узнаю, что за ублюдок передо мной.

Ладно, если мне больше не надо умирать... Может, нанесу визит папочке. Может, они с братцем уже сдохли, и наследство теперь моё. В смысле, дом, земля и то, что осталось от семейного состояния. Ну и прочее. Если я заполучу это всё, то, может, куплю Еве подарок...

...Нет, сначала надо сделать кое-что ещё.

Отомстить.

Я убью каждого, кто когда-либо смотрел на меня сверху вниз.

Братьев Гандор. Эти гады бросили меня в реку.

Старика, который мной командовал. Цила или Сира, или Сцила, или как его там.

Сучку Эннис. Она не раз меня унижала.

Того, кто переехал меня машиной... Нет, погоди. Я вспомнил. Я теперь помню.

За рулём машины были придурок с девкой, которых мы избили за день до того.

А самое главное, я убью того, кто стал причиной всех моих бед.

Фиро. Фиро Проченцо.

Ох, какое облегчение.

Я не забыл его имя. Мелкий засранец наверно тоже ещё жив. Проклятье, готов поклясться, что прострелил ему голову... Может, я промахнулся?

Какая разница. Просто убью наверняка всех тех, кого сейчас вспомнил.

Да, я бессмертный. Надо только быть осторожным, и не понадобится их всех убивать. А других бессмертных, вроде старика и сучки Эннис, я тоже суну в бочки, посмотрим, как им это понравится.

Пожалуй, сначала я найду ту парочку придурков...

– Не могу знать, о чём ты думаешь, но...

Что? Проклятье, не встревай в мои фантазии.

– Тебе ничуть не любопытно, что происходит? Никаких вопросов? Или в голове ещё не прояснилось?

Ох, да заткнись уже. Какого чёрта я буду задавать вопросы психу вроде тебя?

Ах да, где это я? И кто, чёрт подери, ты такой?

Ты? Меня спас? Пфе.

Не помню, чтобы ты мне помогал. Будто я тебе, засранец, на слово поверю.

– Даллас Дженоард. Двадцать два года. В целом, обычное ничтожество, хотя записи говорят, что ты однажды выиграл районный турнир по плаванию... Хм. Не совсем то, чего я ожидал.

Отлично. Ты тоже можешь сдохнуть.

Просто заткнись к чертям собачьим и умри. Кстати, кто ты вообще такой?

Проклятье, я не могу открыть рот. Даже не могу высказать жалкому идиоту всё, что о нем думаю.

– Итак. Не смотри на меня так, будто ждешь, что я намочу штаны. Похоже, ты не желаешь поблагодарить меня за спасение. Хм-м. Наверно, надо было забрать двух других.

Двух других? Каких двух других? Ах да, вместе со мной бросали ещё кого-то, но будь я проклят, если помню их имена.

Всё равно. Это неважно.

Сейчас важно позаботиться о болтливом идиоте и убраться из этой скучной комнаты. Вот чёрт, я же шевельнуться не могу.

– Ах да. Я ввёл тебе паралитик, так что ты пока не можешь двигаться. Не напрягайся.

Я тебя убью. Только подожди.

– Кажется, я говорил тебе не зыркать на меня. Слушай, это бизнес. У меня есть для тебя предложение, которое принесёт тебе денег.

Денег?

Я решаю ещё немного послушать лысого.

– Просто обмен. Ты сотрудничаешь с нами и получишь немалую сумму наличными, больше, чем потребует твоя роль.

Наличными. Наличные – это всегда хорошо.

Но мне не нравится часть про «больше, чем потребует твоя роль». Назови сумму, тупица.

– Разумеется, если ты откажешься, то кто-то снова нырнёт в бочке в Гудзон.

...Ага, тупая ты сволочь. Думаешь, я испугаюсь твоих угроз?

Ладно, я притворюсь, что согласен на это дерьмо, а потом заберу деньги и сбегу раньше, чем вы догадаетесь, что происходит.

– Естественно, этим кем-то будет твоя младшая сестра Ева Дженоард.

...

...Что?

...Что?!

– Ха-ха! Видел бы ты сейчас своё лицо! Если честно, я немного волновался, когда мы изучали твоё прошлое. Понимаешь, я сомневался, что план с заложником сработает на швали вроде тебя! Но глянь-ка! Ты не задумываясь всадишь соратникам нож в спину, но стоит упомянуть твою сестру... О, какой взгляд! Да-да, сейчас твой взгляд не сравнить с предыдущим. Там не только ненависть. Сейчас там ещё и ужас, страх потерять нечто для тебя ценное.

Чёрт, чёрт, чёрт!

Какого чёрта? Какого дьявола, мужик? Серьёзно! Больной ублюдок, Евы это не касается!

Проклятье! Почему я нервничаю? Не моё дело, что случится с Евой! Я же так себе и говорил, когда уходил, да?!

...Ладно. Хорошо. Признаю. Ну, ты доволен? Эй?!

Я действительно забочусь о Еве, окей? Я не хочу, чтобы она умерла!

Но если ты столько обо мне знаешь, то должен знать и то, что если коснешься хоть волоска на её голове, то получишь ковровую дорожку прямо на вершину моего черного списка, верно? Я тебя убью, убью, убью, и неважно, чего мне это будет стоить! Даже если придется вычеркнуть из списка всех остальных! Нет, если понадобится, я буду даже на коленях умолять их, лишь бы ты сдох!

– Хм-м, семейные узы? Наверно, мило. Если честно, я даже завидую.

Чёрта с два мне важно, что ты думаешь!

– Верно. Я забыл представиться. Эй, Адель! Позови всех сюда.

На зов чудака открылась дверь в углу, и вошли несколько человек. Чёрт, они все выглядели психами.

Но даже среди этих клоунов глупо выглядела девчонка, чуть младше меня, которая дёргалась, как полная идиотка, пока говорила.

– Э-э... Тим, ты уверен, что с этим человеком всё хорошо? Он на меня пялится.

– Не волнуйся, Адель. Это просто значит, что наш план с заложником работает.

Ага, значит психа зовут Тим. Понял. Запомнил. Теперь, сволочь, ты труп.

– В любом случае... Не волнуйся. На самом деле мы не караулим Еву.

...

– Но если ты перейдешь черту или откажешься сотрудничать, тогда Адель отправится на прогулку, чтобы убить твою сестру.

Эта тупая овца? Ты издеваешься? Я что, кажусь настолько дураком?

Я зыркнул на неё, и она робко кивнула и пробормотала: «Приятно познакомиться». Что, она тоже ненормальная?

Чёрт, да что с ними всеми?

Почему вы так со мной поступаете? Что я натворил, чтобы это заслужить?

Нет, неважно. Я действительно совершил кучу гадостей, которые привели меня в разряд плохих людей. Ну и что? Однажды я за всё заплачу.

Просто... просто они не касаются Евы!

Будь я проклят, я их всех убью! И не думайте, что это будет быстро! Вы будете умирать, проклиная тот день, когда вздумали угрожать Еве! Уже слишком поздно извиняться, тупицы!

– Полагаю, я должен представиться, как подобает. Я – Тим. Думаю, меня можно назвать лидером этой разношёрстной толпы.

Да кто тут вообще спрашивал твоё имя? Не я, придурок.

– Что... вы... за чёртовы... козлы?

Наконец я могу говорить. Кажется, что моё горло разодрано в лохмотья, но я умудряюсь выдать вопрос, и ублюдок Тим отвечает так быстро, что меня это бесит:

– Мы – Лярва⁴.

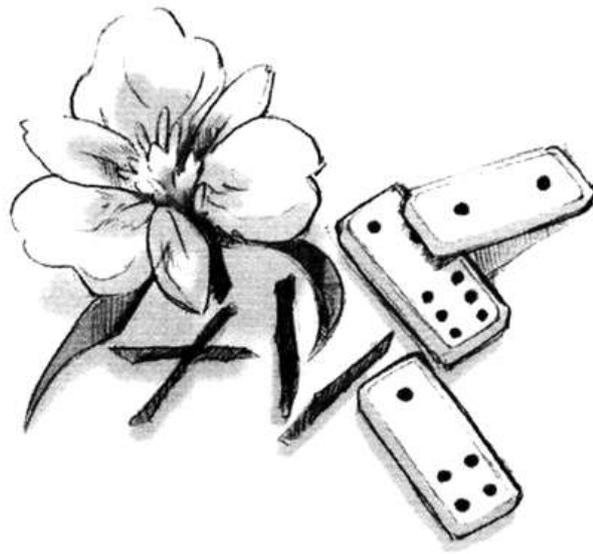
– Мы – банда безумных отщепенцев, которая служит Хью Лафорету.

⁴ В древнеримской мифологии – неуспокоенный дух умершего, приносящий живым несчастья и смерть.

Древнегреческий аналог лярвы – лемур – название другой организации Хью

Глава 1
Цветы и Домино

CHAPTER I
FLOWERS AND DOMINOES

– Итак... Мисс Мария, если у вас есть какие-то оправдания, я весь внимание, – тихо сказал Лак, постукивая по столу одним пальцем.

На его лице красовалась улыбка, но веселье и близко не добиралось до глаз.

В Маленькой Италии располагался небольшой джаз-клуб. А под ним находилась контора братьев Гандоров, которые занимались незаконными делами района.

Сверху доносились звуки джаза и создавали в подземном офисе непринужденную атмосферу. В просторной комнате стояли круглые столики, а в углах – даже несколько бильярдных столов.

По собравшимся здесь людям подозрительного вида было понятно, что контора Гандоров не место для обычных законопослушных граждан.

Однако... Был там один человек, который вёл себя совсем не так, как остальные.

Она сидела напротив Лака за столиком в центре зала. Цветная одежда на первый взгляд заставляла считать её танцовщицей. Молодая и привлекательная, кровь с молоком, девушка с гладкой смуглой кожей.

Девушка, Мария Барселито, отвернулась и надула губы.

– Ну...

– Что значит «ну»?!

Лак потерял терпение и шлёпнул ладонью по столу, будто ругал ребенка. В зале гангстеры давились смешками.

– Мисс Мария. Ваша работа – охранять танцовщиц в казино. Вы это понимаете, правда?

– Конечно понимаю, амиго! Поэтому я и избавилась от тех буйных гостей! Моргнуть не успеешь, а уже шух-шух и готово!

– Я и моргнуть не успел, как уже смотрел на три полностью разрушенных игровых автомата, уничтоженный стол для баккары, то, что раньше было дверью в казино, и сломанную люстру – жертвы вашего меча, не считая убитых людей. И теперь я бы очень хотел услышать причину, по которой вы сочли нужным уничтожить моё имущество.

Правда смотрела ей в лицо, и Мария отвела взгляд.

– Так получилось...

– Так получилось?!

Лак снова ударил по столу и испустил тяжкий вздох, полный давнего страдания.

Глядя как с его лица исчезает улыбка, Мария невинно усмехнулась, будто пытаясь его утешить.

– Не расстраивайся, амиго! Знаешь, ты лучше выглядишь, когда улыбаешься!

– И кто, смею спросить, виноват в моем нынешнем настроении?

– Прости, амиго...

Мария испуганно отодвинулась. Хотя она и выглядела красивой женщиной, вела себя всё ещё как ребенок.

Мария была гостьей Гандоров (хотя надо признать, пригласила она себя сама), а раньше – наёмным убийцей.

Это не значит, что теперь она перестала, так что точнее говорить, что она по-прежнему была наёмным убийцей.

Она столкнулась с Семьёй Гандор во время неких событий в прошлом году, потянулась за харизмой Кита Гандора и присоединилась к организации как постоянный союзник. По крайней мере, такую историю она любила рассказывать. На самом же деле, она была, скорее, незванным гостем.

В конторе Гандоров редко видели женщин, тем более мексиканских сеньорит. Сначала между ней и некоторыми из Семьи возникали трения. Но, если честно, большинство случаев были связаны не с её полом или национальностью, а с её слишком простодушным характером.

Но вскоре они с Семьёй неплохо притерлись друг к другу, и уже некоторое время не возникало серьезных проблем.

Вместо них она доставляла мелкие, но чреватые головной болью неприятности, вроде той, о которой сейчас скорбно вздыхал Лак.

– Согласен, вы позаботились о буйных клиентах. Здесь я не вижу промаха. Я просто хочу знать, не могли бы вы делать это с меньшим сопутствующим ущербом?

Мария скромно улыбнулась и похлопала по двум ножнам на боку. Мрачно блестящие рукояти слишком длинных для таких изящных рук клинков составляли темный контраст яркой одежде.

– Понимаешь, когда я достаю Мурасаму и Кочите⁵, они режут, что хотят!

– Не перекладывайте вину на мечи.

– Ну...

– Что значит «ну»?!

Ладонь в третий раз шлёпнула по столу. Некоторые из наблюдающих членов Семьи не удержались и разразились хохотом из-за забавного зрелища.

Лак метнул в них ледяной взгляд, и они торопливо отвернулись, но по тому, как подрагивали плечи, было ясно: они стараются сдержать смешки. Обычно Лак вёл себя спокойно и собрано, но почему-то не мог справиться с Марией, и их разговоры часто превращались в сценку, где молодой учитель отчитывает школьника за плохое поведение.

Технически, он мог бы наказать её куда строже, чем на самом деле, но Мария была лучшим бойцом Гандоров. Конечно, если не ограничиваться Семьёй, то был ещё убийца по имени Вино, но Лак полагал, что он слишком ветреный и ненадёжный, чтобы считаться частью семейной мощи.

⁵ 虎徹 (убийца тигров). Произносится как "Котецу".

Другими словами, в Семье Гандор никто не сумел бы на самом деле осуществить наказание. К счастью, она без вопросов подчинялась каждому слову Кита, брата Лака. Беда в том, что Кит разговаривал в лучшем случае раз в месяц и, казалось, был не склонен исправлять поведение Марии.

Второму брату, Берге, нравился сердечный характер Марии, и на просьбу он только ухмыльнулся и сказал: «Почему бы не позволить девочке делать, что она хочет?»

Поэтому оставался только Лак, который выглядел так, будто напился лимонного сока, но всё же читал лекцию лучшему убийце в своей организации.

– Ну, у меня же так давно не было шанса сделать хоть что-нибудь... Даже на казино никто не нападал.

– Конечно нет! И не должны! Ты вообще представляешь, сколько мы работали ради того, чтобы не враждовать?! В идеале ты всегда будешь только танцевать на сцене, потому что никто даже не начнет задираться.

Тут уж Мария не выдержала.

– Это не весело! Совсем, совсем-совсем не весело, амиго! Ты знаешь, что я убийца! Разве у тебя нет более весёлых и увлекательных заданий? Скучно просто танцевать день за днём, день за днём! Если я продолжу, то в конце концов рубану по глазам тому, кто не так на меня посмотрит!

– Пожалуйста, даже не шутите о таком.

Лак понял, что нет смысла продолжать спор, и сменил тактику.

– Очень хорошо, мисс Мария. Если вы настаиваете, я дам вам другое задание.

– О! Правда?! Спасибо, амиго! Так которую Семью ты хочешь увидеть мёртвой?!

– Боюсь, ничего настолько ужасного.

– Что? Ужасного? Да ладно, я могу просто прогуляться до той маленькой каморры по соседству. Мартилло, или как их там? Хочешь, чтобы я пошла и убила их босса?

Если бы кому-нибудь не из Семьи удалось это услышать, возникли бы серьезные неприятности. Лак сложил руки и опустил голову, словно молясь какому-то безразличному богу.

Он снова вздохнул и попытался решить, что же он хотел сказать Марии.

– Мисс Мария. Мы постоянно прилагаем усилия, чтобы не случилось таких конфликтов. Если в нынешние времена разразится война за территорию, мы и глазом моргнуть не успеем, как за нами придёт Коза Ностра Лаки Лучано.

Благодаря усилиям Лаки Лучано, мафия постепенно осовременивалась. Огромная организация, известная как Коза Ностра, железной рукой правила организованной преступностью, и одобрение её Совета требовалось даже перед мстью или войной за территорию.

Семья Гандор не входила в Коза Ностру, и именно поэтому им приходилось быть ещё осторожней. Поэтому Лак, который занимал ответственный

пост в организации, больше всего хотел избежать любых вещей, которые могли привести к уничтожению Семьи.

Поэтому он решил дать сидящей перед ним девушке задание, которое поддержит статус кво, как он и хотел.

– Если вы настолько хотите подраться, то я дам вам задание, которое может предоставить вам шанс это сделать. Против шпаны, которая не входит ни в одну организацию, и в месте, где не будет нашего имущества, которое вы можете уничтожить. Конечно, всё зависит от того, как пройдут переговоры.

– И что это, амиго?

С любопытством в глазах Мария слегка подалась вперёд, и Лак тут же воспользовался возможностью.

– Похоже, в районе появилась группа юных неудачников, которая с прошлого года занимается случайными подработками без нашего разрешения. Конечно, они только играют в то, что мы считаем бизнесом, но... как вы знаете, в этом году отменяют «сухой закон».

– Ой, правда?

– Да!

С момента принятия в 1920-м году, «сухой закон» оказал огромное влияние на американскую историю, и в частности, на рост криминальных организаций.

Само собой разумеется, что упомянутое влияние было ощутимо положительным.

«Сухой закон» придумали по желанию политиков и некоторых групп людей, но вместо того чтобы, как предполагалось, уменьшить продажи алкоголя, на самом деле он привел к резкому росту числа подпольных баров и винокурен и стал гигантским источником дохода для американских гангстеров и мафиози.

Этот неожиданный эффект привел к протестам против неудачного закона, и наконец, в феврале 1933-го, Конгресс внес поправку в Конституцию США. Один за другим штаты меняли свои законы, и, когда в декабре того же года Юта сняла запрет на алкоголь, эра «сухого закона» закончилась.

Это время ещё не настало, но на улицах все уже знали, что «сухой закон» доживает последние дни, и бары гордо смогут заказывать выпивку у легальных пивоварен, а не проносить её контрабандой.

В свою очередь, это заставило американских гангстеров, которые богатели на контрабанде алкоголя, искать другие источники дохода. Не была исключением и Семья Гандор, делающая деньги в основном на незаконном производстве и контрабанде выпивки, и Лак уже некоторое время бился над вопросом, что же делать дальше.

– Мисс Мария, эти юные смутьяны проворачивают незаконные делишки на улицах без нашего разрешения. Они суются в бутлеггерство, скачки и даже в запрещённый торг на сторону. В обычном случае мы бы их слегка избили

да так бы и бросили, но, похоже, в этой группе больше людей, чем ожидалось... Это несколько раздражает.

– Амиго, я четко и ясно слышу тебя! Ты хочешь, чтобы я пошла и всех их зарубила!

– ...Я даже не хочу знать о ваших методах работы до приезда сюда. В любом случае, мы не желаем затевать суматоху, поэтому я бы предпочел, чтобы вы просто пошли и немного припугнули их вожака. Ровно настолько, чтоб он и не думал переходить нам дорогу. Конечно, этого не понадобится, если он согласится на наши требования.

Мария подумала минутку и сказала:

– Думаю, я поняла, амиго. Ты хочешь, чтобы сначала я зарубила только одного, а потом если они атакуют, я сочту это сопро...

– Мисс Мария.

– ...Прости. Кажется, я немного увлеклась, амиго

Перед ледяной улыбкой Лака у Марии не оставалось выбора, кроме как извиниться. Время, проведенное на дне общества, научило Марию инстинктивно чувствовать, когда она зашла за черту и действительно кого-то разозлила.

– Проблема в том, что действуют они на нашей территории, но их база – на земле другой организации. С ними у нас договор о перемирии, поэтому я бы очень хотел, чтобы вы воздержались от затевания скандала.

Погасший вид Марии смягчил Лака, он немного расслабился и начал объяснять:

– Короче говоря, я хочу, чтобы вы были телохранителем. Мистер Тик позаботится о переговорах и угрозах. А вам надо просто обеспечить его безопасность.

Лак перевёл взгляд в угол комнаты, и Мария тоже повернулась посмотреть.

Там за столиком сидел молодой человек и щёлкал ножницами вокруг вазы с цветами.

Его звали Тик Джефферсон, и он был в Семье Гандор специалистом по пыткам.

Он сидел и с широкой улыбкой на лице подрезал цветы, пока, наконец, не понял, что два человека на него смотрят, тогда поднял руку и помахал им.

В этой руке он держал пару сверкающих серебристых ножниц, которые отражали свет, когда рука двигалась из стороны в сторону, рисуя над головой металлическую дугу.

– Привет! Что-то от меня хотели?

Если судить только по тону и движениям, он мог показаться вежливым юношей – может, немного ребячливым, но все равно симпатичным, – но ножницы в руке разбивали образ на осколки.

Лак быстро ему улыбнулся и снова повернулся к Марии.

Как и Тик, она невинно улыбалась и махала пыточных дел мастеру.

«...Кажется, эти двое на одном уровне развития».

Лак не позволил своим мыслям отразиться на лице и продолжил инструктаж Марии.

– Мистеру Тику я уже всё объяснил, так что вверяю его вашим умелым рукам. И ещё одно! Шпана, к которой я вас посылаю, проворачивает делишки и на территории Мартилло, так что они тоже вмешаются. Мартилло сказали мне, что начнут действовать тоже сегодня, поэтому, пожалуйста, не затевайте с ними никаких склок.

– Ладно...

– Приве-е-ет!

Как только Лак договорил, Мария вскочила, метнулась к столику Тика, уселась напротив него и нежно улыбнулась.

– Что делаешь, амиго?

Она рассматривала его так, будто он делал нечто захватывающее. На столе стояла ваза с цветами, и время от времени Тик втыкал открытые ножницы в случайное место букета и с щелчком их закрывал.

Чёткий щелчок металла о металл, и, словно завяв, цветок с разрезанным надвое стеблем тихо опускается на стол.

– Я режу цветы, – спокойно ответил Тик, подобрал отрезанный цветок и снова воткнул его в вазу.

– Их дала мне Эдит. Сказала, что я бы стал хорошим флористом.

Эдит работала в одном из баров Семьи Гандор. Она познакомилась с Тиком в череде странных событий, считала его другом и дарила цветы в подарок. Но...

– Я считаю цветы изумительными.

Чик.

Снова металлический звук ножниц, и снова, и на стол падает следующий цветок.

Тик сказал Эдит, что заботливо подрежет цветы, и держал слово, уже несколько дней разрезая их на кусочки.

– Видишь, можно разрезать их точно пополам, и они выживут, пока будут стоять в воде.

Хотя он получил уже подрезанные цветы и то тут то там рассек каждый стебель, ещё ни один цветок полностью не засох.

Букет уменьшился по высоте наполовину, и бережно подобранные цветы превратились в безнадежно растрепанную кучу небрежно натыканных цветков.

Эдит сказала, что он бы стал хорошим флористом, но трудно вообразить, что кто-либо купил бы такой небрежный букет.

– Ну... наверно. Но я хочу рассекать что-то посolidнее цветов, амиго, – сказала Мария, полностью меняя тему разговора. Большая часть Семьи сидела вдали от Тика, потому что привычки Тика их нервировали, но Марию совершенно не пугало его странное хобби.

– Кстати, про задание! Когда пойдём, амиго? Сейчас, да? Прямо сейчас, да?!

Мария с сияющими глазами склонилась ближе. Нежный изгиб её подбородка коснулся лепестков.

Если бы кто-то сфотографировал этот момент, получилось бы красиво, но её слова испортили впечатление. Наблюдавший за ней мужчина вздохнул и с тоской пробормотал, что она была бы идеальна, будь она в здравом уме.

А Тик только невинно улыбнулся и сказал:

– Ух ты, Мария. С цветами ты выглядишь ещё симпатичней.

– Правда? Ты так считаешь? Спасибо!

Мария приняла комплимент близко к сердцу и ещё раз глянула на цветы. Их в вазе было много разных, но вместо пышных и вычурных Эдит выбрала те, что успокаивают глаз.

– Хм...

Мария секунду задумчиво смотрела на вазу, а потом внезапно схватила Тика за руку.

– Цветы могут подождать, пока мы не закончим! Идём, поработаем! Пожалуйста?

Она настойчиво дёрнула Тика за руку и выглядела почти ребенком на ярмарке.

Тик не смог отказать решительному требованию, бросил на букет последний взгляд и поднялся, бормоча под нос:

– Интересно, есть ли у этого цветка тоже семья...

– Что ты говоришь?

– О, ничего.

Улыбка Тика как-то стала ещё мягче и ласковей прежней. Вслед за Марией он поднялся по лестнице, ведущей на улицу.

На их лицах не было ни страха ни сомнения, и трудно было решить, понимают ли они вообще, что собираются сделать.

Понимают ли они, что всего одна маленькая ошибка может обернуться кровавой баней.

Когда парочка ушла, оставшиеся в конторе члены Семьи лениво разговаривали друг с другом.

– Думаешь, эти двое правда справятся?

– Они ведут себя как дети, но и те сопляки, с которыми им придется иметь дело, – тоже дети, так что думаю, всё будет в порядке. Я имею в виду, Тик может болтать как идиот, но он достаточно умен.

– И с ним Мария, так что, по крайней мере, его не ранят.

– Её самурайские мечи страшнее большинства автоматов...

В некоторой степени все эти люди верили в навыки Марии, поэтому никто всерьёз не волновался.

Вошел Лак и подпортил легкомысленное настроение.

– Джентльмены. Вам не кажется, что вы слишком полагаетесь на её силу?

Если организация слишком сильно будет опираться на способности всего одного человека, остальные её члены расслабятся и обленятся. Больше всего Лак хотел избежать такой ситуации. Он волновался, что это случится, когда приехал Вино, но тот, к счастью, вскоре вернулся в поле, и всё само собой рассосалось.

Но теперь была проблема Марии. Ни при каких условиях Семья Гандор не могла позволить слухов, что их сила целиком зиждется на капризах одной девчонки.

– Но босс, признайте, что она наверно и вправду может в одиночку пойти и принести голову Марти...

– Даже не шути об этом. Если только внезапно не решил, что тебе мешает жизнь, и тогда, конечно, ты волен договорить.

В абсолютно ледяном голосе не было ни малейшего следа эмоций, с которыми Лак говорил с Марией. Гангстер, получивший завуалированную угрозу, почувствовал, как по спине побежала дрожь.

– Кроме того, Мартилло – не повод для шуток. У них есть Ронни Скиато, который с Вино на равных... и Ягуруму с Майзой не надо недооценивать.

Отчитав подчиненных, Лак пробормотал вполголоса:

– А ещё есть их младший... Фиро Проченцо, кстати...

В то же время

Альвеаре

– Фиро, ты ужасен!

– Хуже всех!

– Злей тебя никого нет!

– Во всём огромном мире!

Между Маленькой Италией и Чайнатауном была улица, на улице был магазин мёда, а в магазине мёда был ресторанчик.

У входа висела металлическая вывеска в форме улья, под которым было написано слово «Alveare» – «улей» по-итальянски.

Среди преступных организаций Италии существовала группа под названием Каморра. Её структура и законы отличались от мафии, и Каморра входила в число трех главных группировок Италии вместе с Козой Нострой и Ндрангетой.

Среди многих мелких организаций, которые составляли Каморру, была и Семья Мартилло, которая контролировала крошечные участки в Маленькой Италии и Чайнатауне. А этот пропитанный запахом мёда ресторан был их штаб-квартирой.

Изначально это был самый большой бар на территории Мартилло, но, благодаря «сухому закону» Альвеаре превратился в полностью законное заведение. Внутри была люстра, в которой стекло сверкало, как драгоценные камни, бар, украшенный величавыми статуями, столики, масляные лампы на стенах... Пышные украшения висели в зале, и над всем витал аромат сладких блюд, приготовленных с обильным количеством мёда.

Было обеденное время, и обычно ресторан бы заполняли голодные посетители... но сегодня всё было немного не так.

– Да ладно. Хватит уже. Я же сказал, что мне очень жаль, разве нет?

На барную стойку тяжело навалился человек с усталым раздражением на лице и неохотно извинялся.

На вид ему было около двадцати, может, восемнадцать или девятнадцать. Но если смотреть только на мальчишеские черты, то легко было бы сказать, что он ещё на пару лет младше.

Его окружали несколько человек, и впереди пёстрой толпы стояла парочка, которая громко протестовала и размахивала руками.

– Извинений недостаточно!

– Совсем недостаточно!

Мужчина носил фрак, в котором выглядел как выступающий фокусник, и, возможно пытаясь соответствовать образу, девушка надела вечернее платье, которое прекрасно пригодилось бы на званом обеде.

Здесь они выглядели абсолютно неуместно, но никто и не думал оспаривать их выбор нарядов.

Мужчина, Айзек Дин, потряс в воздухе кулаком и зыркнул на парня.

– Ты вообще представляешь, как тяжело мы трудились, чтобы расставить эти доминошки?!

Девушка, Мирия Харвент, его поддерживала. Она тоже яростно махала сжатыми кулаками.

– Знаешь, мы вложили туда кровь, пот и слёзы!

Под их гневные тирады парень, Фиро Проченцо, снова вздохнул.

– Простите, но не помню, чтобы там лилась кровь и слёзы.

– Не пытайся своим дьявольским языком преуменьшить страсть, текущую в моих венах!

– Чтоб ты знал, Айзек немного плакал, когда ты свалил доминошки!

В их словах было мало смысла, но собравшиеся вокруг люди кажется были согласны и тоже присоединились к упрекам молодому человеку.

– Будь мужчиной, Фиро, и признай свою вину.

– Ты большой жирный неудачник.

– Тебе не хватает концентрации. Всё потому, что ты расхлябан на тренировках.

– Думаю, тебе надо попробовать и извиниться более искренне, Фиро.

– Фиро...

– Ай, из-за Фиро снова на полу прибирать.

– Иди уже домой.

– Да, уматывай.

– Выкатывайся.

– Пошёл вон.

Сначала он терпел, не жалуясь, но чем больше на него накидывались, тем сильнее он раздражался. Хмурая морщинка на лице постепенно превратилась в выражение настоящей злости.

«...Я капо Семьи Мартилло, верно?»

Я могу выдержать Рэнди и Пеццо. Они тоже бойцы Мартилло. Но почему я должен терпеть нападки Чеса, гражданских членов Семьи и даже Лии, чёртовой официантки?

Да, я правда всё испортил. Но разве я заслужил, чтобы меня так грызли за такую мелочь?»

Фиро уныло предавался мрачным мыслям, в нем постепенно нарастала злость, пока...

– Расплатись за доминошки!

– Мы требуем компенсации!

...наконец, она созрела.

– Заткнитесь!

– Ай!

– Ах!

– Какого чёрта я должен платить кому-то за дурацкие доминошки? Я просто их опрокинул, сколько можно? Я их что, сломал? А? Что, они развалились на крохотные кусочки, потому что я их пнул?! Ну?!

Айзек и Мирия удивлённо замерли перед внезапным взрывом Фиро.

Но злость Фиро ещё не нашла выхода, и он продолжил:

– Я имею в виду, это место для еды, а не для раскладывания домино! Знаете, я позволил вам использовать для этого нашу территорию, так что не могли бы вы наконец угомониться?!

Фиро умолк, тяжело дыша и пристально глядя на парочку.

Косясь на гневного юношу, Рэнди и Пеццо громко зашептались.

– Ты почти считаешь, что это мы тут плохие парни, да?

– Я не видел, чтоб он жаловался, когда складывал им домино, нет, сэр.

Разумеется, Фиро мог их слышать, но сознательно проигнорировал, сохраняя на лице маску ярости.

Айзек и Мирия долго стояли неподвижно, потом внезапно задрожали в унисон, и...

– А-а-а! Фиро, ты отъявленный негодяй!

– А-а-а! Ты полный тохенбоку⁶, Фиро! Дремучий варвар! Глупый и жестокий, и вообще, плохой человек!

...разразились потоком самых ужасных оскорблений, какие только могли придумать, и, громко всхлипывая, побежали к выходу.

– То.. тохен... кто?

Фиро запнулся, попытался понять, что же Мирия имела в виду, и его злость сменилась смущением. Сбоку от Фиро иммигрировавший из Японии Ягурума тихо спросил сам себя:

– Интересно, как мисс Мирия так хорошо выучила японский?..

Айзек и Мирия распахнули дверь и чуть не врезались прямо в человека с бумажным пакетом в руке. Чтобы пропустить парочку, он аккуратно шагнул в сторону.

– Что это?

И только показалось, что они исчезли навеки, как Мирия выглянула из-за спины входящего и показала Фиро язык.

– Бе-бе-бе! Надеюсь, мистер Призрак⁷ растопчет тебя безголовым конём, Фиро!

Она выпалила своё последнее ужасное проклятие и выбежала вслед за Айзеком.

Мирия убегала, её длинное платье полоскалось позади, напоминая сказку о Золушке. Фиро посмотрел ей вслед и в третий раз тяжело вздохнул.

⁶ 唐変木. Невежественный простак

⁷ 夜行さん. Призрачный всадник, который ночью скачет на безголовой лошади и давит прохожих.

– Что ещё за мистер Призрак? Проклятье... Я так запутался, что даже больше не злюсь.

По-прежнему бурча, он повернулся и обнаружил, что все в магазине уставились на него. Они ничего не говорили, но очень ясно выражали своё презрение.

– Хватит, хватит! Я был неправ, ладно? Это всё я виноват! Ну, теперь вы счастливы?

Только что вошедший человек с любопытством посмотрел на Фиро.

– Что-то случилось, пока меня не было?

– А, Ронни. Нет, ничего. Я просто развалил доминошки Айзека и Мирии, когда они почти закончили.

Поведение Фиро мгновенно изменилось со злобного и раздраженного на уважительное.

Официально Ронни был *chiamatore*⁸ Семьи Мартилло. А неофициально – вторым после босса.

– Хм. Ясно... Значит, они убежали. А куда?

– Это мелочи, не волнуйтесь. Им больше некуда податься, так что они вернуться, когда проголодаются.

– ...Неважно. Мне всё равно надо снова уйти, так что, если увижу их, то уговорю вернуться вместе со мной.

Фиро вытаращил глаза на предложение высокого начальства.

– Н-нет, всё в порядке, правда! Вам необязательно...

– Я сказал, если их увижу. Если нет, то так тому и быть, – спокойно сказал Ронни, доставая из бумажного пакета перечницы и расставляя их на стойке.

– И я слышал, что на работников приречной стройки напала группа странных людей. Скорей всего, это мелочи, но опять-таки, не мешает проявить немного осторожности.

Он закончил раскладывать содержимое пакета и развернулся, чтобы снова уйти.

Следом за ним встала стройная фигура.

– Я хочу пойти с вами.

– Эннис, – удивленно сказал Фиро, глядя на девушку в черном костюме. – Я тебе говорю, не волнуйся за них. Они сами рано или поздно вернуться.

– Но меня беспокоят слова м-ра Ронни, поэтому...

Эннис шагнула к Фиро и склонилась ближе, так что её губы почти мазнули его по уху.

– ...Пожалуйста, пока нас не будет, постарайся придумать подходящее извинение, – сказала она, будто взрослый, ласково воспитывающий ребенка. Фиро, вместо того чтобы разозлиться или возразить, покраснел как свекла, и еле кивнул.

⁸ «Тот, кто звонит» по-итальянски. В данном случае подразумевается «секретарь».

– Л-ладно...

Фиро подчеркнуто насупился и отвёл глаза, как мальчишка. Эннис мягко улыбнулась, повернулась и выскользнула за дверь на улицы Нью-Йорка.

Фиро посмотрел ей вслед и повернулся медленно, будто ожидая худшего.

Но никто больше на него не смотрел. Казалось, все вернулись к своим делам: от поглощения обеда до чтения газет.

Фиро вздохнул – на этот раз с облегчением – и уселся за стойку допивать свой кофе.

Другой мужчина присел рядом с ним, будто это было самым естественным делом в мире.

– Эй.

– Майза...

Это был высокий мужчина в очках – Майза Аваро, *conta è oro*⁹ Семьи Мартилло и наставник Фиро.

Один он стоял в сторонке, пока остальные по очереди обвиняли Фиро. Может, он решил подождать, пока не останется один? Фиро покосился на Майзу, пытаясь угадать его намерения.

– Фиро, – сказал Майза со своим неизменно мягким выражением лица, – ты же это специально сделал, правда?

– ...Что сделал?

– Я говорю, ты специально развалил доминошки.

Повисла долгая пауза.

Майза говорил спокойно, но отчётливо. Фиро оглянулся, чтобы проверить не слышит ли кто, но похоже, никто не подслушивал их беседу.

– Не знаю, о чем ты говоришь.

– Фиро.

Голос оставался по-прежнему мягким, но скрытая в нем сила отметала все попытки Фиро перевести всё в шутку.

Фиро помолчал, но, наконец, сдался.

– Угу...

– Почему?

Юноша обдумал вопрос и кратко ответил:

– Я боялся.

– Боялся?

– Того старика, Сциларда. Его воспоминания в моей голове далеко за пределами понятного мне.

Сцилард.

Внезапное упоминание неприятного имени на этот раз заставило замолчать Майзу.

⁹ «Счетовод, бухгалтер» по-итальянски.

– Я думаю... думаю, это разновидность кармы для нас, бессмертных. Вроде расплаты за то, что наши изначальные судьбы стёрты.

* * *

– Проклятье... Ты хоть представляешь, сколько мы заплатили этим торговцам информацией, чтобы узнать твоё местонахождение? Эти люди становятся кирпичными стенами, когда речь заходит о бессмертных. Чтобы узнать, где ты, мы практически грузовиками сваливали в их рты деньги и информацию. Я думаю, за это полагается небольшая благодарность, а ты?

– Да чтоб я знал...

– Ха, ты прав. Тогда, возможно, мы сумеем выяснить что ты знаешь, Дженоард. Например, сколько ты знаешь о бессмертных?

Странно одетая группа шла по дороге в Маленькую Италию.

Это была Лярва с Тимом во главе.

На первый взгляд они казались заурядной районной шпаной, но некоторые из них носили костюмы, что мешало подобрать определение по одежке.

– Когда ты стал бессмертным, сколько ты услышал от Сциларда Квотеша? – спросил Тим Далласа, который на несколько шагов отстал от основной группы.

– Фиг я вам скажу, – пробурчал Даллас, сверля взглядом затылок Тима.

– Тогда я возьму на себя труд объяснить основы, на случай, если ты не знаешь. Первое и самое важное: на самом деле ты не бессмертен. Тебя нельзя убить, но ты можешь стареть. Некое промежуточное состояние бессмертия, потому что ты можешь умереть от старости. Полагаю, тебя можно назвать дефектным.

«...Ублюдка талант меня доставать».

Даллас добавил свирепости во взгляд, но, разумеется, хуже затылку Тима не стало.

– Настоящие бессмертные – это компания алхимиков, которые примерно двести лет назад заключили сделку с демоном и выпили эликсир бессмертия.

– Алхимиков?

– Вау, мне правда придется это объяснять? Адель, ты же расскажешь ему эту часть вместо меня, да?

– Что? А, да! – Адель встrepенулась и послушно подошла к Далласу.

Она носила белую одежду, которая не стесняла движений, а к спине был приторочен странный предмет в форме палки. Он был похож на оружие, но Даллас даже придумать не мог, что же это за разновидность. Хотя, если честно, он не сильно-то и пытался.

Ему действительно не нравилась девушка, которая казалась пугливой и вздрагивала от каждой мелочи. Вдобавок Тим сказал, что если Даллас пере-

сечёт черту, то именно Адель убьёт его сестру. Одна эта мысль вызывала желание убить девчонку.

«...Не то чтоб она выглядела способной кого-то убить, но...»

Даллас остановился и помотал головой.

Три года назад ему ловко надрала зад такая же, как Адель, девчонка. Её звали Эннис, и Даллас презрительно сплюнул в сторону, вспомнив по имени лицо.

– ...Ну, э-э, алхимики – это люди, которые, ну, делали... О, извините, вы слушаете?

– А похоже, что слушаю, тупица?

– Н-не надо быть такими грубыми...

Он нехотя притворился, что выслушал остальное, а потом насмешливо взглянул на Тима:

– Так что с теми бессмертными?

– Ладно, переходим к сути, – рассмеявшись, ответил Тим. – До нас дошли слухи, что здесь есть несколько истинных бессмертных. Эти сведения наш босс Хью услышал от торговцев информацией, поэтому мы сами их не подтвердили, но видимо, того человека, Сциларда, который сделал тебя бессмертным, недавно поглотил один из этих бессмертных.

Поглотил. Странное выражение, но Даллас легко мог представить себе эту картину.

Он её ясно помнил. Это случилось сразу же после того, как он стал бессмертным. Сцилард просто положил правую руку на лоб одному из его друзей, и парня втянуло прямо в его ладонь.

– Видишь ли, бессмертные правой рукой могут поглощать других бессмертных, включая дефектных вроде тебя. Хотя ты не можешь отплатить тем же. Пожалуй, ты существуешь только для того, чтобы тебя использовали.

– Заткнись и не беси меня.

– Ладно, ладно, не злись. В общем, короче говоря, наш босс – Хью Лафорет – один из истинных бессмертных, – сказал Тим, спокойно раскрывая постороннему внутренние секреты организации. Но Даллас не заинтересовался, несмотря на открытые тайны, и снова сплюнул, будто понукая Тима поторопиться и перейти к сути.

– Тебе не любопытно, кто поглотил Сциларда?

– И кто бы это мог быть? – пробурчал Даллас, но Тим не обратил на него внимания и назвал имя:

– Фиро Проченцо.

Даллас остановился.

Он столбом застыл посреди улицы, мысленно перебирая, что означает услышанное имя.

Во-первых, засранец ещё жив.

Во-вторых, этот козёл – настоящий бессмертный.

В-третьих, ублюдок может убить меня, а я его не могу.

– Да вы издеваетесь, – пробормотал он, безуспешно пытаясь отогнать вывод, который смотрел ему прямо в покрытое каплями пота лицо.

Его захватила иллюзия, что он внезапно стал самым слабым существом на всей земле.

* * *

Бессмертным.

Фиро Проченцо был бессмертным.

Он стал им случайно, три года назад ввязавшись в стычку алхимиков.

И не только он. Вся верхушка Семьи Мартилло, несколько их родственников, три босса Семьи Гандор, пара воришек Айзек и Мирия и два работника Альвеаре...

За одну ночь все эти люди получили бессмертие.

Одним из алхимиков, ответственных за эти события, был Сцилард Квотеш, весь опыт и воспоминания которого той ночью впитал Фиро Проченцо.

Не только опыт и память, но и его прошлое... Всё, чем он был.

– Воспоминания старика до сих пор внутри меня... Он был ужасным человеком. Кажется, я могу припомнить, какими вещами он наслаждался... но, если честно, я их не понимаю.

Фиро помешал свой кофе и начал выкладывать Майзе свои мысли.

– Он... счастливей всего он был в моменты, когда отбирал у кого-то его достижения. Неважно сколько сил или времени это требовало, для него было важно, что это что-то для кого-то значило, а он это забирал. Ему это доставляло гораздо больше удовольствия, чем я испытывал в жизни! Не знаю, что и думать. Мои воспоминания изменились. Кажется, что, поглощая кого-то, он был счастливей, чем я, когда стал капо.

Майза ни соглашался, ни возражал, просто молча слушал.

– Я даже не понимаю эти воспоминания, но... теперь они часть меня.

На лице Фиро застыла эмоция. Это был ужас, полный и абсолютный, как у маленького ребенка.

– Я боюсь.

Майза не сказал ничего.

– Я боюсь, Майза! Пока эти воспоминания остаются внутри меня, вдруг однажды я превращусь в...

Фиро в панике повысил голос, но Майза только поднял руку.

Молодой человек сосредоточился на поднятой ладони, вспомнил об окружающих и, придя в себя, опустил взгляд на чашку.

– И... Извините.

– Нет, всё понятно.

Подошла официантка, поставила чашку кофе и перед Майзой. Он добавил два кусочка сахара, размешал и, не сводя глаз с чашки, тихо сказал:

– Поэтому ты должен был убедиться.

Теперь настала очередь Фиро молчать и слушать.

– Ты должен был понять, чувствуешь ли ты сам удовлетворение или радость, когда отбираешь или разрушаешь достижения, ради которых работали другие люди, – спокойно сказал Майза. Фиро не нашелся, что возразить.

– Ты не хотел, но нужда была слишком велика. Возможно, ты бы почувствовал счастье. Возможно, нет, и ты зря беспокоился. Поэтому ты решил экспериментировать с тем, что никому не принесет настоящего вреда...

Фиро открыто пялился на Майзу.

– Ты умеешь читать мысли или как?

– Просто теория, – ответил Майза, слегка улыбнувшись. – Итак, Фиро. Скажи мне, что ты чувствовал, отобрав то, над чем они столько трудились?

Он не стал предлагать выводы, а спросил только о результате.

Наверно Фиро ожидал этого вопроса, потому что ответил он быстро:

– Когда я увидел их слёзы, захотелось себя стукнуть.

– Ха-ха. Рад это слышать.

Меньшего Майза и не ожидал и, услышав ответ Фиро, запрокинул голову и рассмеялся. Они оба по-дружески посмеялись и вернулись к кофе.

– Я изо всех сил постараюсь о нем забыть.

– Не обязательно. Тебе нужно всего лишь принять и побороть это. Пока не сможешь свободно справляться, если почувствуешь, что оно тянет тебя вниз.

– Я попробую, – подумав, сказал Фиро.

Он сделал глоток кофе.

– Но... Ты правда думаешь, что я в одиночку смогу справиться с чужими эмоциями и прошлым?

– Я верю, что с этой дилеммой сталкиваются все, а не только бессмертные, – торжественно заявил Майза и добавил в чашку ещё кусочек сахара.

– Хотя, если ты сам пережил это прошлое, возможно, тебе придется немного больше подумать о том, хочешь ли ты его отпустить.

Он отхлебнул сладкий кофе и расфокусированным взглядом посмотрел вдаль.

– Любой способен пережить прошлые грусть и боль исключительно своими силами, – тихо прошептал он, но с твердым убеждением, которое опровергало безмятежный тон. Свою философию озвучивал человек, который давным-давно вызвал демона, который первым среди ровесников обрел секрет бессмертия.

– Вот во что я верю.

* * *

– Гррр... Будь проклят Фиро! Мы заставим его сложить оружие!

– Он будет плакать горькими слезами!

– Стой, мы заставим его сложить оружие и лить горячие слезы? Дорогая Мирия, ты не считаешь, что это слишком жестоко? Думаю, части про оружие будет достаточно! После этого мы его простим!

– Ого, Айзек. Какой ты добрый!

Сбежав из Альвеаре, Айзек и Мирия бесцельно бродили улицами Маленькой Италии.

– Верно... Может, заставим его найти склад для оружия? Или сложить слово «оружие» из кубиков?

– Отличный план! Но почему ты хочешь заставить его сложить оружие?

Айзек выпятил грудь, будто ждал этого вопроса.

– Это выражение пошло от какой-то японской народной песни! В период Эдо они говорили «сломить оружие», но японец по имени Учида Роан¹⁰ записал это как «сложить»! Была книжка с названием «Сто лиц» или как-то так... наверно, какой-то роман про ловкого вора Арсена Люпена¹¹!

– Какой ты умный, Айзек!

От похвалы напарницы Айзек ещё сильнее выпятил грудь.

– Конечно! Я не читаю по-японски, поэтому попросил мистера Ягуруму почитать мне! Отлично, правда?

– Это и называется «наемный работник»!

– погоди, я не могу припомнить был ли там хитрый вор вроде Люпена, – тревожно сказал Айзек, озвучив вопрос, который любой разумный человек упомянул бы давным-давно. Однако Мирия отнеслась к этому хладнокровно и предложила полезное решение:

– Он там был, но ты его не видел, потому что он спрятался! Вот подлец!

– Ты права! Его не зря называли человеком с сотней лиц!

– Его даже тодомеки¹² бы не увидел!

– Проклятье, он наверно прокрался в мой разум, когда я отвлекся!

Полёт мысли парочки становился всё страннее и страннее, пока они обсуждали план дальнейших действий.

– А Фиро ещё хуже! Он обворовал меня не только на сердце! Он украл мои мечты и надежды и время! Я объявляю Фиро войну!

– Вечную войну!

¹⁰ 内田魯庵. Литературный критик, автор и переводчик эпохи Мейдзи. Известен переводом «Преступления и наказания» Достоевского. Написал сборник рассказов и повестей, критикующий отрицательный рост нового японского капиталистического общества после первой японо-китайской войны, под названием «社会百面相» или «Сто лиц общества».

¹¹ Джентльмен-грабитель из романов французского автора Мориса Леблана.

¹² 百々目鬼 (призрак с сотней глаз). Монстр женского пола с сотней птичьих глаз, растущих на руках. Часто удивляет путников, показывая им эти глаза. Также произносится как «додомеки».

– За домино! Мы не вернёмся, пока он не извинится за каждую поваленную доминошку! Ты готова, Мирия!

– Конечно... ай! – вскрикнула Мирия, внезапная мысль резко погасила её рвение.

– Айзек, а где мы будем сегодня ночевать? Мы оставили все свои деньги и вещи в ресторане.

– Не волнуйся, Мирия! Знаешь, есть такая поговорка родом с дальнего Востока: в бурю любой порт!

– И что она означает? – любознательно спросила Мирия.

– Полагаю, это значит, что неважно в каком ты порту, пока снаружи буря, тебя будут ждать лодки, чтобы увезти куда угодно... Другими словами, мы можем идти, куда захотим, и всё как-нибудь образуется!

– Какой ты надёжный, Айзек!

Пока в его ушах звенело восхищение Мирии, для Айзека ничего не значила та мелочь, что он полностью ошибался. Он начал новый поток мысли, собираясь поразить подругу ещё сильнее.

– Я понял. Ха-ха, Мирия! Это значит, что Небеса пошлют Ноя и его ковчег, чтобы спасти нас, как Моисея!

– Как великий потоп египетский!

– Ага, и значит мы получим Десять Заповедей. Мы заповедуем Фиро извиняться в десять раз больше! Во имя бога домино!

– Это и называется доминион! А что ещё бог домино сказал тебе, Айзек? – спросила Мирия, глаза которой радостно сверкали от импровизированного плана Айзека.

– У нас есть множество верных друзей и кроме Фиро! Мы можем попроситься переночевать у них!

– Отличный план!

Они немедленно отправились в путь, ни капли не сомневаясь, что их рискованные планы принесут плоды.

Небо было пасмурным, но тем не менее они ярко сияли. Казалось, будто они были центром мира.

* * *

Вскоре после ухода странной парочки на том же месте появились два других человека.

Одним был востроглазый мужчина в тренче, а второй – стройная девушка в деловом костюме.

Ронни и Эннис.

Эта странная, но не совсем невероятная, пара остановилась посреди людной улицы и осмотрелась.

– Хм, кажется, мы опоздали... Ладно, неважно.

– Нам нужно разделиться и поискать... М-р Ронни?

Эннис обернулась и увидела, что Ронни глубоко задумался, закрыл глаза и прижал пальцы ко лбу.

– М-р Ронни? Что-то не так? – неуверенно спросила Эннис, и Ронни медленно открыл глаза.

– ...Похоже они направляются туда же, куда и я... Неважно. Сюда.

– Простите? Что?

В явном замешательстве Эннис последовала за ним.

– Подождите, м-р Ронни... Подождите!

Ронни немедленно отправился выполнять своё задание, будто он мог видеть, куда ушли Айзек и Мирия... Как будто его глаза видели всё.

Эннис сдалась и решила просто идти следом.

«Интересно, почему м-р Ронни иногда так делает. Он так делает, когда что-то ищет, а потом находит, где бы оно ни было, будто он не глядя знает, где что находится».

Она давно ощущала странные флюиды от человека, известного как Ронни. Будто он отличался от обычных людей – больше похож на её бывшего хозяина Сциларда, или Майзу, или Фиро.

Больше всего её сбивало с толку чувство, что она уже где-то с ним встречалась.

Она просмотрела память бессмертного, которого давно поглотила, подумав, что это его воспоминание... но так и не смогла найти ничего про прошлое Ронни Скиатто.

Будто ей запрещено видеть его прошлое.

* * *

– Так куда мы идём, кстати?

– Ась? – переспросил Тим и легко ответил: – На Милю Миллионеров. А что?

– Милю Миллионеров?..

Даллас на мгновение запнулся, услышав название самого богатого района Манхэттена. Там было место состоятельным людям, а не пёстрой банде хулиганов, вроде команды Тима.

Сам Даллас – это, разумеется, другое дело. Он принадлежал к одной из богатейших семей Нью-Джерси, и на Миле стоял большой особняк, построенный его дедом.

Он был одним из наследников огромного состояния, но между ним и остальной семьёй, кроме сестры, возникли трения, и в итоге он сбежал из дому, попался в лапы Сциларду и так или иначе оказался там, где сейчас.

– Это место не для швали вроде вас, болванов.

– Твое высокомерие никогда не перестанет меня удивлять, – с вежливой усмешкой сказал Тим. Он рассматривал Далласа, будто новую и странную форму жизни. – Вижу, почему Хью тобой заинтересовался.

– Что?

– Ох, притворись, что я этого не говорил, ладно? Кстати, о цели нашего путешествия, готов поспорить, ты там не раз бывал.

Даллас удивленно отпрянул, а потом внезапно понял, о чем говорит Тим.

– Засранец, вы идете в мой дом, да?! Зачем... Там сейчас никого... стой, там?! Эй! Ева там, да?! Если вы, ублюдки...

– Ну, в одном ты не ошибся. Аплодисменты нашему гостю, за то что угадал место... Хотя остальное неверно.

Серьёзное лицо идущего Тима словно предотвратило гневные вопли Далласа.

– Не волнуйся. Твоей сестрёнки там нет.

Он тихонько хихикнул и пробормотал что-то, чего Даллас не понял.

– Вместо неё, там живет небольшая шайка преступников...

– Хотя, полагаю, точнее называть их приманкой.

* * *

– Итак, амиго, где те люди, которых мы ищем? – со скучающим лицом спросила Мария своего напарника, пока они шли по Бродвею.

Рекламные листки вились по улице, как цветочные лепестки, и сквозь их головокружительный вихрь виднелись цветные плакаты. Некоторые были настолько яркими, что простительно подумать, что они украшены неоновыми лампочками, хотя солнце ещё висело в небе. И правда, некоторые афиши мигали ярким флюоресцентным светом.

Прекрасные узоры на листовках образовывали настолько огромную мозаику, что требовалось запрокинуть голову, чтобы увидеть её целиком, и эти мозаики складывались в великую рекламу под название Бродвей.

Но даже в таком экстравагантном окружении красота Марии привлекала множество взглядов, и несколько мужчин остановились, чтобы посвистеть ей вслед. Наверно они подумали, что она какая-то актриса.

В свою очередь Мария полностью игнорировала восторженные взгляды: её голова была занята зловещими мыслями о том, как максимально эффективно держать мечи, чтобы разрубить всех вокруг.

Вопрос Тикку был попыткой избавиться от скуки, когда она закончила очередное воображаемое массовое убийство.

– Зброшенная фабрика? Подвал? Куда ты нас ведешь, амиго?

Этот вопрос следовало задать гораздо раньше, но Тик не заметил.

– М-м, ну... На Миле Миллионеров есть дом, принадлежащий мистеру Дженоарду.

– Значит сегодня наша цель – этот Дженоард? Можно я его разрублю? – с трепетом в груди спросила Мария, но Тик покачал головой.

– Нет, людей, что там сейчас живут, возглавляет человек по имени...

Он вытащил из кармана бумажку и прочитал записанное там имя.

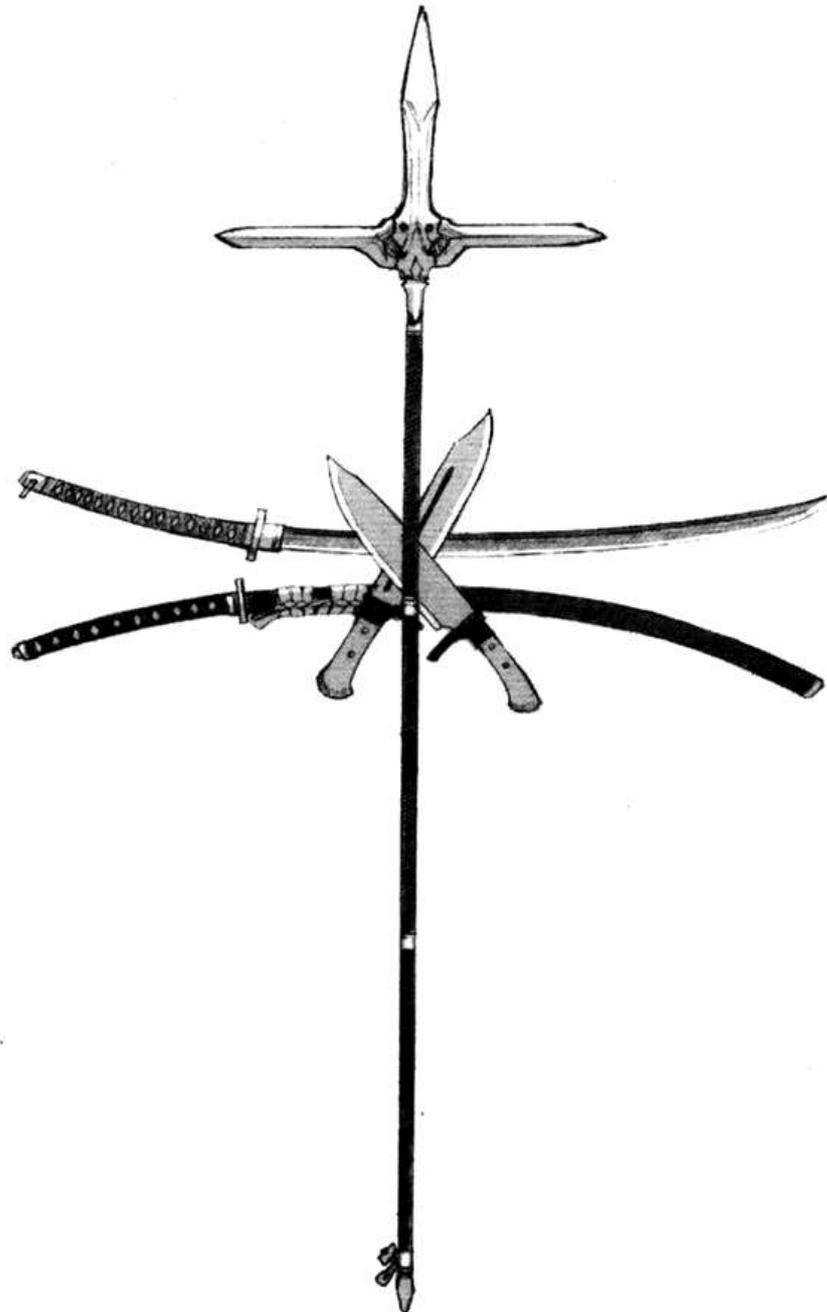
– Посмотрим, у него татуировка на лице...

Тик у пришлось дочитать записку до конца, чтобы найти искомое имя.

– Верно, это Джакуzzi! Мы ищем мистера Джакуzzi Сплота!

Глава 2
Копье, катана и ножи

CHAPTER 2
A SPEAR, KNIVES, AND KATANA

Миля Миллионеров располагалась рядом с Центральным парком и предназначалась исключительно для самых влиятельных, богатейших из богатых, семей Нью-Йорка, и один из роскошных особняков, стоявших на Миле, принадлежал Дженоардам.

Простота его дизайна без вычурных украшений только подчеркивала величественную архитектуру здания.

А огромный парк заставлял гостя на минутку забыть, что он находится в центре Манхэттена.

Особняк Дженоардов был настолько роскошен, что казалось, он сошел прямо с киноэкрана, как невероятный символ успеха и достатка, поэтому многие прохожие, глядя завистливыми глазами, считали, что здесь живут победители жизненной игры.

Но, на самом деле, нынешний хозяин особняка скорчился в коридоре и выплакивал все глаза. Более скорбного выражения не сумел бы изобразить и трагический актер.

Победитель жизни рыдал, как наказанный ребенок, по лицу лились обильные потоки слез.

– А-а... Я п, я п, я просто думал... Думал, не-неплохо бы не-немного прибраться, но я-я же не знал, что так получится!

– Всё хорошо, кому говорю. Хватит плакать. Уф, это всего лишь дурацкая ваза. Ты что, ребенок?

В вестибюле роскошного особняка, съёжившись в комок жалобно всхлипывал юноша. Вокруг него стояли ещё несколько человек.

– Н-н-но подумай, сколько стоила та ваза...

– Джакуzzi, ты хочешь сказать, что не плакал бы, если бы она была дешёвой?

– Простите... Я не то х-хотел сказать...

– Уже всё хорошо. Просто успокойся.

Юноша, которого называли Джакуzzi, почти с ужасом оглядел товарищей.

Он был молод настолько, что его можно было бы назвать мальчишкой, и самой яркой его приметой была татуировка в виде меча на левой половине лица. Но, несмотря на жуткое клеймо, он вел себя так робко, что этой застенчивостью заражались и зрители.

Друзья уже некоторое время пытались унять его слёзы, то уговаривая, то отчитывая, но похоже, всё было бесполезно.

– Ви-видишь, Джон? Я д-для этого не гожусь... Е-если я ещё немного проживу в таком месте, у меня инфаркт будет.

– Что за разговоры об инфаркте? Ты вообще представляешь, как трудно нам с Фаном было найти для тебя это место? Ты не знаешь, как тебе повезло, удрав из Чикаго, жить в таком красивом месте.

– Н-но вы тоже тут живете, – заметил Джакуzzi, шмыгнув носом, но Джон не проявил понимания.

– Не жалуйся на меня, пацан. Ты должен благодарить мисс Еву за то, что она позволила тебе жить тут в обмен на присмотр за домом. Будь тут я хозяин, не задумываясь вышвырнул бы вашу буйную банду хулиганов.

Джон выпрямился для долгой нотации, но окружающие остановили его раньше, чем он толком начал речь.

– Думаю, хватит, Джон. Мы получили здесь работу только благодаря шеф-повару.

– Ух ты, Джон. Ты довел Джакуззи до слез. Снова. Плохой Джон. Бедный Джакуззи.

Рядом с Джоном стояли азиат и гигант с золотисто-коричневой кожей. Другие обитатели особняка представляли разнообразие рас и национальностей, так что трудно было найти общий признак, объединяющий их всех. Ясно только, что их занятие имело мало общего с правильной стороной закона.

Из разных уголков особняка стекались ещё люди, словно привлечённые звуком всхлипов Джакуззи.

Почувствовав, что всё может слегка выйти из-под контроля, Джон вздохнул, скорбно склонил голову и похлопал Джакуззи по плечу.

– Ладно, я больше на тебя не злюсь. Я постараюсь вместо тебя осторожно рассказать мисс Еве про вазу, а ты приберись тут.

– С-спасибо, Джон, но перед мисс Евой я сам извинюсь.

– Балбес. Ты правда собираешься показаться ей с жуткой татуировкой на лице?

– П-простите...

Джакуззи замолк и начал собирать черепки с ковра.

– Что, всё уже кончилось?

– А я надеялся повеселиться.

Собравшиеся люди выразили своё недовольство и расползлись по коридорам дома.

Джон посмотрел им вслед и покачал головой.

– Они слишком шумные. Джакуззи, держи их под контролем, хорошо?

– О-о... но...

– Ты же у нас главный, так?

Вообще-то, Джакуzzi Сплот был лидером весьма непрофессиональной банды.

Сначала это была группка бродячих мальчишек и девчонок в Чикаго, но с помощью его таланта и усилий они превратились в организацию, способную взять курс на маленькую мафию.

Он не обладал особой харизмой, но умел странным образом собирать людей вокруг себя. А точнее, они словно притягивались к нему. Его популярность росла не из надёжности, а скорее из чувства, что если его бросить на произвол судьбы, он однажды упадет со скалы – он пробуждал в людях защитный инстинкт. Он – Джакуzzi Сплот, единственный в Америке главарь банды, который проводит больше времени рыдая, чем планируя.

Его банда без официального названия попала в неприятности с мафией в Чикаго зимой два года назад и была вынуждена бежать до самого Манхэттена, где, наконец, снова осела.

Они были почти детьми, но их было много, поэтому самым важным делом было найти место, где бы все могли остаться. Воистину случайный зигзаг удачи поселил их в самом неожиданном месте, какое только можно вообразить.

Их товарищи Джон и Фан, используя свои документы бармена и повара, как-то умудрились получить работу в особняке Дженоардов – доме, где они сейчас и были.

Позже наследница, Ева Дженоард, решила вернуться в главный особняк Дженоардов в Нью-Джерси, а их оставила здесь, попросив присматривать за домом, пока её не будет.

Они добились доверия Евы благодаря странной цепи событий, случившихся прямо перед её отъездом, поэтому Джон получил шанс представиться и спросить, можно ли им пригласить нескольких друзей, которым негде остановиться и которые будут помогать по дому, потому что особняк слишком велик, и два человека не могут содержать его в порядке.

Ева дала согласие, не заподозрив обмана, да и если быть совсем честным, Джон не врал. Он просто не уточнил что «несколько» означает «пара дюжин».

Но всех их не мог вместить даже особняк Дженоардов, поэтому здесь остались всего человек двадцать, чтобы помогать по дому. Попутно банда занималась мелким производством нелегального алкоголя, но делала это в Маленькой Италии, так что, если их и поймают, неприятности не коснутся Евы.

Обычно им требовалось бы получить разрешение от мафии этого района, но в гангстерских войнах в Чикаго они потеряли нескольких друзей, поэтому теперь опасались снова связываться с мафией. Кажется, территорию, где работала банда Джакуzzi, контролировали две маленькие организации –

Семья Мартилло и Семья Гандор – и Джакузи озаботился хорошенько разузнать о них заранее.

Похоже они были не плохи – разумеется, учитывая, что это гангстеры – но тем не менее Джакуzzi изо всех сил старался, чтобы его шайка с ними не встретилась. Он знал, что занимается рискованным делом, но продолжал и пытался обмануть себя и поверить, что всё будет хорошо, потому что, даже если возникнут проблема, Мартилло и Гандоры – это маленькие по криминальным меркам организации.

Тем не менее...

– В-всё же будет хорошо, да? В смысле прошло уже два года, и они пока ничего не сделали...

Джакуzzi непрерывно волновался, не сегодня ли судьбоносный день, когда мафия обрушит на них шквал пуль, или на пороге появится безликий убийца.

Каждый раз когда в дверь звонили, он покрывался холодным потом, и любой мельчайший шум снаружи заставлял его вскрикивать от ужаса как девчонка.

Сегодня не стало исключением. Зазвенел дверной звонок, и Джакуzzi застыл на месте, как испуганный олень.

Динь-дон, динь-дон, динь-дон.

Пронзительный звук.

Назойливый шум, однообразный и гулкий, ревел в величественных холлах и отдавался таким жутким эхом, что шайка Джакуzzi даже не сразу сообразила, что на самом деле это дверной звонок.

Тем не менее, Джакуzzi среагировал молниеносно.

«Громкий звонок это страшно, страшное – опасно, опасность – это мафия, значит, мафия пришла убить нас, так я и знал, надо спрятаться!»

– Почему ты прячешься здесь? – любопытно спросил Джон Джакуzzi, который дрожал в дурацком убежище под столом.

– Тс-с! В-вам тоже надо отсюда убираться! Прячьтесь! Скорее!

Джакуzzi изо всех сил старался ловко отправить товарищей в безопасное место, но его опасения проигнорировали из-за женского голоса с другой стороны холла.

– Джакуzzi! Джакуzzi! Старые друзья решили зайти в гости!

Это сказала девушка в очках, с повязкой на одном глазу и телом, покрытым шрамами. Подруга Джакуzzi, Нис. Они жили вместе, что прозвучало бы двусмысленно, если бы не факт, что с ними жили ещё двадцать человек.

– Что? Н-Нис, что за старые друзья?

Джакуzzi выглянул из-под стола, и вскоре на его вопрос ответили возгласы, доносящиеся от входа.

– Привет, Джакуzzi! Давно не виделись, правда?

– Уже сто лет прошло!

Он осторожно выполз и глянул в конец вестибюля, где заметил друзей, которых время от времени встречал на улицах.

– Айзек! Мирия!

Его страхи мгновенно исчезли, он вскочил на ноги и бросился здороваться.

– Какое событие! Надо было нам сказать, что вы зайдёте, мы бы приготовили хоть какое-то угощение!

– Ха-ха-ха, не бери в голову! Знаешь, мы уже пообедали!

– Но Айзек, разве мы не пропустили обед, чтобы выставить больше домино?

Слова Мирии сработали как спусковой крючок, и голод Айзека внезапно превратился в жажду мести.

– В Японии говорят, что самурай будет удовлетворённо ковыряться в зубах, даже если он сыт!

– Ух ты, Айзек! Ты самурай! Ты вспорешь себе живот!

– Именно, дорогая Мирия! Самурай никогда не ест, потому что это бесполезно. Всё равно всё вывалится из вспоротого живота! Поэтому самураи голодают. Таков путь самурая!

– Это бушидо!

Слушая нелепую беседу, Джакуззи расслабился и вскоре захихикал.

– Разве ты не стрелок, Айзек? – задал он риторический вопрос, проводя их в вестибюль и вспоминая их первую встречу.

– Вау...

– Изумительно! Это место больше, чем Альвеаре!

Парочка открыто выражала своё восхищение при виде роскошного вестибюля.

Зачарованные простором холла, они смотрели по сторонам, большими глазами глядя на ангелов, нарисованных на потолке. Потолок был раскрашен в пастельные тона, что придавало ощущение тепла и идеально сочеталось с ангелочками по углам, создавая в холле атмосферу мирного покоя.

Картины и барельефы на стенах тоже подбирались специально, чтобы поддержать чувство гармонии, излучаемое остальной комнатой. Очевидно, что это место оформлял не обычный, не обладающий вкусом, человек из среднего класса, которому просто повезло разбогатеть.

Это было тонко сбалансированное пространство, чьи красота и глубинное изящество были призваны сначала поразить гостя, а потом постепенно погрузить в умиротворение.

– Потрясающе, Джакуззи! Я слышал, что ты живешь в особняке, но никогда не думал, что в таком невероятном!

– Ты и правда выиграл джекпот!

– Ха-ха, нет, вообще-то...

Джакуззи не строил этот особняк и не покупал его, но все равно застенчиво улыбнулся, будто щедро хвалили его собственный дом.

– Снаружи он выглядит почти как мой дом, поэтому я не подозревал, что внутри будет такая красота!

– О... Ты прав! Это похоже на дом!

– Похож? В каких же домах вы жили?.. – спросил Джакуззи, выбитый из колеи неожиданным заявлением, но его то ли не услышали, то ли не захотели отвечать. Парочка не обратила на него внимания и прошла в центр холла.

Джакуззи решил не развивать тему и отправился на кухню, чтобы приготовить друзьям чай.

Впервые они встретились в конце 1931-го в трансконтинентальном поезде из Чикаго в Нью-Йорк, где вляпались в ограбление поезда несколькими группами. Честно говоря, технически Джакуззи участвовал с самого начала, будучи лидером одной из тех групп. Но случайная встреча быстро превратилась в дружбу.

Точнее, они подружились ещё до того, как началось собственно ограбление, а потом разделились, каждый по своему влияя на итог событий.

Когда поезд прибыл в пункт назначения, они пошли разными дорогами, но случайная встреча на улицах Нью-Йорка снова свела их вместе. Не то чтоб им трудно было заметить друг друга. Всё-таки Айзек и Мирию почти невозможно не заметить, да и лицо Джакуззи, наполовину покрытое татуировкой, выделялось в толпе.

Тем не менее они впервые взяли на себя смелость навестить Джакуззи в его тайном убежище.

– Всё равно мы заставим подлеца Фиро сложить оружие!

– Это наша главная задача!

Лично Джакуззи больше хотел бы задать им несколько вопросов о событиях в поезде, но парочка полностью погрузилась в ругань молодого человека по имени Фиро.

– Судя по вашему рассказу, Фиро настоящий злодей. Он правда сшиб всё домино а потом разозлился на вас?

Джакуззи был славным парнем и, даже кивая и соглашаясь с ними, он, похоже, не понимал, что они говорят о капо Семьи Мартилло. Хотя сомнительно, что и сами Айзек с Мирией об этом помнили.

– Именно!

– Что такое, Айзек?

Айзек хлопнул себя по колену и вскочил на ноги. Мирия выжидающе смотрела на него.

– Я только что вспомнил, что мы грабители! Разве нет, Мирия?

– Мы серийные грабители, Айзек!

– Ещё раз?..

Джакуззи смог только беспомощно улыбнуться парочке, которая перескочила на совсем другую тему, снова погружаясь в свой собственный мир.

– Так что мы решили украсть у Фиро что-то важное!

– Какое зверство!

– Секундочку, Мирия. Это отвратительно, красть по личным мотивам, уверен, ты это уже знаешь. Абсолютно ужасно! И вот что мы сделаем! Сначала мы украдём у Фиро, а потом напишем письмо с требованием выкупа! А потом вернём ему его сокровище!

– Мы всё организуем!

«Что?..»

Джакуzzi склонил голову набок, чувствуя, что конкретно этот поезд мыслей собирается безвозвратно сойти с рельсов. Однако, Айзек и Мирия то ли не заметили, то ли не волновались, они сверкали глазами, делая вывод.

– Тогда Фиро обрадуется, да? И не доставит нам проблем!

– Что за преступный ум!

– Э? Вы же говорили, что заставите его сложить оружие или что? – выпалил Джакуzzi, понимая что всё пошло вкривь и вкось.

На секунду Айзек и Мирия с открытыми ртами уставились на Джакуzzi, заметив дыры в своем плане, показанные его непредвзятым мнением... а потом с драматическими вздохами повернулись друг к другу.

– Поверить не могу, что мы упустили основу.

– Оружие!

– М-м-м... Нет, погоди, возможно?.. Точно, Мирия! «Сложить оружие» будет победным кличем! Да, думаю, это неплохо сработает, а ты?

– Похоже, на самом деле, Фиро вам нравится, – со смехом сказал Джакуzzi. Айзек и Мирия не попытались возразить, а гордо закричали:

– Может, Фиро нам и враг, но он нам очень нравится!

– Его просто нельзя ненавидеть, как ты ни старайся!

Они ослепительно улыбнулись, и Джакуzzi чуть снова не рассмеялся, как...

Динь, дон, динь, дон.

В дверь особняка Дженоардов зазвонили второй раз за день.

* * *

Как только они ступили на Милю Миллионеров, Мария снова задала вопрос который повторяла всю дорогу:

– Тик, можно я их порублю?

– Нет, – ответил Тик, прежним детским тоном отвергая мольбы Марии. – Сегодня мы только поговорим.

– Я тебе говорю, амиго, всё ни за что не закончится хорошо! В конце все равно будет битва, так почему ты не разрешаешь мне разрубить пару-тройку их прежде, чем они что-то сделают? Тогда они успокоятся, обещаю!

– Нет. Ты не поступишь так жестоко, – на этот раз строже сказал Тик. Мария надулась и подняла глаза к небу.

Небеса были серыми, ни капли синевы, но Мария уставилась на них, вполголоса жалуясь на молодого человека рядом.

– Бу... Я думала уж ты-то, Тик, из всех людей поймешь...

– Что пойму?

– Ты каждый день целыми днями режешь людей своими ножницами, так? Чики-чик! Тебе это нравится, я вижу! Вот я и думала, что ты меня поймешь, когда я говорю, что хочу разрубить несколько человек.

Казалось, Тик слегка смутился, но всё равно ответил:

– Знаешь, я режу людей не потому, что вынужден.

Мария по-прежнему смотрела в небо, но краешком глаза покосилась на Тика, который чуточку отличался от обычного.

– М-м... Почему ты хочешь резать людей, Мария?

Как ни странно, Тик спросил первым, но Мария без колебаний ответила:

– Потому что это весело, амиго! Я не просто люблю рубить людей. Мне даже не важно, рублю ли я животное или растение, или что-то совсем неживое. Я бы стала разрубила, окажись она там. Это просто очень-очень весело!

На её лицо вернулась улыбка, и она смотрела на Тика без малейшего проблеска вины.

– Я чувствую себя сильнее каждый раз, когда что-то рублю, когда разрубаю кого-то. Чем сильнее человек, чем прочнее вещь, которые я рассекаю, тем счастливее я буду, амиго! Так радостно знать, что мы с Мурасамой разрезаем то, что никто раньше не сумел! Поэтому я просто не могу остановиться! Так... пожалуйста, можно я их порублю?

Она попыталась вернуть разговор к исходной точке и выжидательно уставилась на Тика, но разочарованно вздохнула, потому что он молчал.

Она решила, что теперь её очередь задавать вопросы бесстрастному напарнику.

– А что, амиго, ты не такой? Разве тебе не нравится? Разве ты занимаешься своим делом не потому, что любишь причинять людям боль, что любишь смотреть на чужую кровь?

– Да... Это забавно, – с усталой улыбкой ответил Тик. Мария наполовину ждала такого ответа.

– Но и очень печально тоже.

– В смысле?

– Эх, Мария. Ты веришь в вещи... вроде семейных уз, или связей между людьми, или в верность, или в сострадание? Ты веришь в связи, крепкие настолько, что их не разрушить, как бы тяжело и больно тебе ни было?

Он ответил вопросом на вопрос, и Марии пришлось немного подумать, прежде чем отвечать.

– Не знаю, и если честно, никогда об этом не думала. Но... если ты веришь, что они существуют, то может так и есть? Я думаю, это у каждого по-своему, амиго.

Не требуемый ответ, но и не уход от темы. Тик достал пару ножниц из чехла на боку и, посмотрев на своё отражение в отлично отполированных лезвиях, сказал:

– Мне доставляет радость не резать людей, а тот момент, когда я чувствую это бесформенное нечто.

– ?..

– Понимаешь, я не верю ни во что, кроме вещей, имеющих форму, – ровно сказал Тик. Его голос звучал как обычно, но Мария не могла избавиться от ощущения, что сейчас молодым человеком управляет другая душа.

– Я могу поверить только в вещи, что ломаются. Если их можно разбить, значит, они существуют, понимаешь? Поэтому я пытаю людей, чтобы почувствовать момент, когда рвутся их узы. Поэтому я так сильно их раню.

Мария молчала и слушала Тика.

Они много разговаривали за полтора года с тех пор, как она вошла в Семью, и она считала его другом, может, чуточку ребячливым, но все равно приятным.

Но сейчас она поняла. Её озарило, что она абсолютно ничего не знает о человеке перед ней. Она видела в нём только внешнее, а его истинная натура скрывалась глубоко внутри.

Просто не было особого случая.

Она просто его спросила – бездумно и легкомысленно. А Тик все равно поведал свои мысли.

Мария не знала, означает ли это, что он ей настолько доверяет, или же он ответил бы так любому.

Так что она просто слушала, не зная, как реагировать на неожиданный монолог Тика. Она спокойно стояла и молча усваивала его слова.

– ...Но я хочу верить.

Голос Тика на самую капельку изменился, когда он поднял глаза вверх.

– Я хочу верить, что где-то существуют вещи, которые не сломаются, как бы ты им ни вредил, сколько бы ущерба ни причинял телу, в котором они есть.

– ...

– Я хочу знать, относится ли то, что я чувствовал к отцу и брату, когда отец меня бросил, к разряду вещей, которые можно сломать болью... Может, в итоге, это всё, что я действительно хочу узнать. Поэтому я беру разных людей и...

Чик.

Металлический звук поставил точку в речи Тика.

Он невинно улыбнулся, прищуренные глаза, как всегда, не выдавали негативных чувств.

Мария немного подумала и ответила Тику, тоже не меняя обычного выражения лица:

– М-м... Ну, ты не считаешь, что они должны существовать, потому что ты в них веришь, амиго? Вещи, которые не ломаются! Подумай... Ты не можешь доказать, что несуществующее не существует! Ты можешь только верить, амиго! – сказала она, высказывая свои мысли вместо утешений или соболезнований. Тик на миг удивился, но скоро на его лице вновь возникла привычная безмятежная улыбка.

– Точно... Теперь понимаю... Ты сильная, Мария.

– Вера это важно, амиго! Когда я была маленькой, то слышала от бабушки, что можно разрубить что угодно в целом мире, пока ты веришь!

– Тогда не означает ли это, что в мире нет ничего, что ты не смогла бы разрубить?..

– Мы можем устроить соревнование! И увидим, чья вера сильнее! – сияющей улыбкой предложила Мария.

Тик с энтузиазмом кивнул и в завершение своих мыслей добавил:

– Ты права... Я в них верю. Поэтому я уже ранил столько людей. Однажды и меня ранят и тоже сломают. Мне нормально. Меня могут забить до смерти люди, с которыми мы сегодня встретимся, но... Не могу не думать, что моя связь с тобой или с Гандорами сломается раньше меня, как это было со всеми людьми, которых я до сих по...

Тик замолк, внезапно ощутив на шее холодную тонкую линию.

Он оглянулся и увидел край клинка Марии, упёртый ему в затылок. Она обнажила его беззвучно.

– Мария, что ты делаешь? – спросил он, практически без страха в голосе. Мария тоже остановилась, и, более того, он не чувствовал от неё никакой враждебности.

– Тебе нельзя так думать.

Тик со стыдом отвел глаза от бесстрашного взгляда. Казалось, он совсем не волнуется, что к шее прижата злобная угроза его жизни.

– Я твой телохранитель. Я никому не проиграю, амиго! Ну, был тот раз с Вино, но... Я не проиграю снова! Ни тем, к кому мы идем, ни Вино! Так что с твоей головы ни волоска не упадет. Поверь, ладно? В это мы можем поверить вместе, так что ничто нас не смутит, амиго!

Мария верила только в собственные силы.

Поэтому она хотела чтобы и Тик, её начальник, тоже в них поверил.

Поверил в её силы, в то, что она сильнее всех остальных...

Может, угадав её мысли, может, нет, Тик тихо хихикнул.

– Я тебе верю. Ты никому не проиграешь, Мария.

Он улыбнулся, скорее себе нежели ей, и снова кивнул.

Они отправились дальше, увлеченно болтая друг с другом и не заметив, что миновали нужный дом.

Абсолютно не зная, что за люди сейчас навещают намеченную цель их путешествия.

Особняк Дженоардов

– Простите... Здесь есть м-р Джакуzzi Сплот? – грубо спросил мужчина в очках и бандане, как только вошёл в дом.

– Э-э, ну, эт-это... я...

Джакуzzi неуверенно представился и посмотрел на вторую партию гостей.

Их было человек десять. Вместе с Айзеком, Мирией и шайкой Джакуzzi они бы до предела заполнили любой нормальный дом, но в просторном холле особняка Дженоардов ещё оставалось место, чтобы всем комфортно расположиться. Похлопав глазами на человека в черной бандане, Джакуzzi убедился, что на этот раз это точно убийцы из мафии, но немного успокоился, заметив позади него робко выглядящую девушку.

Остальные тоже были беспорядочно одеты, будто вышли из разных слоёв общества, и Джакуzzi решил, что они по сути похожи на его собственную банду.

– Ну... Э... Если вы не против, не могли бы вы, э-э, сказать нам, зачем вы здесь? – сбивчиво спросил Джакуzzi, всё ещё полностью не расслабляясь.

Айзек и Мирия по-прежнему были поглощены обсуждением, что для Фиро самое дорогое, так что оставались только Джакуzzi, Нис и несколько их товарищей, которые ни с того ни с сего забрели в холл.

– Ах да, где же мои манеры. Я Тим. Остальные – вроде как мои друзья. Можете о них не беспокоиться.

– А, ладно.

Тим выдал скудный минимум информации и назвал цель визита:

– Перейду сразу к делу. Ребята, вы не хотите стать бессмертными?

* * *

Пока Джакуzzi, склонив голову набок, размышлял, что за религию проповедует этот парень, в одной из дальних комнат особняка открыла глаза девушка.

Наверно, её разбудил дважды шумевший дверной звонок. Она медленно поднялась и стряхнула последние остатки сна.

Она собиралась просто немножко отдохнуть, но видимо уснула.

«Надо вернуться в сад и дообрезать деревья», – подумала она и вспомнила свой сон.

Во сне более или менее повторился эпизод, в котором она действительно участвовала пару лет назад.

Она была в середине толпы.

В новостях сообщили немного, только что полиция эскортирует террориста, который замышлял большой теракт против правительства. Любопытные высыпали на улицы, сражаясь друг с другом за право разглядеть хоть что-то.

Из всех собравшихся людей только у неё была совершенно другая причина находиться здесь, под бдительным оком полиции.

Она собиралась освободить террориста – своего отца.

Сначала планировалось захватить поезд и, используя пассажиров как заложников, потребовать свободы отца, но возникли сложности, и операция тихо провалилась. Она потеряла всех соратников. Нет, она знала, что они никогда и не были её союзниками.

Но она никогда не увлекалась этим планом, поэтому и не расстроилась, когда он провалился.

Разумеется, это не означало, что она отказалась от отца.

Она пришла туда в одиночку, всерьёз намереваясь избавиться от всех охранников, что стояли между ней и её отцом.

Как только она увидела, что отца ведут к бронированной машине, которая его увезёт, её рука потянулась к ножу на бедре, тело напряглось, она приготовилась броситься вперед и зарезать людей на пути.

Она увидела, как шевелятся губы отца.

Его лицо не выражало ничего, кроме спокойной уверенности, когда он беззвучно заговорил, будто знал, что она здесь.

Всего два слова, вот и всё.

«Не волнуйся».

Она не была специалистом по чтению по губам, поэтому не могла узнать, точно ли были эти слова.

Но она знала, что отец ни капли не волновался о своей безопасности.

Миг колебания стоил ей возможности ударить, и осталось только смотреть, как последний шанс проходит мимо.

Тут она проснулась, последним запомнив, как презрительно смотрит на нерешительную себя.

«Интересно, почему через столько времени мне это приснилось?»

Но, если подумать, на ней было то самое чёрное платье, что и тогда в поезде. Она надела его просто потому что оно без рукавов и в нём легко двигаться, но, возможно, оно и повлияло на её сны.

Хотя она до сих пор не могла точно сказать, правильный ли выбор сделала.

Всё, что она могла сейчас сделать – это верить в продемонстрированную отцом улыбку и ждать. Эти мысли занимали её дни.

Новые друзья, с которыми она встретилась в Нью-Йорке, показали ей разнообразие взглядов на жизнь, испытать которые раньше у неё не было возможности. Плакса Джакуzzi, бомбистка Нис, силач Донни, любители ножей Ник и Джек, повар Фан, бармен Джон и... Путевой Обходчик... И многие другие, люди из всех слоев общества, с которыми она раньше не сталкивалась.

Люди без подозрительности в душе, которые до неприличия доверяли друг другу.

Они тепло приняли ее, не обратив внимания на ее смущение. Шейн неуверенно порадовалась. Она сама слегка удивилась этой эмоции, но чувство никоим образом не было неприятным.

Она любила отца. Она бы сделала что угодно ради его безопасности.

И нынешних товарищей она любила так же сильно.

«Могу ли я что-то сделать для них?» – целыми днями размышляла она.

Она оставалась с шайкой Джакуззи, первый раз в жизни чувствуя, что наконец обнаружила, почему стоит жить.

Она решила никогда не сожалеть о нынешних днях и своём выборе.

Сегодня она снова шла помогать в саду...

Но выглянув в окно на улицу, внезапно ощутила сильную неправильность происходящего.

У задней двери в особняк стояли двое.

Мужчина и женщина.

Она никогда раньше их не видела, но кое-что могла с лёгкостью различить даже издали.

Мужчина держал в руках пару ножниц. А у женщины на боку висели два меча в ножнах.

Её глаза засияли ярким светом, и она бесшумно выскользнула из комнаты.

В руках, как по волшебству, появились два ножа.

Девушка, Шейн Лафорет, локтем прикрыла дверь, сосредоточившись на простых мыслях.

Она избавится от людей, которые угрожают её образу жизни и её друзьям. Даже ценой своей жизни.

Она кралась по коридорам особняка бесшумно и с непреклонной решимостью в сердце.

* * *

– Бессмертными? О чём...

– А, а. Я знаю, знаю. Я точно знаю, что вы хотите сказать, так что не утруждайтесь.

Человек, представившийся Тимом, одной рукой отмахнулся от вопросов Джакуззи, а второй поправил очки.

– Разумеется, вы считаете, что мы спятили. Я бы тоже так решил, если бы кто-то подошёл ко мне с подобными вопросами. Но видите ли, хитрость в том, что даже выбери я иносказательный путь, вы бы все равно подумали, что я псих, и в итоге вы, ребята, могли бы доверять нам меньше, чем сейчас.

– Ну, д-да, но не д-думаю, что надо было объяснять...

– Но в любом случае, о цели нашего визита... Эй, Адель, начинай.

Тим полностью проигнорировал Джакуззи и щёлкнул пальцами, подавая сигнал девушке, ожидающей позади. У неё был рассеянный взгляд и слегка сонный и застенчивый вид. Когда Тим позвал, она вздрогнула, неуверенно вышла вперед и кивнула Джакуззи.

Джакуззи заметил за её спиной отблеск чего-то похожего на длинную палку, но не задумался об этом, осторожно кивая в ответ.

– Э, а, м-м. Ну, м-м-м, я постараюсь объяснить, так что, э-э, м-м, привет...

Тим кашлянул, очевидно чтобы наставить её на путь истинный, и на них обоих свирепо зыркнул из задних рядов молодой человек в костюме.

«Что это вообще за люди? Непохоже, что они хорошо справляются, и я не понимаю, что они подразумевают под бессмертием...»

Джакуззи внезапно вспомнил, что уже однажды слышал о бессмертных от информационного брокера по соседству.

Речь шла о Чеславе Мейере, мальчике, с которым они встретились на Flying Pussyfoot. Оказалось, что он древний алхимик с бессмертным телом.

Джакуззи не поверил, когда услышал, и ничего не рассказал друзьям.

Фактически, он абсолютно забыл об этом до сих пор... Но сейчас воспоминание всплыло на поверхность разума, не давая Джакуззи пропустить мимо ушей слова Тима.

Даже не подозревая об его внутреннем смятении, Адель заговорила:

– Ну... Вы сбежали сюда из Чикаго, потому что вас преследовала Семья Руссо. Э-э, в смысле, если я неправа, то извините...

– ?!

«Как она узнала?»

Никто, кроме самой шайки, не должен был этого знать. Даже если кто-то из них случайно обмолвился в каком-нибудь спикизи, как об этом прослышала девушка?

Даже Нис и Джон, которые наблюдали за происходящим с удивлением и юмором, внезапно напряглись при упоминании имени Руссо.

Если группа Тима как-то связана с Семьёй Руссо, они представляют прямую угрозу шайке Джакуззи.

Адель содрогнулась, словно почувствовала, как температура в комнате упала ниже нуля, но слабым голосом продолжила:

– М-м, пожалуйста, не... Я не хотела недопонимания... Мы никоим образом не относимся к Семье Руссо...

Шайка Джакуззи не ослабила бдительности. Видимо почувствовав напряжённую атмосферу, из разных комнат особняка по одному по двое стали просачиваться ещё люди.

– Что случилось, Джакуззи?

– Кто эти люди?

– Враги? Они враги?

– От них надо избавиться?

– Хя-ха!

Опоздавшие перешёптывались, не зная, что именно происходит, но Джакуzzi не обращал на них внимания, наблюдая за движениями группы Тима.

Чем больше людей появлялось в комнате, тем сильнее бледнела Адель; будь у неё хвост, она бы его поджала. Но говорить она не перестала.

– Ик... Э, ну, вот... Мы, мы ищем людей вроде вас...

Тим с усмешкой подхватил с того места, где она остановилась.

– Мы искали в Нью-Йорке группу людей, не связанную ни с какой мафией, но в то же время многочисленную и с неплохой организацией, – сказал Тим, его грубая прямота сильно отличалась от Адели. Наверно, он приказал Адели начать объяснение именно для того, чтобы привлечь внимание к разнице в манере и сделать свои слова запоминающимися.

– Короче говоря, мы хотим, чтобы вы присоединились к нам. Платой будет бессмертие. Я считаю, этого достаточно, а вы?

Они вернулись к началу. Часть про «присоединиться» была новой, но пока рядом стояла часть про бессмертие, шайка Джакуzzi ни за что не восприняла бы это всерьёз.

– Но что имеется в виду под бессмертием?

Тим повернулся на месте, осмотрел Джакуzzi и его товарищей и ответил:

– О, похоже у нас достаточно зрителей для небольшого магического шоу... Адель!

– Сейчас, – откликнулась Адель, доставая длинную палку из-за спины, и робко поклонилась Далласу.

– Эм, наверно, будет очень больно, поэтому извиняюсь заранее. Мне правда очень жаль!

– Что?

Даллас только открыл рот, чтобы спросить у безумной девчонки, о чём она, как его слуха достигла пара очень знакомых голосов.

– Эй! Кто-то только что говорил о магическом шоу? Давайте, где же оно?

– Где белые голуби и кролики?

В дверном проёме, ведущем в зал, появились головы парочки в вечерних костюмах.

Заметив эти лица, Даллас захлопал глазами, в его мозгу вспыхивали и оживали воспоминания.

О парочке в странных костюмах.

Точнее... о странно одетой парочке, которая переехала его машиной в тот день, когда Гандоры сбросили его в Гудзон.

Знание ожгло его огнем, реальность ситуации глядела ему прямо в лицо.

– Ублюдки! Вы там бы...

Вопль ненависти оборвался странным бульканьем.

На палке в руках Адели внезапно вырос опасный набор лезвий...

...И безжалостно вонзился в мягкую кожу на горле Далласа.

– Что?.. – тупо сказал Джакуззи, не сразу переваривая жестокое зрелище. Струя крови заляпала татуировку на его лице, и это послужило своеобразным сигналом: Джакуззи издал возглас, который мог быть как девчачьим писком, так и придушенным всхлипом, и упал в обморок.

– Эй, вы уверены, что главарь здесь именно этот парень? – спросил Тим, удивлённо глядя на бессознательное тело, и тяжело вздохнул.

– Твой обморок сорвёт наши планы.

* * *

Чуть ранее, снаружи особняка Дженоардов...

– Извини, кажется, мы прошли слишком далеко.

– Надо больше внимания обращать на то, куда идёшь, амиго.

Тик и Мария довольно далеко отошли, прежде чем поняли, что идут не в ту сторону, а потом где-то свернули не туда и в итоге оказались ближе к чёрному входу особняка, чем к парадному.

– Придётся пройтись, но, может, нам стоит дойти до парадного входа?

– Нет, всё хорошо! Давай атакуем прямо отсюда!

– Без атак, пожалуйста...

Невзирая на попытки Тика обуздать её, Мария уверенно шагнула за калитку и направилась к заднему крыльцу.

– Всё нормально! Мы же здесь, чтобы напугать их, так? Значит мы должны показать, что у нас преимущество! На работе я всегда подстерегаю людей. Застаёшь их врасплох, сначала избавляешься от шестёрок, а потом устраиваешь благородный поединок один-на-один с боссом! Амиго, ты не представляешь, насколько это здорово!

– Всё равно...

Тик потянулся, чтобы схватить её, но понял, что всё ещё держит ножницы, и опустил руку.

Мария ещё шагала к особняку. Сады в основном располагались по бокам здания, а не спереди и сзади, поэтому до чёрного хода было близко.

Она направилась прямо к двери, которая, надо признать, выглядела обшарпанной по сравнению с великолепием остального дома, и подняла руку, чтобы постучать.

* * *

Там кто-то есть.

Она беззвучно отошла на пару шагов от двери и легко, как пёрышком, коснулась рукояти меча.

Как только она начала вытягивать клинок, дверь тяжело скрипнула и медленно качнулась наружу.

С той стороны стояла девушка в чёрном платье и с яркими глазами.

На вид ровесница Марии была красива. Но её глаза сияли пугающим блеском, столь яростным, что человек робкого нрава замер бы как вкопанный, попади он под этот взгляд.

– Привет, амиго... – тихо сказала Мария, кивая незнакомке.

От её былой беспечности не осталось и следа, сразу было видно, что она настороженно оценивает девушку.

Осторожничать Марию заставил не только блеск глаз девушки. Надо было учитывать и то, что она держала в обеих руках.

Два больших охотничьих ножа, с лезвиями больше восьми дюймов в длину, которые органичнее смотрелись бы в дикой местности, а не в доме в центре Нью-Йорка. Для женской руки они казались слегка громоздкими, но тем не менее удобно устроились в руках девушки в чёрном.

Напрягая чувства до предела, Шейн смотрела на мексиканку перед собой.

«Нет... Я никогда раньше её не видела».

Конечно, идеально было бы разойтись мирно, но прямо перед тем как открыть дверь, она слышала что-то про «подстеречь» и «застать врасплох». Если они собираются напасть на обитателей особняка, она не позволит им пройти.

Утвердившись в этой мысли, она толкнула дверь, крепко сжимая в руках ножи. Как и ожидалось, мексиканка уже обнажила свой клинок, и стало ясно, что она готова убивать, всего один раз глянув на Шейн.

– Что не так? Скажи что-нибудь, амиго! О, позволь сначала представиться. Я Мария, наёмный убийца!

Мария, словно в насмешку, назвала своё имя, но Шейн не ответила.

Если совсем точно, то Шейн не могла ответить. Её тело больше не способно было говорить.

Но даже если бы она могла, то не стала бы этого делать.

– Пф-ф, если ты ничего не говоришь, это не забавно, – улыбаясь, сказала Мария и вложила меч в ножны.

Шейн услышала металлическое звяканье.

А Мария внезапно рванулась вперед, целясь Шейн в ногу. Она выдернула Мурасаму из ножен по ровной дуге, которая прошла бы точно по лодыжкам Шейн.

Кончик меча мгновенно описал чёткую дугу, чуть не поцарапав стены там, где только что стояла Шейн.

Но Шейн там больше не было. Она взвилась в воздух даже раньше, чем Мария полностью достала меч, легко приземлилась на дверную ручку и, плавно оттолкнувшись от неё, кувыркнулась над головой Марии.

Она приземлилась точно позади Марии, встав спиной к спине, а один нож уже яростно ударил назад.

Резко лязгнуло.

Мария заблокировала нож вторым мечом. Шейн не заметила, когда она его достала, но длинное лезвие торчало над плечом Марии, защищая спину.

Снова лязгнуло.

Мария развернулась на месте, Мурасама полоснула воздух и столкнулась со вторым ножом Шейн.

От места удара полетели искры, и обе девушки отшатнулись, словно их оттолкнуло какое-то магнитное поле.

Оно же снова притянуло их обратно: обе бросились вперед, зеркальным отражением друг друга заноса оружие для удара.

Металл звякнул о металл.

Снова и снова они отступали и сходились, похожая агрессивная манера боя сводила их в кратком и жарком обмене яростными атаками.

Снова. Снова и снова. Симфония лязга и звона.

Казалось, это две кометы носятся по орбите друг друга, бешено сталкиваясь и снова расходясь.

– Ух ты, круто...

Одинокий зритель удобно устроился и наблюдал с изумленными восклицаниями, но вскоре его невинная улыбка увяла, когда он кое-что вспомнил.

– Ох...

Тик горестно вздохнул, ссутулился и безжизненно свесил руки по бокам, не обращая внимания на металлическое стаккато вокруг себя.

– О нет... Всё должно было быть не так, – пробормотал он, но судя по его лицу и тону, не слишком-то он беспокоился. Он реально ничего не мог сделать, чтобы остановить двух бойцов, и даже если бы закричал, на него глянула бы только Мария, открываясь для атаки девушки в чёрном платье.

А значит всё, что он мог сделать – молча наблюдать за ними.

Трудно сказать, правда ли эти мысли пробежали в его голове, но в любом случае, наблюдая за дуэлью, он сохранял спокойствие.

Но внезапный вопль заглушил даже равномерный ритм звякающего металла.

– Аааааааааааааааа!

Шейн отпрыгнула от Марии и остановилась в ту же секунду, как с другой стороны здания, от парадного входа, донёлся крик. Она напряглась всем телом и бдительно застыла.

«Крик только что...»

Она представила облик татуированного юноши, который безо всяких условий принял её в свой круг.

Убедившись, что голос принадлежит Джакуzzi, Шейн полностью проигнорировала Марию и направилась в дом.

Мария большими глазами смотрела, как девушка в платье внезапно отворачивается от сражения.

– Эй! Не сбегай, амиго! – воскликнула Мария. Она плюнула на то, что её нереалистичные ожидания не оправдались, и помчалась следом за девушкой.

Брошенный в одиночестве Тик облегчённо вздохнул и отправился в сад, примыкающий к особняку.

– Не знаю точно, что происходит, – сказал он сам себе, двигаясь так неспешно, что становилось ясно: он отказался от попыток взять ситуацию под контроль, – но я правда считаю, что вежливые гости должны заходить через парадный вход.

* * *

– Что... Вы что творите? – закричала Нис вместо обморочного Джакуzzi, в её голосе поровну было шока и замешательства.

Прямо перед ней и её друзьями только что произошло бессердечное убийство.

Странная палка на спине Адели оказалась сложенным втрое копьём. И не просто копьём – когда оно полностью вытянулось, из лезвия на конце выскочили ещё два жутких зубца, расходясь под прямым углом от центральной точки.

И на конце копья висело вялое тело неопрятного парня, который пришёл вместе с группой Тима.

Остриё копья прошло прямо через его позвоночник и высунулось из затылка.

Проткнутый человек несколько секунд спазматично дёргался, потом затих и повис, как марионетка с обрезанными ниточками.

– Ой!

– Какого чёрта, это, что, взаправду?

– Что происходит?

Никто из товарищей Джакуzzi, кажется, не понял толком ситуацию: они неловко топтались на месте, а не кричали, как их глава.

Айзек и Мирия молчали с круглыми глазами. Тим фальшиво усмехался, а Адель просто стояла на месте, крепко держа копьё и не меняясь в лице.

– Думаю уже хватит, Адель. Можешь вынимать.

– Хорошо.

Только по команде Тима Адель, наконец, вытащила копьё из горла Далласа, откинув окровавленное тело прочь.

– А теперь прошу внимания, – обратился Тим к ошеломлённой аудитории, широко разводя руки.

– Сейчас будет лучшая часть.

Он театрально поклонился и правой рукой указал на труп Далласа.

– Я же обещал вам магическое шоу, не так ли?

Все в холле, кроме бессознательного Джакуззи, перевели взгляд на изодранное тело...

...И на их глазах свершилось чудо.

– Что...

Левым глазом Нис увидела нечто, идущее вразрез со всем, что она испытывала и чему её учили.

Она знала, что кровь не может не подчиниться гравитации, а душа не может вернуться в мёртвое тело.

Она чувствовала, что эти две доныне непреложные с её точки зрения истины готовы разлететься вдребезги.

Она смотрела на тело мёртвого грубияна.

Кровь, текущая из раны на горле, остановилась.

Нет, не остановилась... Она?..

Взгляд Нис упёрся в пятно крови на ковре.

И тогда она увидела. Она увидела.

Она увидела, как лужа крови начала уменьшаться.

Она увидела, что кровь, запятнавшая лицо Джакуззи, исчезла, пока на неё не смотрели.

Она увидела, что алая жидкость извивалась на горле мертвеца, как рой красных слизняков.

Нис и её товарищей захватило кошмарное зрелище.

Никто не мог шевельнуться. Нет, никто не смел шевельнуться.

Это было воскрешение.

Нет, это трудно было считать чем-то священным.

Каждая капля крови корчилась, как живое существо, соединялась с остальными и превращалась в единую массу. Далее каждая масса ползла к соседней, сливалась и росла... Пока, наконец, не заползла в рану на горле парня, как возвращающееся в логово животное.

Последняя капля крови вернулась на своё место в теле, и, словно по сигналу об окончании красного марша, рана сама закрылась.

Там где зиял разрез, теперь виднелась только чистая нетронутая кожа, на теле не осталось ни единого следа, что его трогали.

Кровь и грязь исчезли с копья Адели, и остро заточенное серебристое лезвие мягко заблестело на свету.

Тим увидел, что весь холл окутала тишина, и широко улыбнулся.

– Теперь видите?

Не стирая с лица кривую усмешку, Тим повернулся и сильно ударил парня в живот.

– Ох!

Он был ещё без сознания, но закашлялся и дёрнулся от боли.

Вне всякого сомнения он был мёртв... но теперь снова дышал.

Тим глянул на него сверху вниз, убедился, что он жив, и тихо заговорил:

– Видите, бессмертные на самом деле существуют...

Войдя в холл, Шейн увидела, что случилось, и задохнулась.

«Это же... как Отец...»

Она пришла, когда рана на шее парня закрывалась, нохватило и беглого взгляда, чтобы мгновенно сложить всё вместе.

Она знала, что лежащий человек – такое же существо, как и её отец.

Вообще-то, Даллас был неполным бессмертным, но Шейн, не зная о Сциларде Квотеше и его эликсире бессмертия, ошибочно сочла, что Даллас такой же, как и её отец, Хью Лафорет.

В её мозгу закружились мысли.

Чего хочет группа в холле?

Почему Джакуzzi без сознания? Кто на него напал?

И... Что она может поделать против бессмертного?

Тим заметил девушку, появившуюся в коридоре, и внутренне содрогнулся.

«Э? Эти глаза... Клянусь, я их уже где-то видел...»

Он порылся в памяти, но не смог точно определить, где и когда её видел. Он списал это на секундное замешательство и попытался продолжить свою речь.

– Итак, я пытаюсь сказать, что...

Но его прервали внезапные аплодисменты.

Странная парочка на входе в холл яростно захлопала, как только он открыл рот.

– Невероятно! Никогда ничего подобного не видел! Ты прямо как Говард Тёрстон¹³!

– Ты распилил его напополам и снова сложил воедино! Это Гарри Гудини¹⁴! Это Гораций Голдин¹⁵!

¹³ Американский фокусник. Прославился карточными фокусами, сценическими иллюзиями и трюками с плавающими над сценой и исчезающими помощницами

¹⁴ Американский иллюзионист и гипнотизёр, прославившийся сложными трюками с побегами и освобождениями.

¹⁵ Фокусник, прославившийся трюком с распиливанием женщины пополам.

Айзек и Мирия барабанили перечень всех знаменитых фокусников, которых знали, и тогда шайка Джакуззи тоже начала переговариваться.

– Стой, это был всего лишь фокус?

– Ну... наверно?

– Лысый сам сказал, так ведь?

– Угу, ты прав! А я только подумал, что он вампир или что-то такое! Напугал меня до чёртиков!

– Пфф, так это просто фокус, угу.

– Хя-ха!

Один за другим они облегчённо улыбались. К счастью, вряд ли кто-то из них раньше видел выступление настоящего фокусника, поэтому даже неправдоподобное объяснение развеяло их тревоги.

Нис неубеждённо переглянулась с Джоном, но остальные уже сплетничали, быстро забыв свой шок.

– Какого чёрта. Они все тупые или что?..

Неожиданный поворот событий поразил Тима сильнее всех прочих. Он не ожидал, что его игру на публику воспримут всерьёз.

Он лениво почесал одним пальцем висок, не зная, что делать, потом заметил Нис и повернулся к ней.

– Я спрашивал, не желаете ли вы присоединиться к нам и стать бессмертными, как этот парень? Вам нужно только слегка помочь нам украсть немного где-то спрятанной выпивки... Ладно, может, мы сумеем обсудить детали, когда ваш босс очнётся. Что скажешь?

– Понимаешь, наша цель – создать как можно больше бессмертных...

Шейн без труда расслышала, что лысый говорит Нис.

И в ту же секунду тело Шейн обозначило мужчину, Тима, как врага.

Он собирался создать больше бессмертных.

Другими словами, он собирался создать больше существ, которые могли убить её отца, Хью.

Она не знала, кто эти люди или зачем они хотят создать много бессмертных.

Ясно было одно. Они собирались нанять шайку Джакуззи, её товарищей, для того, чтобы пополнить ряды врагов её отца.

Она молча скользнула по полу, лавируя между друзьями и подбираясь к Тиму.

Она бы не стала хладнокровно убивать ничего не подозревающего врага. Если она его убьёт, то не узнает, что ему надо.

Она собиралась ударить его рукояткой ножа в солнечное сплетение, но за миг до этого между ними вспыхнул серебристый луч.

Шейн почувствовала опасность и отклонилась, поднимая ножи туда, где только что была её голова.

Тут же раздался звонкий лязг, и мимо её щеки пролетело остриё копья.

Она заблокировала два боковых лезвия ножами, остановив оружие до того, как зубцы воткнулись ей в лицо.

Но кажется, средний клинок её поцарапал: на щеке появилась тонкая красная линия, а через один удар сердца одинокая капля крови скользнула по лицу, как алая слеза.

– ...

– Э... Простите, вы появились и атаковали так внезапно, что я... просто...

Если бы Шейн не увернулась от удара, копьё вошло бы ей прямо между глаз. Но она не выказала ни следа страха, а взглянула на врага перед собой.

Враг держал копьё, длиной больше роста Шейн. Враг выглядел робко, но без колебаний и усилий использовал своё оружие, чтобы попытаться убить Шейн.

Шейн спокойно изучала странного противника.

Её мысли были лишь о том, как надо двигаться, чтобы эффективно уничтожить неприятеля.

Адель тоже смотрела на появившегося перед ней врага.

Она была уверена, что убьёт противницу, но судя по тому, что её атака провалилась, не нанеся особого ущерба, та оказалась опытнее, чем предполагалось.

Она мгновенно оценила силы и отвела копьё, создавая расстояние между собой и неизвестной нападавшей.

– Эй, Адель. Если сможешь, не убивай её, – сказал Тим из-за спины.

Адель заговорила почти тем же тоном, что и раньше, но глаз от противницы не отвела.

– Ну, хорошо... Но... Думаю, она правда сильна. Не знаю, смогу ли повести себя с ней осторожно...

Но тут ей в голову пришло ещё кое-что.

«У неё черные волосы и золотые глаза... Прямо как у Мастера Хью...» – подумала она, отводя копьё.

И тут из того же коридора, откуда появилась нынешняя противница, донесся звонкий голос, полный энтузиазма.

– Аха-ха-ха-ха! Кажется, теперь и началось веселье, амиго!

– Что ещё?..

И шайка Джакуzzi и Лярвы Тима ошеломлённо уставились на внезапно возникшую среди них мексиканку.

– Донни, ты её знаешь? – спросил кто-то у смуглого гиганта, который оказался единственным другим мексиканцем в комнате, но тот подумал и покачал головой.

Мария не обратила внимания на тревожную атмосферу в комнате, высоко подняла обе катаны и легко шагнула в холл.

– Этот дом огромен! Я даже слегка заблудилась по пути сюда, амиго! – сказала она. Её слова были размеренными, хоть и слегка восторженными, но каблук стучали быстрее и быстрее.

Адель тихо оценивала ситуацию, а Шейн возмущенно смотрела на Марию и Лярв.

И как только Мария напряглась, чтобы вклиниться прямо между Адель и Шейн...

Динь. Ди-и-инь.

В дверь особняка Дженоардов позвонили...

... В третий раз за день.

Звук казался спокойным, в отличие от неистового трезвона, который чуть раньше устроили Айзек и Мирия.

– Кого теперь принесло... – пробормотала Нис с застывшим от нервного ожидания лицом, пытаясь угадать, что за жуткая угроза ждет за дверью на этот раз. Её рука потянулась к талии, пальцы сомкнулись на одном из висящих на поясе шариков.

Тим, Адель, Шейн, Мария, Айзек, Мирия, шайка Джакуззи и даже Лярвы, которые ни слова ни сказали с тех пор, как пришли – все прикипели взглядом к двери и с пересохшими губами ждали вновь прибывшего.

Однако...

– Э... Всем привет.

Когда дверь мягко открылась, вошёл человек с голосом, нежным, как у ягнёнка, и таким же лицом.

Юноша рассеянно огляделся, заметил Марию, застывшую с мечами в руках, и скривился.

– Мария, я же говорил, что мы пришли не драться... А если мистер Кит на нас рассердится?

Он говорил, как ребенок, но Мария неосознанно вздрогнула, когда с его губ сорвалось имя Кита. Она на секунду задумалась и сказала:

– Ладно, Тик. Я не хочу, чтобы он на меня сердился.

Она тяжело вздохнула, изображая великое терпение и личную жертву, и убрала оба меча в ножны.

* * *

– ...

Тим посмотрел на Тика и мотнул головой, давая своим товарищам сигнал к отступлению.

– Кажется, нам сегодня не повезло. Передайте м-ру Сплоту, когда он очнется, наши наилучшие пожелания. Мы зайдем завтра ещё ра...

– О, погоди, погоди, – внезапно произнёс Тик, загоразивая Тиму дорогу, чтобы он не ушёл.

– Да?..

– Ну, вообще-то, если у вас дело к мистеру Сплоту, мы подождём, пока вы закончите. Будет лучше, если сначала вы.

– Что?

Тим и Лярвы холодно смотрели на Тика и ждали, чтобы он пояснил свои невразумительные слова.

Тик не обратил внимания на ледяные взгляды и продолжил всё с той же улыбкой на лице:

– Потому что... От того, что они скажут на наших переговорах сегодня, зависит, не исчезнут ли они завтра с улиц.

– Что? – тупо переспросила Нис.

Остальная шайка неуверенно переглядывалась, а потом уставилась на Тика так, словно он был новой и неизвестной формой жизни.

– Что за...

И как только Нис собралась расспросить таинственного гостя...

Динь-дон.

В дверь позвонили в четвёртый раз с тех пор, как Айзек и Мирия появились у парадной двери.

– Что за день сегодня? – громко спросила Нис с усталым смирением и одновременно ужасом в голосе.

Шейн напряглась, собираясь использовать звук звонка как шанс, но Адель перехватила копьё в безупречной защитной позиции, и их затянувшийся пат продолжился.

С другой стороны, некоторые люди, похоже, понятия не имели, что значит слово «напряжение».

– Ух ты, Айзек! К нам сегодня столько гостей пришло!

– Наверно, они все пришли на магическое шоу! Или они часть трупы бродячего цирка!

Кажется, Айзек и Мирия считали, что всё, здесь произошедшее, это часть какого-то большого представления, а Шейн и Мария – приглашенные актеры.

На самом же деле, они были в том же поезде, что и Шейн, во время великого ограбления... но видели её только мельком, перед посадкой, и умудрились разминуться с ней, когда поезд прибыл на вокзал в Нью-Йорке.

Звонок умолк, будто кто бы ни стоял по ту сторону двери, он спокойно ждал ответа.

Разумеется, это было вежливо, в отличие от Айзека и Мирии, которые бешено трезвонили, или Тика, который вошёл без приглашения.

Но неважно, сколько ждал гость, обитатели особняка ему не отвечали.

Звонок снова зазвенел, словно гость терял терпение.

Никто всё равно не двигался, и с другой стороны донесся мягкий голос девушки:

– Может, их нет дома?

– Женщина?..

Устав от напряжённой тишины, Тим мотнул головой одному из Лярв. Заметив сигнал, юноша кивнул, молча подошёл к двери и открыл её. И там, с другой стороны, стояла симпатичная девушка в чёрном деловом костюме.

– Э, привет?!

Гостья умолкла на середине фразы и молча осмотрела холл.

В щедро украшенной комнате собралось почти тридцать человек, хотя большинство из них выглядели уличными крысами и бродягами, выделяясь в богатом окружении. Более того, две хорошо заметные девушки стояли в центре зала, держа копье и пару ножей – любой нормальный человек бы удивился.

«Она – нормальный человек...»

Такой вывод сделало большинство, увидев её реакцию. Воистину, редко увидишь девушку в деловом костюме, но кроме этого она казалась абсолютно обычной.

Девушка в костюме огляделась, изучая странную толпу в особняке... и поняла, что там есть несколько знакомых лиц, которые неистово ей машут.

– Эй! Эннис! Мы тут! Э-эй!

– Ура, Эннис! Ты тоже пришла увидеть магическое шоу?

– Айзек! Мирия! Стоп... какое магическое шоу?

Эннис улыбнулась, заметив Айзека и Мирию, и, возможно, не совсем понимая, что происходит, она выжидающе повернулась к двери, будто прося о помощи.

– Что?

И тут... Элегантная резная дверь открылась шире, показывая мужчину в тренче.

И время остановилось.

Обстановка ухудшалась несколько раз за десяток минут с тех пор, как всё началось, но на этот раз всё было абсолютно по-другому.

Воздух не остыл.

Он застыл.

Полностью.

Вошедший в особняк мужчина, казалось, отрицал само течение времени, забирая не только воздух из легких, но и само время.

Хотя, вообще-то, он ничего не делал, просто вошёл.

Это был мужчина с острым взглядом, и всё в нем – выражение лица, движения, мерные шаги – создавало таинственное ощущение трепета, мгновенно заявляя всем и каждому, что его занятие имеет мало общего с правильной стороной закона.

Внешне же, он ничем не отличался от любого другого человека.

Но... Как только он появился, воздух намертво застыл.

Даже шайка Джакуzzi, что посмеивалась, невзирая на обстановку, кажется, почуяла нечто, что включило их инстинкты, они напряглись, предвкушая действия, а глаза стали серьезными.

Адель, Шейн и Мария тоже смотрели на нежданного гостя широко открытыми глазами.

На секунду внимание Адели полностью переключилось с Шейн, но и сама Шейн не могла шевельнуться, зачарованная мужчиной в тренче.

А Мария... Её пальцы легко касались меча, тело изогнулось, готовое мгновенно двинуться, как только понадобится.

«Он опасен! Очень опасен! Этот парень означает проблемы, амиго!»

Ляrvы тоже почуяли, что течение их времени украдено мужчиной, что вошёл без предупреждения.

«Кто, чёрт подери, этот парень?..»

«Он просто стоит. Вот и всё. Так почему он ощущается так...»

Даже Тим, который до сих пор удерживал на лице выражение надменного спокойствия, озадаченно стиснул зубы.

По его лицу читалось, что он просто принял это как должное, а не нашёл удовлетворительный ответ.

Chiamatore, Ронни Скиатто, размеренно шагнул в особняк.

Одним словом, он был сущностью.

Сущностью, что родилась из тьмы, дышала ею и жила в ней.

Если облечь это чувство в слова, получится, что мужчина был чем-то иным, чем-то, что выглядит как человек, но на самом деле является воплощением всего, что подразумевается под словом «мафия» – нет, под словами «организованная преступность».

Он был не шпаной, как шайка Джакуzzi, не неизвестным фактором, как Тим или Адель, не отбросом, как Даллас – он был абсолютно иной, единой сущностью.

Будь он простым мафиози, собравшиеся здесь не ощутили бы такой чужеродный трепет. Его окутывала аура бесчисленных и хаотично смешанных вещей... чего-то нечеловеческого.

Но даже при остановке времени, вызванной силой существа, некоторые всё ещё обладали привилегией свободно двигаться.

«М-р Ронни очень... устрашающий, когда на работе».

Исчез вежливый человек, который вошёл в Альвеаре с пакетом перочниц, но в его манерах совсем не было и серьёзности, которую он демонстрировал, когда обучал Фиро владеть ножом.

Первый раз столкнувшись с силой его личности, Эннис струсила и сейчас сохраняла спокойствие только потому, что уже была с ним знакома.

Естественно, завидев Ронни, Айзек и Мирия только радостно рассмеялись.

– О, и Ронни тоже тут! погоди, ты же не привёл с собой Фиро?

– Эти люди – удивительные фокусники! Ронни, ты тоже должен остаться и посмотреть!

– Вы его знаете? – удивлённо выпалила Нис, но Айзек и Мирия не заметили её шока, невинно маша Ронни.

Кроме двух бессознательных тел на полу ещё только один человек сохранил спокойствие.

Тик стоял в дверях и выглядел потерянным, но увидев лицо Ронни, медленно заговорил:

– Ух ты, я и не знал, что вы придёте лично, мистер Ронни.

Приветствие Тика казалось глупым в напряжённой обстановке, но Ронни спокойно ответил, ничуть не ослабив вызываемый им трепет.

– Моя работа – заботиться о таких вещах, неважно насколько они пустячные. Хотя я не ожидал увидеть здесь тебя. Видимо, Гандоры теряют терпение, раз послали знаменитого мастера пыток.

Друзья Джакуззи уловили из беседы одно слово, и их лица внезапно посерьёзнили.

– Гандоры?..

– Эй, он только что сказал «Гандоры»?

– А ещё что-то про пытки...

– Стой, он? Пытки? На вид он и мухи не обидит.

– Не может быть.

Для Джакуззи и его шайки Гандоры были просто мафией, контролирующей территорию, где они работали. До сих пор они не встречались напрямую с семьёй Гандор, но можно сказать, что они, наверно, не были у Гандоров на хорошем счету.

Взволнованные шепотки стали громче, и Нис, наконец, сообразила, с кем они встретились – по крайней мере, кого представляют Тик и Ронни – подскочила к Джакуззи, склонилась над ним и начала отчаянно трясти, пытаясь привести его в чувство.

– Джакуззи, Джакуззи!

– Это серьёзно, – пробормотал сбоку Джон, он тоже сообразил, как плохо всё обернулось. Он обхватил Джакуззи за пояс и попытался усадить.

Шпана глазела на Тика и Ронни, Лярвы Тима стояли по бокам двери и оценивали ситуацию, Айзек и Мирия, затаив дыхание, ждали следующий

фокус, а три вооружённые девушки застыли на месте, внимательно следя за противницами.

В комнате почти тридцать человек стояли захваченные потоками напряжённого интереса. Один Ронни непоколебимо шёл и говорил так, словно это место принадлежало ему.

– Похоже, здесь развивается сложная ситуация... Ладно, неважно.

Он остановился в нескольких футах от Джакуззи и Нис в центре зала и обратился ко всем присутствующим:

– Я пришёл сюда, как посланник Семьи Мартилло, как их переговорщик, как их судья, как их палач... А так же я пришёл, чтобы засвидетельствовать всё, что отныне здесь случится, – серьёзно сказал он, и его голос звенел в душах слушателей.

– Полагаю, мы все знаем, почему Гандоры и Мартилло сочли нужным отправить сюда людей. Наш бизнес основан на вере. Когда мы подаём руку, мы верим в силу и усердие наших партнёров. Когда мы заносим кулак, мы верим в слабость и ошибку наших врагов. Всё на свете – лишь череда этих случаев.

Торжественная речь, словно у актера на сцене, сила голоса и излучаемая уверенность полностью подавили шайку Джакуззи.

– Какую сторону вы выберете? Какую карту сдадите мне? Дружбы или вражды? На основании вашего ответа, я буду судить ваше прошлое, вершить ваше настоящее и выбирать ваше будущее.

Когда он замолк, комнату окутало одеяло тишины... И тут же разорвалось стоном Джакуззи, вернувшегося из неожиданной отключки.

– А?.. Э?.. Что случилось?..

– О, Джакуззи, ты очнулся.

– Это хорошо... Хотя вообще-то не очень.

– Что?

Джакуззи попытался встать, потом заметил пот, стекающий по лицу Нис, и быстро огляделся.

– Ого... Тут всегда было столько людей? И... погоди, а куда делась вся кровь? Что только что случилось с тем парнем?!

Он моляще посмотрел на подругу, ожидая объяснения тому, что здесь произошло перед тем, как он потерял сознание. Но Нис могла только сказать, что она видела, хотя было ясно, что она сама не очень-то в это верит.

– Проткнутый парень вернулся к жизни без царапинки. И... Шейн начала драку с девчонкой с копьём, а потом появилась странная девушка с мечами, и... Слушай Джакуззи. Это самое важное.

Она набрала воздуха и выложила суровую правду:

– Гандоры и Мартилло говорят, что у них для нас сообщение.

– Что?..

Джакуззи снова осмотрел людей в зале.

Он заметил Ронни, излучающего мрачность, и почувствовал, что сознание снова ускользает.

«Нет-нет! Мне надо собраться!»

Огромным усилием Джакуzzi удержался от обморока и молча занялся мысленным подведением итогов.

Первым делом надо убедиться, что друзья в безопасности. Он медленно повернулся к Ронни, довольный своим выводом.

«Ну же, думай. Думай. Как я могу вытащить нас всех из этой неприятности?»

– Скажи-ка, дорогая Мирия. Как ты считаешь, почему вдруг Ронни так красиво заговорил?

– Может быть, он злится?

В противоположность Джакуzzi, который готовился рискнуть жизнью, Айзек и Мирия углубились в болтовню и не обращали внимания на происходящее в зале.

– Ах, правда. И пока мы обсуждаем Ронни...

– Что?

– Мы говорили, что украдем нечто важное для Фиро, правильно?

– Правильно, – согласилась Мирия, понижая голос до заговорщического шёпота и склоняясь к напарнику, который тоже зашептал.

– Ронни – босс Фиро, и он учил его драться на ножах, так?

– Он старый и мудрый наставник Фиро!

Айзек минутку обдумывал эту мысль, а потом задумчиво сказал, будто подтверждая уже известное:

– Скажи-ка, Мирия...

– Что сказать?

– Разве Ронни и Эннис... не два...

Мирия догадалась, о чем он говорит и широко улыбнулась.

– ...Сокровища Фиро!

«Я хочу их всех зарубить».

Вокруг неё стояли сильные люди. Которых, похоже, будет трудно зарубить.

Недавняя противница с ножами и девушка с копьем, которая, кажется, и ранила ту, что с ножами.

А ещё мужчина из Семьи Мартилло, который пришёл последним и назвался Ронни.

Великолепно. Столько людей, достойных рубки.

Мария нежилась в напряжённой обстановке, чувствуя как в груди пузырится что-то горячее.

Она не хотела узнать, является ли она самым сильным человеком в этом зале.

Она уже верила. Она безо всяких сомнений знала, что она – сильнейшее существо из присутствующих.

Мария просто хотела это доказать.

Она хотела доказать своё умение и силу, скрытую в клинке.

Если упрощать... Она хотела их зарубить.

Её разум опустел, и всё схлопнулось в одну фразу.

Она всегда была такой. Когда её нанимали убить сильного убийцу или мафиози, она счастливо смеялась, вынимала мечи и рассекала пополам плоть и кость, и жизнь жертвы.

Она хотела всё резать, поэтому резала. И не нуждалась в иных причинах. И в чем-то ещё, чтобы выжить.

Факт, что это её работа, был для неё лишь отговоркой. Работа наёмного убийцы для неё была лишь средством, способом насытить ежедневный аппетит. Воистину, она и попросить не могла о лучшей работе, которая сочетала бы выгоду и веселье.

Она провалилась только раз. Один раз, когда взяла контракт на убийство Вино.

Вино её полностью уничтожил, а она даже поранить его не смогла.

«Но если мы сейчас устроим матч-реванш, я выиграю».

Безосновательная вера, но Мария держала её близко к сердцу и ждала, что однажды к ней подойдёт кто-то с контрактом на голову Вино.

Может быть, сегодня, после долгого периода отдыха, она сумеет снова расправить крылья. Сумеет зарубить людей. Показать свою мощь и мощь Мурасамы. Поверить в свою силу.

И сейчас у неё был противник, перед которым можно было проявить пыл. Нет, много противников!

Скрывая переполняющее её напряжение, она тихо следила за дыханием стоящих перед ней людей.

Она ждала свой шанс. Шанс их зарубить.

Она должна быть быстрее всех, сильнее всех.

Хитрее всех.

Девушка, посвятившая всю жизнь мечу – нет, процессу рубки – снова укрепила свою решимость и прищурилась.

Её сердце сияло, как острый край её клинка.

Шейн считала противников.

Судя по реакции шайки Джакуzzi, последние гости точно были незваными.

Девушка с копьем и её товарищи – скорей всего, врагами отца.

С кем из них ей придётся драться?

Но... Ещё точно не решено, враги ли вообще эти люди.

Она не могла понять, ни как отреагирует мафия, ни как девушка с катаной.

Всё выяснится, как только они шевельнутся.

В тот момент она и выберет, как поступить.

Ей нельзя пропустить этот миг. Она должна пойти по самому быстрому и эффективному пути достижения своих целей.

Так что, следя за обстановкой, она сощурила глаза до щёлочек.

Тим, Адель и остальные Лярвы тоже не могли двигаться.

Они оказались самыми непосвящёнными в текущую ситуацию. Была ещё и тупая парочка, которая думала что всё вокруг – шоу фокусов, но, похоже, даже они знали больше, чем Лярвы.

Тогда почему на них напала девушка с ножами?

Они понятия не имели, о чём она думает, и ни Тим ни Адель не могли отделаться от ощущения, что где-то уже её видели.

Они не знали, имеет ли это чувство отношение к причинам её враждебности. Если бы они узнали, кто она, то, возможно, нашли бы ответ, но сейчас было не время и не место для внепланового мозгового штурма.

В любом случае, наверно, лучший выход для них – сидеть тихо и ждать, пока кто-то не сделает первый ход.

Они решили, что просто посмотрят, как будут развиваться события.

– Э? А почему все вдруг остановились? – медленно спросил Тик, пропустивший молчаливый обмен быстрыми взглядами. Но и сейчас никто не шелохнулся.

Айзек и Мирия деловито перешёптывались, а Ронни молча ждал ответа Джакуззи. Остальные явно были на пределе и метали беспокойные взгляды.

Время остановилось.

Появление Ронни понизило температуру в комнате до абсолютного нуля.

И когда уже казалось, что они навеки застряли в состязании в гляделки...

Единственный, кто обладал силой снова всё запустить, медленно поднялся на ноги.

– Ох... Вы... Козлы... Я, я вас всех убью... нафиг...

Безжизненно лежавший возле Тима человек поднял голову и мрачно и злобно заговорил.

– Пусть и слабо, но я всё... слышал, ублюдки... Вот почему вы хотели, чтоб я с вами пошел, да? Это... точно всё? – выдохнул он, ещё переводя дух после недавней смерти и воскрешения.

– Вроде того, но не совсем.

– Засранец!..

Даллас потянулся к горлу Тима, но вдруг понял, что с его смерти обстановка изменилась, и остановился.

– Что происходит?..

Почти все в комнате держались, как туго скрученные пружины, и полностью игнорировали ожившего Далласа, будто он абсолютно не стоил их внимания.

Он оглянулся, пытаясь понять, что происходит, и обнаружил человека, который уставился прямо на него. Стройную девушку в деловом костюме, Эннис.

Она смотрела на него, склонив голову набок, будто пыталась что-то вспомнить... и Далласа, который тупо смотрел ей в лицо, захлестнуло чувство, что он откуда-то её знает.

Повисла пауза... Всего на миг, потому что Эннис вспомнила.

– Даллас?..

Её сомнения стали уверенностью, как только имя сорвалось с губ.

«Я его помню! Три года назад, когда...»

Когда она ещё служила Сциларду Квотешу, то победила и притащила ему бандитов. Даллас был их лидером и в итоге предал её, нарочно изрешетив их с Фиро автоматными очередями.

Она не знала, что случилось с ним после... Но точно знала, что сейчас перед ней стоит именно он.

Когда его называли по имени, Даллас тоже вспомнил, кто она.

– Ты...

И тогда... время снова пошло, даже понеслось.

Ринулось, как ревущая лавина, будто оно затаилось и собирало силы, а теперь шлюзы открылись.

– Что?

Узнав её, Даллас стал похож на безумца и внезапно рванулся прямо к Тику.

– Дай сюда!

Даллас нацелился на серебристые ножницы, что висели на боку у Тика – ближайшее оружие, которое легко добыть.

И как только смог дотянуться, как хищный дикий пес, тут же вцепился в ножницы с пояса Тика.

– Ай!

Тихо вскрикнув, Тик упал.

Даллас не обратил внимания и размахнулся, чтобы атаковать Эннис.

Но только он сделал первый шаг, как кто-то схватил его за руку и чуть не заставил потерять равновесие.

Он убийственно зыркнул через плечо и увидел Тика, который держал его за запястье, так и не поднявшись с пола.

– Нельзя, – безмятежно сказал Тик, грустными глазами глядя на Далласа. – Верни мои ножницы.

– Заткнись и пусти!

Даллас яростно дёрнул рукой, но хватка Тика оказалась неожиданно сильной.

– Не используй ножницы ради ненависти или мести! – поняв намерения Далласа, воскликнул Тик, демонстрируя непривычно резкую несговорчивость.

– Ах ты мелкий...

Даллас высоко поднял украденные ножницы, собираясь воткнуть их в руку Тика, чтобы освободиться.

Но его правая рука улетела к стене.

Шлёп.

Правая рука Далласа влажно шлёпнула по стене позади Тика. Однако нигде не было видно ни запястья, ни остального положенного тела – в луже крови лежала только кисть, всё ещё слабо сжимая в вялых пальцах ножницы.

– Э? – тупо спросил Даллас, глядя на фонтан крови, бьющий оттуда, где только что была его рука.

– А-а-а-а!

Как только он понял, что именно случилось с его рукой, жестокая агония застигла его врасплох.

Человек, отрубивший руку, выглядел очень довольным своей работой, широко улыбаясь и наблюдая, как Даллас пыхтит, как придушенный гусь.

– Я не виновата, амиго! – сказала Мария, подмигивая Тику и похлопывая по плечу обратной стороной меча. – Я же говорила, что спасу тебя, правда?

Она хихикнула, перевела взгляд на Далласа, ожидая увидеть расплывающуюся лужу крови... и застыла.

Кровь текла по полу в другую сторону, к запястью Далласа.

А лежавшая у стены рука как-то подкатилась к ногам хозяина. Она дёргалась, будто ею изнутри управляла кровь, и от спазмов ножницы упали на пол. Ярко-алая жидкость хлынула вверх, будто её притянули к ране магнитом... и наконец отрубленная рука тоже взмыла в воздух.

В следующий миг кисть и запястье столкнулись с влажным шлепком, и рана полностью закрылась, не оставив ни царапины, ни других свидетельств того, что руку вообще отрубали.

Видимо, исцеление уняло боль, потому что дыхание Далласа быстро выровнялось, и он разобрался в обстановке достаточно, чтобы убийственно уставиться на Марию.

– Ох... Это больно, дрянь!..

Его тело полностью исцелилось.

Мария пришла позже и не видела предыдущее «волшебное шоу», поэтому сейчас вытаращилась на Далласа...

– Ха-ха!

... и радостно рассмеялась, будто ребёнок, которому дали новую игрушку.

– Неплохо! Ты прям как мой босс, амиго!

Всего несколько человек в комнате подали вид, что услышали бездумные слова Марии.

Члены Лярвы, кажется, вообще не беспокоились о человеке, которому начисто снесло руку, но всего нескольких слов Марии хватило, чтобы они пристально посмотрели на неё и нахмурились.

– Что ты только что сказала?.. – пробормотал Тим, но Мария его не услышала, радостно размахивая поднятой вверх катаной.

Судя по её предыдущим словам и действиям, можно безошибочно утверждать, что мечница связана с семьёй Гандор.

Сложив вместе собранную по крохам информацию, сначала от брокеров, потом от Далласа, они пришли к выводу, что братья Гандор могут быть бессмертными. А отсутствие слухов на улицах заставило поверить, что бессмертие Гандоров держится в строгом секрете.

– Постой... Это не тайна? Что за чёрт.

Они не знали точно, кто стал бессмертным три года назад. Они знали, что Фиро Проченцо убил Сциларда Квотеша, что значило, что он бессмертен, и что три брата Гандора ожили после того, как Даллас расстрелял их из автомата, что тоже делало их бессмертными. Информационные брокеры намекали, что есть и другие бессмертные, но Тим заплатил недостаточно для более подробных сведений.

Тим холодно смотрел на Марию, которая смеясь опускала меч.

– Ха-ха-ха! Это весело! Ты возвращаешься в норму, сколько бы я тебя ни рубила!

Даллас бросился на Марию с намерением убить, но серебристый блеск заставил его замереть на полпути.

Точнее, он споткнулся, лишившись опорной ноги.

Но пропавшая нога быстро вернулась на своё место, видимые в ране кровь и мускулы дёргались, будто в такт его крикам.

– Ч-ч-ч-то с ним такое? Что это?! – взвизгнул Джакуzzi. Остальная шайка не слишком волновалась, уже дважды это видел, но все равно смущенно отводила взгляд от тошнотворного зрелища.

Мария солнечно улыбнулась абсолютно здоровому Далласу и голосом, который выдавал, что она отлично проводит время, зловещее заявила:

– Аха-ха-ха! Бесполезно, совсем бесполезно, амиго! Пока ты будешь исцеляться, я продолжу рубить. Снова и снова, снова и снова. Каждый раз, когда ты встанешь, я буду резать и рубить, рубить и резать, пока...

Меч свистнул в воздухе, отсекая левую кисть Далласа.

– ...пока ты не захочешь умереть, амиго!

– Тьфу, – сплюнул Тим, глядя на жалкое зрелище.

Он готовил бессмертие как награду, чтобы люди работали на него, но вид снова и снова покалеченного Далласа, который умирал и воскресал в жутком цикле, лучше которого казалась даже смерть, сработал бы противоположным образом. Этого надо избежать любой ценой.

Он бочком подвинулся к Адель и тихо заговорил, стараясь не отвлечь её от противостояния с Шейн.

– Адель... Останови девчонку-самурая.

– Ну, хорошо.

Двинулась она раньше, чем договорила.

Остриё её копья описало большой круг в воздухе, целясь в плечо Марии.

– О?

Но Мария в последний момент его заметила и вытащила второй меч, чтобы заблокировать удар.

Она подставила меч, но копьё, проносясь сквозь воздух, набрало скорость и с ужасной силой врезалось в клинок Марии – и разумеется, удар отдался во всём теле.

– Ох!

Мария машинально перенесла вес на пятки и кувыркнулась назад.

Она сделала несколько оборотов, легко вскочила на ноги и тут же бросилась прямо к Адели.

Её тело практически едва касалось пола, её мечи неслись как пули, но Адель уже уловила движение.

Она перехватила копьё, подтянула его к себе и толкнула в сторону Марии. Просто украшенный кончик молнией метнулся сквозь воздух к лицу Марии.

Мексиканка подняла меч, чтобы парировать, но в ту же секунду Адель отшатнулась назад.

«Финт?»

Мария удивлённо распахнула глаза.

Намерение убить, которое она почуяла в Адели, было настоящим. Блондинка нацелила удар точно ей между глаз.

Но как только она двинулась, чтобы заблокировать удар... противница немедленно отказалась от нападения и отступила за пределы досягаемости атак Марии.

Она на лету изменила тактику в ответ на движение Марии. Молниеносный ответ говорил Марии, что её соперница несомненно очень умела.

Мария отступила так, чтобы копьё её не достало, и бросила ещё один взгляд на противницу.

Они похожего телосложения. У Марии два меча, а у той одно копьё. Мария предположила бы, что весят они тоже примерно одинаково, а значит, обе используют оружие, которое обычно считается слишком тяжёлым, чтобы они могли им толком управлять.

Адель могла выглядеть неуверенной и колеблющейся, но в её владении оружием это никак не проявлялось.

– Никогда не дралась с тем, кто орудует копьём! У меня сердце колотится, амиго!

Мария перехватила мечи и дразняще рассмеялась.

Но Адель не купилась на приманку и заговорила всё с тем же извиняющимся видом:

– Это... неправда, да?

– ...

С лица Марии исчезла шутливость.

– О чём ты говоришь, амиго?

– Ты только притворяешься... что наслаждаешься, – ровно сказала Адель, глядя глазами перепуганного щенка.

– Может, недавно ты и правда была в восторге... Но как только мы скрестили оружие, ты начала сомневаться, не так ли? Ты подумала, что а вдруг я могу быть сильнее тебя.

– О чём ты говоришь?.. Я ни...

Мария фыркнула и попыталась всё отрицать, но Адель пропустила мимо ушей и продолжила:

– Ты пытаешься убедить себя, строя храбрый вид, так? Ты говоришь себе, что ты сильнее кого угодно, что твой меч может разрубить что угодно...

Мария молчала, но её глаза метали в Адель кинжалы.

– Ну, тут, правда, не о чем беспокоиться. Ты как минимум в два раза искусней меня...

Это могло бы быть попыткой утешить, но Адель продолжила, не меняясь в лице:

– Но... знаешь ли ты, как победить с мечом против копья?..

И, словно по волшебству, перед глазами Марии возникло блестящее лезвие.

– Кажется, говорили, что надо быть хотя бы в три раза искусней противника... Да, именно так...

Прямой удар издалека. Вот и всё, что сделала Адель.

Но это простое действие потрясло Марию сильнее, чем она считала возможным.

Вопреки себе, она отвлеклась на слова Адели.

В отличие от Марии, которая привыкла синхронизировать свою речь и настроение с ритмом тела, Адель была из тех, кто может действовать абсолютно противоположно своим эмоциям.

Её нерешительность и застенчивость не были притворством, но в действиях было рвение, которое совсем не отражалось на словах.

Выпад – настолько точный и чёткий, что от него буквально воздух треснул – снова метнул серебристое лезвие к Марии.

– Ай! – выдохнула Мария и подняла оба меча, пытаясь поймать трёхзубое остриё между клинками.

Увидев движение Марии, Адель сверкнула глазами, будто именно этого и ждала.

Хрустнув запястьем, Адель повернула древко, и наконечник копья внезапно крутанулся. То он летел к Марии так, что три лезвия были на одном уровне, а теперь, в мгновение ока, они оказались друг над другом.

Мария ахнула, но было уже поздно. Вращаясь, как лопасти ветряной мельницы, остриё копья проскользнуло сквозь её защиту.

И брызги крови заляпали пол.

Но в отличие от прошлого раза, темно-красные капли остались там, куда упали, и не вернулись к хозяину, сколько бы времени ни прошло.

* * *

– Эй, что за фигня тут происходит?!

– Кто все эти люди?

– Джакуззи, сделай что-нибудь!

– Хя-ха!

Весь холл превратился в сущий бедлам, будто отчаянный рывок Далласа запустил бурную цепную реакцию.

Когда девушки внезапно сцепились, юные разбойники прыснули в стороны и освободили им место, выстроившись вокруг. Но никто из них не струсил и не сбежал, хотя один за другим взгляды устремлялись на лидера.

Джакуззи, в свою очередь, совсем растерялся, тихонько всхлипывая и шепча под нос: «Н-не могли бы вы уйти и подраться где-нибудь ещё?»

Шейн всего на несколько шажков отступила от схлестнувшихся Адели и Марии, выбрав позицию так, чтоб, если понадобится, легко защитить Джакуззи и Нис.

– Ой, Ше-Шейн... У тебя кровь! Ты в порядке?

Шейн молча кивнула Джакуззи, унимая его тревоги. Он облегчённо вздохнул, но наверно слишком рано, потому что в следующий миг позади него раздался низкий голос.

– Похоже, всё усложняется...

Почувствовав, как по спине бежит внезапный холодок, Джакуззи оглянулся и увидел прямо за собой опасно прищурившегося человека из Семьи Мартилло.

– Ох!

– Когда вы...?!

Ронни не обратил внимания на изумлённые возгласы вокруг и сконцентрировался на своей цели.

– Но неважно. Я повторю для тебя, раз ты в первый раз не мог услышать... Ты знаешь, зачем я здесь, верно?

Джакуззи лишь смотрел на Ронни большими глазами.

– Детали мы можем обсудить позже, сейчас же мне нужен простой ответ на простой вопрос... Вы станете нам врагами или будете служить нам?

Джакуззи сморщился, будто собирался заплакать из-за сурового тона Ронни, но потом резко потряс головой, собираясь с духом, и набрался смелости посмотреть чудовищно опасному человеку прямо в глаза.

– Мы... не будем вам врагами.

– Хмм...

Ронни выжидающе смотрел на Джакуззи, и тот тихо продолжил:

– Но... Это не значит, что мы собираемся к вам присоединиться.

Еле заметно улыбнувшись татуированному парню, Ронни ждал объяснения.

– Мы... В прошлом мы потеряли хороших друзей из-за мафии... поэтому пока мы остаёмся одной группой, мы никогда не станем частью мафиозной организации.

Голос Джакуззи больше не дрожал.

Нис и Джон, и остальные из шайки, кто это слышал, закивали, поддерживая его решение.

– Воистину, – сказал Ронни, улыбаясь так, будто увидел нечто удивительное. Он осмотрелся и сказал нечто странное:

– Минуту назад казалось, что ты разрываешься, но сейчас у тебя лицо воина. А твои друзья, все такие разные и такие ершистые, сейчас стали единым целым. Хм... Именно из-за людей вроде тебя я и нахожу человечество настолько изумительным... Ладно, неважно.

Ронни говорил так, будто сам он не был частью человечества.

– Я услышал твой ответ. Но ты, так же как и я, знаешь, что это было весьма дерзко.

Джакуззи сказал, что он не хочет враждовать, но в то же время и не склонится перед Мартилло. Другими словами, он хотел, чтобы всё продолжалось, как есть, и чтобы все занимались своими делами.

Но если бы это было возможно, то ни Тику ни Ронни изначально не пришлось бы наносить визит.

Ронни снова сжал губы в тонкую линию, с его лица исчезло веселье.

Две девушки по-прежнему сражались, и звон клинков по-прежнему заполнял весь холл.

– Неважно... Полагаю, мне надо избавиться от помех, прежде чем мы начнём серьёзное обсуждение.

– Что?.. – начал Джакуззи, но Ронни уже отвернулся и направился к яростной битве в середине комнаты.

Он шел к урагану крови и лезвий так же размеренно и спокойно, будто улицу переходил.

И... время остановилось ещё раз.

Альвеаре

– Итак... Куда ушел Ронни? – спросил юный капо своего начальника.

Фиро давно допил свой кофе. Остальные посетители ресторана тоже, каждый по своему, наслаждались обеденным досугом.

Майза высыпал сахар в третью чашку кофе и спокойно ответил на вопрос Фиро:

– Понимаешь, на нашей территории некоторые проворачивают свои делишки.

– Ага, те странные детки с чикагским акцентом, что появились в прошлом году.

– Именно. Мы соглашались не обращать на них внимания, но «сухой закон» скоро закончится, и нам всё равно нужно навести порядок и подготовить планы наших новых дел, так что Ронни отправился поговорить с новичками.

– Один? – слегка удивился Фиро. – Знаешь, я узнал всего три года назад, когда стал капо, но оказалось, что Ронни всегда ходит разобраться с тем, что может обернуться неприятностями. И всегда один.

– Да, чаще всего так и происходит.

– Разве это не опасно? В смысле, разумеется, Ронни отлично управляется с ножом, и он стал бессмертным, как и я и остальная Семья на той вечеринке, но...

– Ха-ха... В одном ты ошибся, Фиро.

Майза засмеялся, и веселье смягчило его и так доброе лицо.

– В чём?

– Я думал, память Сциларда тебе подскажет... Но, значит, он не видел смысла запоминать лица людей. Нет, скорее он решил, что запоминать не обязательно, потому что это вообще не человек.

– О чём ты говоришь? Ну же, хватит надо мной смеяться, давай, открой секрет!

Фиро хмурился и требовал ответа, чувствуя, что что-то упустил, но Майза с легким смешком замял тему.

– Полагаю, он сам расскажет, когда решит, что время пришло. И запомни. Чем бы он ни оказался, Ронни – это Ронни.

– Ага, попробуй стать ещё загадочней, почему бы нет. Пфе.

Фиро потянулся и взглянул в окно на небо. Там сгустились зловещие тучи, и, глядя на них, Фиро глухо пробормотал себе под нос:

– Будет гроза...

* * *

Не может быть.

Этого не может быть.

Не могу поверить. Не поверю.

Я могу её зарубить. Я могу.

Мой меч, моя Мурасама, может рассечь эту женщину.

Если бы я только до неё дотянулась, если бы край царапнул кожу...
Но он не может.
Мой меч до неё не достаёт.
Нет, всё хорошо.
Я могу её достать.
Конечно могу.
А что я могу достать, то я могу разрезать. Я могу её побить.
Я в это верю. Я могу это сделать.
Я могу воткнуть в неё меч.
Я могу увернуться от острия её копья и пробить её защиту.
Я верю, что мои руки дотянутся до неё...

В особняке Дженоардов металл бился о металл, звенел и лязгал.
Мария уже давно сражалась с Аделью. На первый взгляд казалось, что это грандиозный бой практически равных мастеров, но внимательный зритель заметил бы, что у одной стороны явное преимущество.

– Тебе не кажется, что уже хватит? Это пустая... трата времени.

Говорила Адель спокойно, хотя атаковала яростно. И даже не запыхалась, несмотря на то, что уже довольно долго орудовала тяжелым копьем.

– Заткнись... Заткнись, амиго! Я ни за что не проиграю такой, как ты! Ни за что! Никогда!

С другой стороны, Мария уже хватала ртом воздух, а её одежда была заляпана алой кровью.

Они несколько раз сходились в титанических схватках, но каждый раз раны получала только Мария. Длинное копье ловко срывало каждую её атаку, а если она пробовала внезапный и необычный удар, то Адель замечала его и тут же отступала, гораздо дальше необходимого, эффективно возвращая всё на круги своя.

Мария делала всё, что могла, но никакие её усилия не могли преодолеть разницу между длиной копья и рук.

Но всё равно её умения поражали, и каждый раз, когда Адель делала убийственный выпад, Мария умудрялась на волосок, но увернуться.

Тем не менее, выглядела она ужасно: всё тело покрывали раны, словно она прошла через дождь из бритв.

Победитель был очевиден. Но огонь в глазах Марии отказывался угасать.

Хотя он дрогнул – последняя вспышка пламени, прежде чем оно полностью потухнет.

И словно для того, чтобы задуть даже эту последнюю мерцающую искорку, Адель холодно сказала:

– Ты пытаешься верой отрицать ужас, который испытываешь.

– Нет...

– Но вера это всего лишь, э-э... то, за что ты цепляешься в поисках утешения.

– Нет! – воскликнула Мария, низко приседая и замахиваясь мечом для удара вдвое быстрее обычного.

Но даже этот последний отчаянный удар не сумел достичь цели. Черенок копья ударил Марию за миг до того, как её лезвие дотянулось до тела Адели, а та мгновенно отступила в сторону, выходя за предел атаки Марии.

Если бы её противница не использовала копье. Нет, если бы только её копье было чуточку короче.

Но она сражалась копьем.

– И в доказательство... Ты начала сомневаться, не так ли?

Адель улыбнулась.

Она наконец улыбнулась.

– В каком-то уголке разума ты уже начала запинаться. Ты больше не можешь верить.

Это была улыбка победителя.

– Нет... Разве ты не осознала, что веришь в кое-что другое?

Триумфальная улыбка того, кто смотрит, как падает поверженный противник.

– Ты веришь в то, что не можешь победить меня... Нет, поскольку ты гораздо опытнее меня, наверно, лучше сказать...

Адель подтянула копье ближе и нанесла последний удар словами:

– Ты веришь, что меч... не может победить копье.

– Ха!..

Мария бешено атаковала, будто пытаясь опровергнуть слова Адели.

Её мечи превратились в серебряные сполохи, более быстрые и могучие, нежели те, что были до сих пор.

Но яростная атака естественно открыла больше дыр в её защите, и глаза Адели снова сверкнули – она не собиралась упускать такой шанс.

Остриё копья рванулось вперед, прямо в сердце Марии. Смертельный удар близился...

...и время остановилось.

* * *

«Погоди, не убивай её».

Мы не можем себе позволить, чтобы всё вышло из-под контроля и привлекло ненужное внимание. Тим шагнул к Адели, чтобы остановить её, но она уже полностью отдалась последнему ужасному удару.

Но копье не пронзило сердце Марии.

Вес оружие внезапно исчез из рук Адели, и она поперхнулась.

Тим, сама Адель и даже остальные Лярвы, которые до сих пор без особого интереса наблюдали за разворачивающейся битвой, теперь ошеломлённо уставились на происходящее.

– Моё копьё?!

Если воскрешение Далласа было чудом восстановления, то то, что случилось с Аделью, можно было назвать только чудом исчезновения.

Как только копьё коснулось Марии, оно исчезло из рук, развеялось, как дым.

– Ох!..

Не только Адель поразилась. Мария тоже смотрела на себя, будто не в силах поверить в то, что только что увидела.

Летающее ей в сердце копьё дематериализовалось... а через секунду исчезли и оба её клинка.

В ладонях угасло ощущение мечей, и пустые руки сжались в кулаки.

Она рухнула на колени, не понимая, что только что произошло.

– Почему...

Их шок как инфекция передался остальным людям в особняке.

Что только что случилось? Самый лучший вид на события оказался у Джакуzzi и его шайки.

– Что, что это... Что это было?

Но даже они, которые всё видели, могли только запинаться и бормотать вопросы.

А видели они нечто простое и в то же время абсолютно невероятное.

Мужчина, который назвался Ронни, без колебаний встал на пути обеих атак... а через миг он уже держал в правой руке копьё, а в левой – пару катан.

Может, он отобрал их молниеносной демонстрацией какой-то странной техники?

Нет.

За секунду до появления у него в руках, все три оружия явно были далеко за пределами его досягаемости.

Но в следующий миг они оказались в его власти. Невозможно, как ни посмотри.

Ронни опустил оружие на пол, медленно мотнул головой и сказал:

– Помолчите, хорошо?

Высказавшись, он отвернулся от совершенно потерянных Марии и Адели и направился обратно к группе Джакуzzi.

– Нис... – глядя на приближающегося человека, тихонько, чтобы только она услышала, прошептал Джакуzzi своей подруге, – что он такое?

Он понял, что что-то не так.

Он понял, что в нём поднимается незнакомый вид страха от взгляда на мужчину, который только что пренебрёг законами физики.

Тим и Лярвы не стали исключениями из общей атмосферы удивления – даже те, кто наблюдал за событиями и ухом не ведя, теперь заметно волновались.

– Эй, Адель. Что... что это была за чертовщина?

– Ну... Э-э, я... я бы тоже хотела это знать...

Они тревожно смотрели друг на друга, когда ситуация внезапно свернула в неизвестность. Но никто из них не мог дать ответ или объяснение тому, что сделал Ронни, и между ними повисла неуютная тишина.

Холл, будто холодом, заполнил тяжелый дух ужаса.

Давящую атмосферу, что угрожала пропитать воздух разогнали громкие хлопки внезапных аплодисментов, зазвеневшие в особняке.

– Ух ты! Изумительно! Просто поразительно! Я и не знал, что ты тоже фокусник, Ронни!

– Здесь сегодня было назначено соревнование фокусников?

– Танец, что нам только что показали милые барышни, тоже был потрясающий. Мы выбрали удачное время, чтобы зайти.

– Это наш счастливый день!

Похоже, Айзек и Мирия считали, что всё происходившее в особняке было частью грандиозного спектакля. Любой нормальный человек нашел бы, что сказать о таком странном «шоу», но к счастью, эти двое слегка отличались от того, что назвал бы нормальным здравомыслящий человек.

«Восхитительны, как всегда».

Ронни спрятал улыбку, чтобы никто не заметил.

Всё ещё аплодируя, Айзек и Мирия подошли к Адели, которая подобрала своё копье. Они впервые увидели её меньше часа назад, но обратились к ней, как к давней подруге:

– Ты показала нам невероятную магию!

– Удивительное зрелище исцеления человека!

В их глазах сияли уважение и восхищение, будто они встретились со знаменитой кинозвездой.

Но Адель не обратила на них внимания, несколько раз перехватила копье...

...и нанесла сильный удар рядом с головой Айзека.

– Ой!

Одно из торчащих сбоку лезвий задело ухо Айзека и оставило маленькую ранку.

– Ой-ёй! Айзек!

Мирия рванулась к нему с волнением на лице, но Адель, так и не глянув на них, странно смотрела на своё оружие.

– С ним... с ним же всё хорошо... правда?

Тим подошел и повысил голос, пытаясь замаять странный поступок Адели.

– Понимаешь, парень? Это было не шоу фоку...

Его порыв иссяк, когда Айзек с растерянным видом отнял руку от уха.

– Хм? Оно не болит.

– Вау, Айзек! Порез полностью исчез!

– Что?!

Тим и Лярвы не могли скрыть изумления.

На ухе Айзека должна была быть рана, но, когда он отвёл руку, они увидели нетронутую кожу, и кстати, ни капли крови на ладони.

– Что-то не так... – пробормотала Адель, словно глазам своим не веря, и снова перехватила копье. На этот раз она целилась прямо в Айзека...

Но кто-то сзади схватил древко копья.

Недоумевающая, она обернулась и увидела девушку в чёрном деловом костюме, которая холодно на неё смотрела.

– Извинись...

– Простите?

– Извинись перед Айзеком, – сказала Эннис, её глаза были как льдинки. Адель смутившись отвела взгляд и попыталась освободиться.

– Простите, но, э-э, сейчас не время для извинений...

Адель дернула копье, но Эннис легко оттолкнулась от пола, кувыркнулась над головой Адели и приземлилась за её спиной.

– Извинись.

Адель слегка отступила, в её глазах проявилось удивление, когда она поняла, что противник знает, как драться. Она настороженно подняла копьё, готовясь к бою.

Над ними повисла тревожная тишина.

Которую немедленно разбили громкие голоса Айзека и Мирии.

– Постой, Эннис! погоди секунду! Эта милая барышня просто показывала нам волшебный фокус!

– Просто фокус-покус!

Пока Эннис подыскивала слова для комичной парочки, Адель сосредоточенно нахмурилась и заговорила первой:

– Эннис... погоди, кто-то из Семьи Мартилло и... Эннис? Э, простите, Сциларду Квотешу вы приходитесь...

– Что?..

Нежданное имя вернуло ужасные воспоминания, погребённые далеко в прошлом.

Откуда эта девушка знает про Сциларда? Эннис смотрела на Адель, открыв рот, чтобы спросить, но мужской вздох из-за спины перебил разговор.

– Кхе... Ох!..

Позади них наконец снова очнулся Даллас и теперь медленно поднимался на ноги.

– Вы... вы, сучки...

И как только показалось, что тлеющий уголек конфликта снова взорвётся неукротимым адским пламенем...

– Простите! – воскликнул Джакуззи, и его голос зазвенел над общим гомоном. – П-простите! На самом деле это не наш дом! Мы его просто одолжили... Поэтому мы попадём в большие неприятности, если вы продолжите драться!

Надо было ему раньше это сказать.

Тим расхохотался от абсурдности. Но смех замер у него на губах.

Стоящая рядом с Джакуззи девушка, та, что в очках поверх повязки на глазу, что-то держала в руке.

Какой-то шарик медного цвета с чёрной верёвочкой, похожей на фитиль свечи, торчащей с одного конца... А на конце верёвочки огонёк разбрасывал трескучие и яркие искры, жадно пожирая то, в чём Тим признал запал.

– Пригни...

Тим пытался скомандовать своим отступить, но было уже слишком поздно.

– Простите, мистер Ронни! Тут стало немножко страшно, так что я в следующий раз вас выслушаю! – крикнул через плечо Джакуззи и побежал, а потом Нис подкинула свой шарик высоко в воздух.

Огонёк исчез в шаре.

Гулкий приглушенный взрыв... и холл заполнил белый дым.

– Дымовая шашка? – закричал Тим и вскочил на ноги.

Белая стена, расплзаясь, закрыла всё, и время снова понеслось бешеными скачками.

Шайка Джакуzzi беспорядочно, как кролики от охотника, порскнула в глубины особняка, выбираясь наружу на улицы Мили Миллионеров.

Шейн замешкалась, беспокоясь о Лярвах, но Джакуzzi крикнул ей: «Помоги остальным!» и она тоже ушла, бросив напоследок упрямый взгляд через плечо.

– Не паниковать! Пригнитесь и выходите! Постарайтесь не вдыхать дым! – приказал Тим и, показывая собой пример, низко наклонился и побежал к выходу из особняка.

Тик сорвался с места до того, как столкнулся с дымом, одной рукой хватая Марию, а другой – её мечи, и метнулся к двери. Он почти тащил совершенно растерявшуюся мечницу, которая следовала за ним без жалоб.

Белый дым потемнел до грязно-серого и вытек за дверь, гармонично сочетаясь с пасмурным небом.

Как будто весь дом окутала грозозвая туча.

Ещё недавно переполненный особняк опустел за считанные секунды, как окуренная кроличья нора.

Как по волшебству...

Ронни шел сквозь ослепляющий дым, не заботясь о том, что зрение заволкло белизной.

Он почувял, что Джакуzzi сбежал, и усмехнулся.

– Порывистый, верно? Неважно. Я снова приду зав...

И вдруг кто-то крепко схватил его за правую руку.

Ронни едва заметно нахмурился, взгляделся в удушашую пелену дыма и увидел...

Связующая глава
Дождь и письма, и ножницы, и любовь, и...

**CONNECTING
CHAPTER**

**RAIN AND
LETTERS AND
SCISSORS AND
LOVE AND**

Есть миг, когда всё рушится.

Даже алмаз можно расколоть в пыль, если правильно ударить.

Мне нравится чувство, с которым я смотрю, как рушится нечто, построенное на века.

Миг – и всё навеки кончено.

Чем дольше что-то строить, чем оно тяжелее, тем грандиозней будет падение, когда постройка рухнет. Так устроен мир.

Поэтому я никогда не строю ничего сверх необходимого, поэтому я не желаю ничего сверх положенного мне.

Я хочу всего лишь места для себя. Просто маленький фонд, чтобы скопить самый минимум счастья.

...Поэтому сейчас я здесь.

Тим сидел на каменных ступенях у входа в Центральный парк, глазел в темнеющее небо и предавался воспоминаниям.

Адель и остальные Лярвы сидели неподалёку и наслаждались кратким моментом отдыха.

По хорошему они должны были уже запустить следующую часть плана, но непредвиденное развитие событий сунуло им палку в колеса. Тим вспомнил всё, что пошло не так, и подавил раздражённый вздох.

«Я не желал ничего сверх самого минимума, и не строил ничего лишнего, но...»

Но всё равно, меньше чем за день столько всего развалилось.

Первым признаком проблем стала странная парочка, которая назвала восхождение Далласа волшебным фокусом. Ещё надо выяснить, зажившее ухо означает, что они тоже бессмертны, или ему просто почудилось.

Ещё была девушка с ножами, которая напала без повода. Он знал, что где-то её уже видел, но как ни старался не мог вспомнить где и когда.

Девушка из Семьи Гандор, которая с небрежной развязностью орудовала парой катан. Абсолютно безрассудная, но к счастью не проблема, пока у них есть Адель.

И наконец... гангстер с острым как нож взглядом, обладающий какой-то непостижимой силой.

– Проклятье, а ещё нам надо разыскать Далласа.

Когда они снова собрались после побега из окутанного дымом дома, то поняли, что потеряли Далласа. Должно быть, он незаметно улизнул под шумок. И когда они вернулись проверить особняк, его уже давно там не было.

Но сильнее всего Тима добил сущий пустяк по сравнению с остальным.

Там был кое-кто, кто угрожал самым основам его личности, кто угрожал самому его существованию.

«Я изменил в себе всё, чтобы никто и никогда меня не узнал.

Я отказался от своего лица и манеры говорить, от чувствительности и преимуществ, от всего. Выбросил их прочь и набрал заново.

Теперь никто, глядя на меня, не подумает о мальчишке, которым я был.»

Тим был уверен в этом знании – можно без преувеличения сказать, что он им жил.

«В данном случае, не думаю, что он вообще меня узнал».

Но хотя он изменил в себе всё, он ничуть не изменился.

Тим отказался от своего имени и прошлого, но все равно отлично помнил эти добродушно прищуренные глаза.

Неторопливая и безмятежная речь, которая никогда не давала прочесть эмоции, и острые ножницы в руках, и всё прочее в нем было точно таким, как и во времена их детства.

Перебирая события в особняке, он вспоминал лицо Тика.

Тим – нет, Так Джефферсон – вспоминал лицо брата, которого восемь лет не видел.

– Почему... Почему Тик был там...

Самая неожиданная встреча с прошлым, которое он считал давно отвергнутым.

И как символ разума Тима, вибрирующего от путаных мыслей...

...Холодные капли дождя застучали по поднятому к небу лицу.

Тихий шорох дождя прогнал тишину, и к Тиму подошёл один из подчинённых. Его не было во время визита в особняк Дженоардов, потому что обычно он работал отдельно от остальной команды.

– Босс.

– Да?

– Мне позвонили. Кристофер и его команда встретятся с нами сегодня вечером.

При упоминании имени Тим заметно побледнел.

– Кристофер? Кристофер?! – переспросил он, и от нетипичной ярости в его голосе подчинённый вздрогнул и отвёл взгляд.

– Какого чёрта он приезжает?! Ты, как и я, отлично знаешь, что может случиться, если мы втянем в этого такого безрассудного...

– Приказ Мастера Хью, босс.

– Ох!..

Приказ от того, кто сейчас под стражей в полиции.

Невозможно, но Тим только разочарованно рыкнул и сдался, приняв объяснение подчиненного как факт.

– Бу... Значит эти дикари едут сюда. Если честно я хотел избежать совместной работы с ними, если можно.

– У нас нет выбора. В конце концов, Ламия¹⁶ – это хребет Лярв.
Услышав имя, Адель оторвалась от полировки копья и с улыбкой на лице вклинилась в разговор:

– Э... Кристофер приезжает?

– Угу...

– Отлично... Тогда полагаю, это значит, что я смогу порезвиться?

Веселый вид Адели заметно отличался от обычного поведения. Тим покачал головой и вздохнул.

– Будь проклята Ламия. У меня по горло забот с одной Аделью, а она самая послушная из всех.

Он вытер дождевую воду со щеки и снова уставился в небо.

Он подумал о своём брате и о компаньонах, которые должны присоединиться к ним этой ночью, и о задании, за которое отвечал, и тихонько пробормотал:

– Будет ливень...

* * *

– Дождь идет, – взволнованно сказал Фиро, глядя как капли брызгают на окно. – Надеюсь, они не сильно промокнут...

Будто пытаясь перевести тревогу Фиро в шутку, Майза с улыбкой поддразнил:

– Беспokoишься за Айзека и Мирию?

– Я говорю про Эннис и Ронни.

– Надеюсь, ты придумал подходящее извинение.

– Ох, оставь меня в покое, – надулся Фиро, пытаясь скрыть своё смущение.

Он встал, подошёл к окну и выглянул на улицу.

До прошлого года здесь было всего одно окно, да и то крохотное – чтобы изнутри можно было выглянуть на улицу, а снаружи заглянуть в ресторан нельзя. Однако, поскольку близилась отмена «сухого закона», ресторан значительно обновили, чтобы привлечь посетителей более открытой атмосферой.

Теперь Фиро стоял перед окном больше его роста и смотрел на залитые дождем улицы Маленькой Италии.

Внезапный холодок пробежал по его спине и исчез чуть ли не раньше, чем Фиро сообразил, что это было. Сильное впечатление, что что-то не так, хотя он и не мог точно сказать почему. Он снова выглянул в окно, на этот раз осторожней, пытаясь понять причину, и заметил человека, стоящего на бордюре с другой стороны дороги.

¹⁶ в греческой мифологии женщина-змея, которую иногда наделяли вампирскими качествами. В данном случае используется в смысле «вампир»

И как только они встретились взглядами, Фиро понял, что вызвало внезапное предчувствие. Подозрительный человек смотрел в сторону Фиро, стоя под дождем без зонтика. Он не обращал внимания на ливень и уставился на магазин – нет, прямо на Фиро.

Странно, что взгляд человека был злобным и убийственным, настолько полным ненависти, что было заметно даже с расстояния.

– Что за...

Встревоженный Фиро прищурился, пытаясь опознать человека.

Он его уже где-то видел.

– Где же мы с ним встречались?..

Особенности его работы обязательно вызывали враждебность у немалого числа людей, но до сих пор он никогда не чуял в свой адрес настолько явного намерения убить.

Он попытался сконцентрироваться на лице человека... но видимо незнакомец понял, что Фиро на него смотрит, развернулся и медленно исчез в суетливой толпе.

– И что это была за чертовщина?

Фиро ещё секунду недоуменно присматривался к улице, потом сдался и вернулся на своё место у стойки.

– Что-то не так?

– Нет, ничего.

Он сохранял улыбку на лице, но мысленно яростно пытался вспомнить, кем был тот человек.

«Кто он такой...»

Он рассеянно прихлебывал кофе из заново наполненной чашки и копался в памяти, когда к нему подошла Сена, хозяйка Альвеаре.

– Фиро, кто-то оставил это на стойке.

– Ась? Что это?

Сена передала ему конверт, на котором чёткими печатными буквами было написано «для Фиро Проченцо».

– Что за?..

Фиро нахмурился, разорвал конверт и бегом просмотрел записку внутри.

Прошел долгий миг.

Фиро побелел, как полотно, отшвырнул записку и бегом вылетел из ресторана.

– Фиро?! Что случилось?! Фиро!

Его не заставил притормозить даже обеспокоенный возглас Майзы, и во мгновение ока он исчез из виду.

Майза подобрал выброшенную записку и заметил очевидно изменённый почерк.

«Эннис и Ронни Скиатто у нас».

В письме была всего одна строка. И больше ничего: ни имени отправителя, ни требований выкупа, ни даже угроз.

– Похищены? Эннис... и Ронни? – Майза медленно пытался уложить это в голове и, наконец, вынес заключение:

– Невозможно.

Сена глянула на письмо через плечо Майзы и раздраженно покачала головой.

– Полагаю, он считал, что никто не сможет его узнать, но... почерк у Айзека, как обычно, ужасен.

* * *

Я их убью.

Я их всех убью и неважно кого.

Думали, можете смотреть на меня свысока, да? Я вас убью.

Сначала я подумал, может, я не могу никого побить? Может, я ничего не могу сделать?

Я это чувствовал, когда меня кромсала бешеная мексиканская сучка.

А потом я вспомнил. Я, блин, вспомнил. Я увидел лицо ублюдка и всё вспомнил.

Ради этого стоило проделать весь путь до Маленькой Италии, даже если он тоже меня увидел.

О, Фиро Проченцо. Я увидел твоё лицо и вспомнил.

Вот на что похоже желание кого-то убить.

Убить хладнокровно.

Теперь мы поговорим.

А дождь меня больше не беспокоит. Вообще-то он заставляет меня чувствовать себя лучше.

Я убью тебя, во что бы то ни стало. Заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родился. Заставлю желать, чтобы ты никогда не существовал.

Я убью каждого, кто глянет на меня свысока, всех до последнего!..

Сначала Тима и Адель. Об этих двоих я позабочусь раньше всех прочих.

Иначе Ева будет в опасности.

Да, я её люблю. Я сделаю что угодно ради её безопасности.

Прости, Ева. Твой брат никогда не отличался особым умом.

Я не знаю, как ещё тебя защитить.

Что я могу сказать? Я не могу придумать другого способа уберечь тебя, кроме как убить всех, кто может тебе навредить.

Даллас Дженоард брел по дождливым улицам полный эгоистичной решимости.

– Чёрт, – пробормотал он, и тихий голос затерялся в падающем вокруг ливне. – Здесь прямо как в проклятой реке.

– Темно... Ничего не вижу.

* * *

Фиро мчался по улочкам Маленькой Италии, а перед его мысленным взором стояло лицо недавно увиденного человека.

«Это он! Так я и знал, это он!»

Фиро знал, что человек, который смотрел на него перед Альвеаре, – тот же самый, кто похитил Эннис и прислал письмо. И покопавшись в воспоминаниях, связанных с Эннис, он наконец сумел вспомнить, кто это был.

«Даллас! Как он сумел выбраться?!»

Даллас, который три года назад убил их с Эннис, расстрелял из автомата.

Даллас, который должен был до сих пор наслаждаться путешествием в один конец на дно Гудзона, благодаря братьям Гандорам.

Как он освободился? По хорошему, Даллас должен был снова и снова в бесконечном цикле тонуть и умирать, а не гулять по улицам Нью-Йорка. Волнующий вопрос, но в данный момент не самый важный.

Фиро Проченцо бежал бесцельно.

«Этот ублюдок забрал Эннис!..»

Он слепо мчался вперёд, полный решимости спасти любимую женщину.

Царящий на улицах дождь глотал звук шагов Фиро и красил тротуары в темные и мрачные цвета.

Будто сами улицы желали, чтобы ливень продолжался вечно.

* * *

– Сильный дождь.

Тик и Мария укрылись в заброшенном здании, предназначенном под снос, неподалёку от Центрального вокзала.

Тик выглядел как обычно, а Мария казалась совсем другим человеком. Они сидела в углу серой бетонной комнаты, спрятав лицо в коленях, как ребёнок, которого отругали и отправили в свою комнату.

Чтобы наспех обработать свои раны, ей пришлось использовать одежду на бинты, и теперь драные лохмотья в сочетании с засохшей кровью на теле придавали ей ещё более жалкий вид.

– Ты в порядке? – озабоченно спросил Тик и подошёл ближе, но Мария даже не глянула на него. Она отозвалась слабым голосом, который Тик с трудом мог сопоставить с энергичной девушкой, к которой привык.

– Эй, Тик...

– Да?

– Прости... Я тебе соврала. Я говорила, что никому не проиграю...

– Ты не врала. Ты никому не проиграла и сохранила меня в безопасности, – сказал Тик. Он высказал свое честное мнение, а не пытался утешить или пожалеть её.

Но Мария не подала вида, что услышала его слова, и, не поднимая головы, в отчаянии сжала кулаки.

– Почему... Почему, будь оно проклято... Я так не расстраивалась, даже когда меня побил Вино!

Конечно она знала почему. Вино превосходил её по всем статьям, от силы до скорости, от техники до силы духа.

Но... девушка, с которой она сражалась сегодня, Адель, была заметно слабее и медленнее её. Это признала даже сама Адель.

Хотя проиграла в итоге Мария.

Действительно ли из-за выбора оружия? Или ещё почему-то? Она до сих пор не знала наверняка. На самом деле, не хотела знать.

Тик молча слушал, как Мария продолжает горько себя упрекать.

– Дедушка мне говорил! Говорил, что если мое умение будет соответствовать моей вере, то я смогу разрубить что угодно. Что не найдётся в мире того, что я не смогу рассечь! Но... Я до сих пор не знаю, стала ли я лучше. Я думала, что зарубив деда докажу, что мои умения выросли, но он умер от болезни раньше, чем я смогла... Я испугалась. Я не знала, если ли у меня силы всё рассечь. Поэтому я слепо рубила всё, что видела. Только так я могла доказать себе свою силу...

За время тирады пыл постепенно исчезал из её голоса. Она сжалась в комочек, как испуганный котёнок: не осталось ни следа той веселой девушки, что знал Тик.

– Но я проиграла. Ты тоже это видел, да? Видел, как девушка с копьём побил меня, даже не вспотев...

– Прости. Наверно, это я виноват! – немного подумав, сказал Тик.

– Что?..

– Знаешь, не думаю, что могу взаправду в такое поверить. Ты говорила, что всё будет хорошо, пока мы оба в это верим, правильно? Но я сомневался в себе. Не знал, смогу ли я.

Мария подняла голову на странное объяснение и с интересом посмотрела Тику в глаза.

– Я не мог поверить в «веру», потому что она не имеет формы, и это тебя ослабило... Прости. Отныне я изо всех сил буду стараться верить. Тогда в следующий раз всё получится, верно?

Его слова наполнял искренний оптимизм, на который способны только дети. Но Мария, подумав секунду, помотала головой.

– Я боюсь.

– Чего?

– Я боюсь. Когда думаю, что может случиться, если снова ей проиграю, что могу разувериться в Мурасаме... Я представляю, как обвиняю в поражении свои мечи, и так пугаюсь, что ничего не могу сделать.

Излагая свои мысли, она стиснула пальцами рукояти мечей, пытаясь скрыть тревогу. Она знала, что утешает себя, но чувствовала, что в противном случае потеряет всякую надежду.

– Мечи это всё, что у меня есть. Они для меня всё... Кажется, что если я усомнюсь в них, то потеряю своё прошлое и свою гордость, и свою веру, и свою душу, и мне страшно, амиго...

Последнее слово она произнесла так, будто умоляла о помощи.

Тик не стал утешать её или отказывать в просьбе. Он просто сказал, что думал.

– Я говорил тебе, что могу поверить только в то, что может сломаться, так?

Она недоумевающе смотрела на него.

– Поэтому я не поверю в твои слова, потому что я ещё не видел, как ломаются твои гордость и душа, и всё прочее. Я просто думаю, Мария, что ты та, кто ты есть.

Его слова не развеяли её сомнения, но всё же Мария слабо улыбнулась Тику.

– Ты добрый, амиго, – прошептала она.

Она прикрыла глаза и медленно погрузилась в дрему: усталость взяла над ней верх.

Тик заговорил сам с собой, даже не проверяя, заснула ли Мария.

– Всё и правда усложнилось.

Задумавшись, он смотрел на дождь, заливающий улицу перед входом в заброшенное здание.

– Самый быстрый способ разрубить запутанный узел – это погромсать его на куски, но... Вот если бы тут был кто-то достаточно сильный, чтобы прорубиться сквозь эту путаницу...

Тик стоял возле спящей Марии, заслушавшись успокаивающим шумом дождя. Наконец, он снял с бока и высоко поднял пару ножниц, медленно то открывая их, то закрывая.

Будто пытался разрезать нечто никому невидимое.

Чик. Одинокий звук вскоре смешался с глухим рокотом дождя и исчез.

Но Тик все равно продолжал молча стричь воздух.

Чики-чик, чики-чик.

* * *

– И?

Мужской голос глухо звучал в темной комнате.

Молодой человек бандитского вида, стоящий у входа, с трудом сглотнул и сказал в темноту:

– И, э-э... Ну, Джакуззи и остальные из нас сейчас спрятались в той заброшенной фабрике у реки... Н-но тот мужик, Ронни, выглядел правда

опасным! Клянусь, ни у кого, кроме вас, против него нет никаких шансов! – сказал он, подводя краткий итог тому, что с ним случилось.

– Пожалуйста, умоляю вас! Если вы просто будете с нами, мы будем почти непобедимы!

– Вычеркни слово «почти», – сказал мужчина из темноты, и по его голосу было непонятно, шутит ли он или говорит серьёзно. Он медленно поднялся на ноги.

– Вообще-то я не чувствую никакой обязанности помогать вам, ребята... Но моей восхитительной, милой, очаровательной, прекрасной, совершенно прелестной невесте? Совсем другое дело. Ладно, идем.

– Правда?!

– Кстати, как дела у Шейн?

– А, э, ну, там были странные ребята, которые не из Мартилло, и она подралась с одним из них и получила порез на лиц...

Существо во тьме внезапно метнулось к юному бандиту.

– Она в порядке? С Шейн всё хорошо?

Бандит поперхнулся, потому что тяжело дышать, когда рука схватила тебя за воротник и оторвала от земли.

– О-ох! О-она в порядке! Всё хорошо, к-клянусь!

– О, тогда хорошо, – сказал мужчина и разжал руку, не обращая внимания на упавшего на пол парнишку.

– Нет, погоди. Совсем не хорошо.

Он прикрыл рот рукой и задумчиво постучал указательным пальцем по переносице.

– Шейн решила жить со мной. Она пообещала мне, что станет частью моего мира, что мы разделим мир на двоих, – медленно произнёс он, прищурясь.

– Непростительно... Значит, эти ваши «враги» поцарапали Шейн лицо? Это всё равно, что поцарапать мой мир. Всё равно, что поранить моё собственное тело, – размышлял он, выражая ярость за рану любимой окольными эвфемизмами, пока переодевался, собираясь уходить.

– И кстати, если подумать, какой парень будет ранить девушку в лицо? И он называет себя мужчиной?

– Ну, вообще-то, она сражалась с другой девушкой.

– Я борец за равные права!

– Это же бессмысленно!

Мужчина отмахнулся от возражений юного оборванца и, заканчивая сборы, энергично продолжил:

– Теперь пора поднять занавес. Сцена – это я, герой – тоже я, а героиней будет Шейн.

Его тон был довольно легкомысленным, но глаза горели холодным огнем.

– Давайте начинать веселье.

Итак...

Одно из самых опасных существ Нью-Йорка бесшумно двинулось сквозь дождь, намереваясь сжечь дотла запутанный узел событий.

Его звали Феликс Уолкен.

Раньше его знали как Клэра Стэнфилда.

Но близко знакомые с ним люди использовали другое прозвище. Некоторые произносили его с благоговейным трепетом, а другие тихо шептали с ужасом и отчаянием.

«Вино...» – говорили они. А иногда «Путевой Обходчик»...

Яростный ливень не собирался заканчиваться.

Казалось, будто шум дождя намерен полностью поглотить улицы.

Слабая морось превратилась в ревущий поток, который предвещал скорую бурю.

Дождь лил без остановок, раскрашивая улицы и людей в темные оттенки.

Сильнее и ещё сильнее.

Будто хотел разрезать пополам сами улицы.

Продолжение в следующем томе